

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
МЕТОДИЧЕСКИЙ СОВЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ОБВИНИТЕЛЬ
В СОВЕТСКОМ
СУДЕ

ГОСЮРИЗДАТ
МОСКВА · 1954

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
МЕТОДИЧЕСКИЙ СОВЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ОБВИНИТЕЛЬ
В СОВЕТСКОМ
СУДЕ

Под общей редакцией
Заместителя Генерального Прокурора СССР
В. А. БОЛДЫРЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва—1954

Настоящая работа представляет собой пособие для прокурорских работников по поддержанию государственного обвинения в советском суде.

В книге излагаются задачи государственного обвинения, учение о доказательствах, формы и методы подготовки и участия прокурора в судебном процессе. Особое место отведено речи государственного обвинителя.

Авторами настоящей работы являются:

Предисловия — В. А. Болдырев.

Главы I — М. М. Гродзинский.

Главы II — А. Н. Васильев и
И. Г. Сапожников.

Главы III — С. Я. Розенблит.

Главы IV — Л. Н. Смирнов.

Вместе с ростом могущества Советского государства, повышением материального благосостояния и культуры советского народа в нашей стране происходит непрерывный процесс укрепления социалистической законности и правопорядка.

Задачи борьбы за дальнейшее укрепление социалистической законности требуют улучшения деятельности прокурорского надзора на всех основных его участках, в том числе и работы прокуроров как государственных обвинителей.

Поддержание государственного обвинения в суде — важнейшая обязанность советской прокуратуры.

Публично изобличая на суде преступников, выдвигая и обосновывая требование о наказании виновных, прокурор вместе с тем в каждом своем выступлении на судебном процессе выполняет исключительно важную и ответственную работу по предупреждению преступлений, внедрению в сознание самых широких масс уважения к советским законам и по пропаганде идей советского права.

Поэтому так велико предупредительное и воспитательное значение судебной работы прокурора.

В сложной и многообразной деятельности прокурорского надзора государственное обвинение занимает особое место.

В зале суда завершается предшествующая деятельность органов прокуратуры. На суде становятся видимыми недостатки работы прокуратуры по осуществлению надзора за следствием и дознанием.

Длительная и кропотливая работа органов дознания и следствия по раскрытию преступлений и изобличению преступников подвергается на судебном процессе быстрой и

всесторонней проверке в обстановке гласного, публичного и состязательного процесса.

Сама состязательность судебного процесса в советском суде, коренным образом отличающаяся от состязательности в буржуазном суде, требует от выступающего в суде прокурора не только тщательной подготовки и полного владения материалами дела, но, кроме того, и высокой юридической культуры, активности в изобличении виновных, умения отразить необоснованные попытки другой стороны опорочить материалы обвинения.

В то же время прокурор, выступающий в советском суде, должен быть полностью объективен, ибо всему духу советского обвинения глубоко чужд так называемый «обвинительный уклон», стремление добиться обвинительного приговора «несмотря ни на что» и зачастую вопреки материалам дела — столь характерные для любой буржуазной прокуратуры.

Осуществляя уголовное преследование, советский прокурор заинтересован прежде всего в установлении материальной истины по делу и в том, чтобы наказанию было подвергнуто лицо, действительно виновное в совершении преступления. Этот принцип, характерный для всей предшествующей деятельности органов прокуратуры по раскрытию преступлений и изобличению лиц, виновных в их совершении, полностью относится к выступлению государственного обвинителя на судебном процессе.

Прокурор должен быть непримирим к любым нарушениям закона, от кого бы они ни исходили. Конституционная обязанность прокурора — во всей своей деятельности осуществлять надзор за точным исполнением закона всеми учреждениями, должностными лицами, а также гражданами СССР — уже сама по себе обязывает государственного обвинителя не допускать односторонности судебного процесса как в направлении необоснованного отрицания доказательств обвинения, так и, наоборот, в направлении необоснованного обвинения подсудимого.

Процессуальный закон определяет положение прокурора в судебном процессе как положение одной из сторон. Однако специфическое положение государственного обвинителя как стороны в судебном процессе не может влиять на исполнение прокурором его важнейшей прокурорской функции — надзора за законностью.

Строго подчиняясь процессуальному регламенту и вы-

полняя обязательные для него законные указания суда, твердо помня, что одна из основных его обязанностей в судебном процессе заключается в том, чтобы быть помощником суда в деле установления материальной истины,— государственный обвинитель, выступая в суде, не перестает быть представителем органа, осуществляющего надзор за точным исполнением закона.

Поэтому, с нашей точки зрения, было бы совершенно неправильно ставить знак равенства между положением в судебном процессе государственного обвинителя и положением другой стороны.

Между тем подобные попытки со стороны отдельных теоретиков имеют место.

Положение государственного обвинителя принципиально отлично от положения другой стороны уже в силу того, что прокурор, выступая в суде, не имеет права пройти мимо нарушений закона и в том случае, если эти нарушения будут облегчать поддержание обвинения. Государственный обвинитель, заметив в действиях суда нарушения процессуальных прав подсудимого, обязан обратиться к суду с заявлением об исправлении допущенных нарушений или ошибок.

Выступая в качестве государственного обвинителя, советский прокурор не имеет права пытаться переложить бремя доказывания на подсудимого. Поддерживая государственное обвинение в суде, прокурор обязан, обосновывая в своем выступлении необходимость применения к обвиняемому определенной меры уголовного наказания, учитывать обстоятельства, не только отягчающие, но и смягчающие вину подсудимого.

Государственный обвинитель обязан отказаться от обвинения в том случае, если в результате судебного разбирательства он убедится в невиновности подсудимого.

Все это — общеизвестные положения, относящиеся к судебной деятельности советского прокурора как государственного обвинителя.

Однако и это показывает, насколько ошибочными были бы попытки уравнивать положение государственного обвинителя в советском суде с положением другой стороны в процессе. По существу, сторонники этой точки зрения исходят из такого понимания состязательности процесса, когда одна из сторон стремится, несмотря на что, обвинить подсудимого, другая — любыми сред-

ствами добиться оправдательного приговора, а суд, стоя над ними,— выступает в качестве арбитра в этой борьбе сторон.

Между тем такое понимание состязательности является характерным для теории и практики буржуазного суда и не имеет ничего общего с советским уголовным процессом, в котором конечные задачи государственного обвинителя одинаковы с задачами самого суда: наказание виновных — и только виновных, предупреждение преступлений, воспитание трудящихся в духе уважения к советским законам.

Советский прокурор сможет выполнить свои обязанности как государственный обвинитель, только сочетая высокую активность в изобличении преступников и непримиримость к преступлению со строгой принципиальностью и отсутствием предвзятости, а тем более недобросовестности в своих выводах о виновности подсудимого.

Выступая в суде, государственный обвинитель в такой же степени, как и сам суд, подчиняется только закону. Несмотря на то, что вся система прокуратуры строится на принципе строгой подчиненности, ни один прокурор не может приказать своему подчиненному поддерживать государственное обвинение против сложившегося у него внутреннего убеждения.

Осуществляя во время своего выступления в суде надзор за точным соблюдением законов во всем ходе судебного процесса, государственный обвинитель, разумеется, не имеет права противопоставлять себя суду, нарушая установленный процессуальный порядок. Именно потому, что прокурор является представителем органа, осуществляющего надзор за соблюдением закона, он сам должен действовать в строгом соответствии со всеми требованиями процессуального закона, являя пример уважения к суду.

Именно суд, и никакой другой орган, приходит к конечному выводу о виновности или невиновности подсудимого. Прокурор в судебном процессе должен выступать как деятельный, активный и глубоко добросовестный помощник суда в деле отыскания материальной истины.

*

* *

Следует признать, что постановка государственного обвинения в суде нуждается в значительном улучшении.

В ряде прокуратур при внешне благополучном положении с участием прокуроров в судебных процессах качество выступлений прокуроров в судах все еще остается низким.

В погоне за количеством выступлений прокуроры иногда являются в суд неподготовленными, проявляют совершенно недостаточную активность на судебном следствии или выступают невпопад, обнаруживая незнание материалов дела.

Неудовлетворительное положение с постановкой государственного обвинения в судах в значительной мере объясняется недостаточным вниманием, которое уделялось этому важнейшему участку прокурорской работы со стороны вышестоящих прокуратур и в первую очередь со стороны Прокуратуры СССР и прокуратур союзных республик.

Существенного улучшения государственного обвинения в суде возможно добиться лишь путем кропотливой работы по повышению квалификации государственных обвинителей, организации их учебы на конкретных образцах лучших выступлений государственных обвинителей, издания методических пособий и сборников обвинительных речей, систематической проверки качества выступлений прокуроров в судах.

Следует признать, что в этом направлении до настоящего времени делалось очень мало.

За исключением нескольких сборников речей государственных обвинителей, за последние годы не было издано ни одного методического пособия по вопросам государственного обвинения.

В журнале «Социалистическая законность» этим вопросам также уделялось явно недостаточное внимание.

После проведенной в 1949 году учебно-методической конференции лучших государственных обвинителей Прокуратура СССР таких конференций не созывала.

При подготовке методического пособия «Государственный обвинитель в советском суде» Прокуратура СССР ставила задачей создать пособие, которое могло бы послужить основой для проведения учебных семинаров государственных обвинителей из числа главным образом районных прокуроров, их помощников, а также работников областных прокуратур.

Пособие дает основные методические сведения, связанные с подготовкой прокурора к выступлению в судебном процессе, участием прокурора в судебном следствии, подготовкой и произнесением обвинительной речи. Кроме того, в пособие включена глава, посвященная вопросам советского доказательственного права, без твердого усвоения основ которого невозможна успешная работа прокурора как государственного обвинителя в суде.

Понятно, что, как всякое методическое пособие, эта книга содержит лишь основные положения, связанные с работой государственного обвинителя. Дальнейшая учеба государственных обвинителей должна быть развернута на конкретных образцах выступлений прокуроров в судебных процессах. Для этого должно применяться обсуждение стенограмм обвинительных речей, стенограмм судебного следствия и отдельных допросов, произведенных прокурорами на судебном следствии, а также прослушивание и разбор выступлений прокуроров в судебных процессах.

Для облегчения этой работы Прокуратурой СССР, кроме регулярных выпусков «Речи государственных обвинителей», готовится к изданию сборник лучших обвинительных речей.

В будущем, видимо, нужно будет изменить построение издаваемых Прокуратурой СССР сборников «Речи государственных обвинителей». Каждую речь, опубликованную в сборниках, следовало бы снабдить подробным комментарием, содержащим разбор сильных и слабых сторон этой речи. Кроме того, в сборниках необходимо публиковать статьи по отдельным вопросам методики поддержания государственного обвинения.

Издание этих пособий и сборников должно помочь прокуратурам республик, краев и областей организовать методическую работу по вопросам государственного обвинения.

Однако учебная и методическая работа должна быть дополнена рядом организационных мер, направленных к улучшению государственного обвинения в судах.

Задача заключается в том, чтобы уже в ближайшее время добиться крутого подъема в постановке государственного обвинения, расценивая эту задачу как один из важных участков борьбы за общее усиление прокурорского надзора за законностью.

Решить эту задачу возможно, лишь изменив стиль и

методы руководства прокуроров по поддержанию государственного обвинения.

Не секрет, что до сих пор вышестоящие прокуратуры оценивают иногда работу прокуроров как государственных обвинителей лишь по данным статистических отчетов, главным образом с точки зрения «охвата» выступлениями прокурора в суде важнейших категорий дел. В других случаях качество выступлений проверяется лишь по тезисам обвинительных речей, сохранившихся в наблюдательных производствах.

Оба этих метода проверки являются порочными, когда речь идет о такой сложной творческой работе прокурора, как его выступление в суде. Ни тезисы обвинительной речи, ни тем более статистические показатели не могут отразить того, как прозвучала эта речь в суде, какое впечатление произвела она на слушателей, насколько правильно реагировал в ней государственный обвинитель на обстоятельства и факты, установленные на судебном следствии.

Чтобы успешно выступать в судебных процессах, государственный обвинитель должен воспитать в себе ряд специальных навыков — умение хорошо владеть устной речью, облекать свое выступление в яркую и общепонятную форму, умение держаться перед аудиторией, владеть собой в полемике и т. д.

О том, насколько овладел прокурор этими и многими другими навыками, не даст, разумеется, представление никакой статистический отчет.

Для того чтобы добиться улучшения в постановке государственного обвинения, прокуратурам союзных и автономных республик, краев и областей следует решительно изменить методы проверки работы прокуроров как государственных обвинителей. Следует практиковать систематическое прослушивание выступлений прокуроров в судах с последующим разбором этих выступлений, причем, конечно, не с позиций охаивания или «разноса» этих выступлений, а для оказания деловой помощи государственному обвинителю в его трудной, но исключительно важной работе.

Сказанное не значит, конечно, что при оценке работы прокурора в судах должны не приниматься во внимание данные, свидетельствующие о количестве судебных выступлений прокуроров.

Однако одни цифровые показатели без проверки качества выступлений обвинителя по существу не могут быть положены в основу для оценки этой работы.

*
* *
*

Издавая методическое пособие «Государственный обвинитель в советском суде», Прокуратура СССР надеется, что оно будет полезным как для самостоятельной работы государственных обвинителей, так и при проведении учебных семинаров.

За исключением проф. М. М. Гродзинского, перу которого принадлежит глава «Доказательства в советском уголовном процессе», все остальные авторы являются практическими работниками органов прокуратуры — опытными государственными обвинителями, использовавшими при составлении книги как собственный опыт, так и ряд стенограмм судебных процессов, обвинительных речей, методических пособий, изданных отдельными прокуратурами, и другие материалы, имеющиеся в Прокуратуре СССР.

Пособие такого типа, по существу, издается впервые. Поэтому мы просим работников прокуратуры направлять нам свои критические замечания и пожелания, которые будут учтены как при переработке этой книги, так и при подготовке других методических пособий по вопросам государственного обвинения.

**ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В СОВЕТСКОМ
УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ****§ 1. Основные положения**

Конституция СССР (статья 102) возлагает осуществление социалистического правосудия в СССР на суд, на все звенья советской судебной системы.

Осуществить социалистическое правосудие в каждом рассматриваемом судом деле — значит разрешить это дело в строгом соответствии с тем, что имело место в объективной действительности, установить в деле объективную истину (иначе называемую истиной материальной), вынести законный и обоснованный приговор, в котором правильно разрешен вопрос о событии преступления, о виновности обвиняемого, о степени опасности преступления и преступника, о квалификации преступления, о наказании и о возмещении имущественного ущерба, причиненного потерпевшему. Данные, которые лежат в основе выводов, сделанных судом по существу дела, которые обосновывают, доказывают правильность этих выводов, называются уголовно-судебными доказательствами.

Доказательствами в советском уголовном процессе называются как определенные факты, так и источники сведений об этих фактах. Например, по делу о растрате государственного имущества органы расследования, прокурор и суд могут прийти к выводу о виновности на основании таких фактов, как недостача материальных ценностей, которые были вверены обвиняемому; широкий образ жизни, который вел обвиняемый до возбуждения дела; подложность документов, которыми обвиняемый пытался скрыть имеющуюся у него недостачу материальных ценностей, и т. д. Все эти и им подобные факты доказывают

наличие преступления и совершение его обвиняемым и потому называются доказательственными фактами или иначе — доказательствами.

Чтобы основать свои выводы по делу на определенных доказательственных фактах, органы расследования, прокурор и суд должны установить эти факты, получить сведения об этих фактах из соответствующих источников.

Таковыми источниками доказательств являются показания свидетелей, показания обвиняемого, заключение эксперта, вещественные доказательства, письменные доказательства. Они доставляют сведения о доказательственных фактах, являются средствами, устанавливающими эти факты, и поэтому источники доказательств (средства доказывания) также называются доказательствами.

Таким образом, термин «доказательство» имеет в советском уголовном процессе двойное значение и обозначает как доказательственные факты, так и источники доказательств (средства доказывания). Обычно закон применяет термин «доказательство» в смысле источников доказательств (средства доказывания), например, в ст. ст. 57, 58, 112, 272, 302 УПК¹.

Наряду с этим Уголовно-процессуальный кодекс в некоторых случаях под доказательствами понимает как доказательственные факты, так и источники доказательств (например, в ст. 319 УПК); иногда же закон вместо термина «доказательства» применяет термин «данные» (например, в ст. 206 УПК).

Чтобы разрешить все вопросы, возникающие в каждом деле, и отыскать объективную истину в этом деле, следственно-прокурорские и судебные органы должны в первую очередь собрать соответствующие доказательства, а затем рассмотреть их и оценить, то есть определить их значение, их способность служить основанием для тех или иных выводов по существу дела. Эта деятельность следственно-прокурорских и судебных органов по собиранию, закреплению, рассмотрению и оценке доказательств называется доказыванием.

В стадии предварительного расследования следова-

¹ Всюду, где указаны статьи Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов, подразумеваются статьи УК и УПК РСФСР, а также соответствующие статьи уголовных и уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик.

тель¹ собирает, закрепляет, рассматривает и оценивает доказательства и на этой основе решает вопрос о дальнейшем направлении дела, именно о прекращении дела производством или же о передаче его прокурору для направления в суд. В стадии предания суду не происходит соби́рание и рассмотрение новых доказательств, и суд в подготовительном заседании лишь рассматривает те доказательства, которые были собраны во время предварительного расследования и закреплены в материалах дела, и затем решает, достаточно ли этих доказательств для того, чтобы дело могло быть судом рассмотрено по существу. При утвердительном ответе на этот вопрос дело переходит в стадию судебного разбирательства, где суд рассматривает с участием сторон все собранные по делу доказательства, оценивает их и выносит на этой основе свой приговор. Наконец, в стадии пересмотра приговоров в кассационном порядке и в порядке судебного надзора вышестоящий суд рассматривает доказательства, получившие свое выражение в материалах дела, и решает вопрос о законности и обоснованности приговора, вынесенного по данному делу судом первой инстанции.

Таким образом, доказывание происходит в различных стадиях советского уголовного процесса. Доказывание образует основное содержание процессуальной деятельности следственно-прокурорских и судебных органов и обеспечивает отыскание объективной истины в деле, обеспечивает правильное разрешение советским судом дел в соответствии с требованиями социалистического правосудия.

Отсюда вытекают те сложные и ответственные задачи, какие стоят перед советским прокурором в области доказывания и требуют от него умения правильно оперировать доказательствами. В стадии предварительного расследования прокурор руководит доказыванием и таким путем обеспечивает правильность полученных на основе доказывания выводов; в дальнейшем прокурор доказывает суду обоснованность этих выводов при решении вопроса о предании обвиняемого суду, после чего участвует в доказывании в качестве стороны в стадии судебного разбира-

¹ Под словом «следователь» здесь и в дальнейшем подразумевается как следователь прокуратуры, так и лицо, производящее дознание.

тельства, а в стадиях кассационного и надзорного пересмотра приговоров — в проверке вышестоящим судом правильности тех выводов, какие в результате доказывания были сделаны судом первой инстанции.

§ 2. Предмет доказывания

Для установления объективной истины по делу и для вынесения судом законного и обоснованного приговора необходимо каждый раз выяснить все те обстоятельства, которые относятся к данному делу и имеют значение для правильного его разрешения по существу. Поэтому при производстве уголовных дел чрезвычайно важно установить такие границы, такие пределы исследования, которые охватывают все обстоятельства, имеющие значение для дела, и все источники доказательств, необходимые для выяснения указанных обстоятельств.

Так как соби́рание, закрепление, рассмотрение и оценка доказательств происходит прежде всего в стадии предварительного расследования, то в этой стадии и возникает впервые вопрос о пределах исследования дела.

Правильное установление пределов исследования имеет особо важное значение в стадии предварительного расследования, так как ошибки, допущенные в данной области следователем, порождают волокиту, связанную с непроизводительной тратой сил и времени следственно-прокурорских и судебных органов. К тому же, в ряде случаев эти ошибки могут оказаться вовсе неустраняемыми. Так, если следователь чрезмерно расширит пределы исследования и соберет материалы, для данного дела ненужные, то эти излишние материалы останутся в деле и будут его загромождать в течение всего дальнейшего производства. Если же следователь установит чрезмерно узкие пределы исследования и не выяснит существенных для дела обстоятельств, не соберет всех нужных по данному делу доказательств, то в ряде случаев восполнение допущенных пробелов окажется вовсе невозможным вследствие того, что следы преступления могут исчезнуть, документы могут быть уничтожены или утеряны; лица, которые должны были быть допрошены в качестве свидетелей, могут разъехаться либо забыть те или иные обстоятельства дела и т. д. В тех случаях, когда восполнение пробелов предварительного расследования оказы-

вается возможным, это происходит зачастую уже после того, как дело поступило в суд и затем было возвращено на доследование судом в подготовительном заседании либо при судебном разбирательстве, либо даже после отмены приговора вышестоящим судом в кассационном порядке или в порядке судебного надзора.

Этот же вопрос о пределах исследования дела, то есть о полноте произведенного расследования, является предметом рассмотрения и подготовительного заседания суда. Согласно постановлению 54-го Пленума Верховного суда СССР подготовительное заседание обязано в числе других вопросов рассмотреть в отношении каждого из обвиняемых также и вопрос о полноте предварительного следствия¹.

Установив, что дело расследовано неполно, подготовительное заседание суда на основании ст. 27 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик возвращает дело прокурору для производства дополнительного расследования и для устранения таким путем недостатков и пробелов предварительного расследования. В тех же случаях, когда будет признано, что дело расследовано полно и правильно, что доказательств, обосновывающих обвинение, предъявленное обвиняемому, собрано достаточно, что соблюдены все требования уголовно-процессуального закона, что преступление квалифицировано правильно, — подготовительное заседание передает обвиняемого суду, после чего дело подлежит рассмотрению по существу.

В стадии судебного разбирательства суд, усмотрев неполноту предварительного расследования, может как по своей инициативе, так и по ходатайствам сторон истребовать дополнительные доказательства; если же окажется, что восполнить таким путем пробелы предварительного расследования невозможно, дело должно быть возвращено для дополнительного расследования (ст. 302 УПК).

Наконец, вопрос о полноте исследования дела, то есть вопрос о том, правильно ли были установлены пределы этого исследования, возникает перед вышестоящим судом каждый раз при пересмотре приговоров в кассационном порядке и в порядке судебного надзора. Согласно ст. 414

¹ См. «Сборник действующих постановлений Пленума Верховного суда СССР», Госюриздат, 1952, стр. 99.

УПК одним из оснований отмены приговора является недостаточность и неправильность исследования дела, когда «остались невыясненными ни на предварительном, ни на судебном следствии обстоятельства, выяснение коих необходимо должно было повлиять на приговор». Поэтому суд второй инстанции, а равно и органы судебного надзора должны каждый раз проверить, правильно ли установили следователь и прокурор, а затем и суд пределы расследования дела, были ли выяснены все обстоятельства, имеющие значение для данного дела, были ли собраны и рассмотрены все необходимые для этого источники доказательств. Отрицательный ответ на этот вопрос влечет за собой отмену приговора и передачу дела для нового производства со стадии предварительного расследования либо со стадии судебного разбирательства, в зависимости от того, какие пробелы были допущены по делу и в какой стадии процесса эти пробелы могут быть выполнены.

Таким образом, во всех стадиях процесса вопрос этот должен быть разрешен так, чтобы исследование охватывало все обстоятельства, имеющие значение для данного дела. Заранее установить, какие именно обстоятельства должны быть выяснены в том или ином отдельном конкретном случае, конечно, невозможно, так как это зависит от особенностей и условий данного дела. Поэтому вопрос о пределах исследования в каждом отдельном случае разрешается тем следователем, прокурором или судом, в производстве которого находится дело.

Устанавливая пределы исследования, орган расследования, прокурор и суд исходят из общих положений о доказывании в советском уголовном процессе. Это доказывание имеет своей задачей дать правильный, обоснованный ответ на все вопросы, возникающие в деле. Поэтому указанные вопросы в своей совокупности и определяют круг тех обстоятельств, которые подлежат выяснению при расследовании и рассмотрении уголовных дел, то есть являются предметом доказывания.

а) При всем разнообразии уголовных дел, при всем различии их характера и содержания в каждом деле всегда должен быть в первую очередь разрешен вопрос о том, было ли совершено преступление. Ввиду этого в каждом деле должны быть установлены все те обстоятельства, которые дают основание сказать, было или не было совер-

шено данное деяние, имело или не имело места данное событие. Например, по делу об убийстве должна быть установлена смерть потерпевшего, по делу о растрате государственного или общественного имущества необходимо прежде всего установить недостачу материальных ценностей, вверенных данному лицу, и т. д.

Но для решения вопроса о наличии преступления недостаточно установить, что наступило определенное событие либо что было совершено определенное деяние. Так, смерть потерпевшего может явиться следствием несчастного случая или самоубийства, но может быть следствием и убийства; пожар мог явиться следствием неосторожного обращения с огнем самого потерпевшего, но мог быть следствием и поджога и т. д. Поэтому наряду с установлением самого события или деяния необходимо также выяснить все те обстоятельства, которые дают основание признать, что в данном случае имеется преступление либо что данное деяние не является преступным, что данное событие не является следствием преступления.

Наряду с этим во всех случаях исследованием должно быть установлено место и время совершения преступления, без чего невозможно выяснение той конкретной обстановки, в которой подсудимым были совершены действия, являющиеся предметом доказывания в данном деле. Кроме того, место совершения преступления определяет территориальную подсудность дела, время же совершения преступления имеет значение для решения вопроса о применении или неприменении амнистии, а иногда также при решении вопроса о применении того либо другого уголовного закона. Примером может служить тот случай, когда для правильной квалификации хищения государственного имущества необходимо выяснить, было ли это хищение совершено до или после издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

б) Правильно разрешить вопрос о наличии преступления возможно лишь при том условии, что будет точно определено, какое именно преступление совершено, какова его юридическая квалификация. Для этого необходимо выяснить все те обстоятельства, которые согласно уголовному закону образуют состав того или иного преступ-

ления либо определяют более или менее тяжкий вид этого преступления. Таковы, например, умысел и неосторожность при убийстве и при нанесении телесных повреждений; тяжесть этих телесных повреждений; повторность при хищении государственного и общественного имущества, при краже и разбое; характер насилия при разбое и т. д.

в) В ряде дел обстоятельства, устанавливающие наличие преступления, одновременно дают ответ и на вопрос о личности преступника, изобличают того, кем это преступление было совершено. Таковы, например, дела о злоупотреблении служебным положением, о халатном отношении к служебным обязанностям, о сопротивлении представителю власти и др. Но зачастую установить наличие преступления далеко еще не значит тем самым выяснить преступника. Это, например, имеет место в делах о краже, разбое, поджоге, убийстве и др. Поэтому в уголовном деле подлежат выяснению все те обстоятельства, которые изобличают либо, напротив, оправдывают то или иное лицо и которые в конечном результате дают возможность установить личность того, кем действительно было совершено преступление.

К этому следует добавить, что обстоятельства, устанавливающие личность преступника, нередко имеют существенное значение и для правильной квалификации данного преступления. Так, в частности, признание преступления умышленным или неосторожным, установление мотивов умышленного преступления возможны, как правило, только в тесной связи с установлением личности преступника, а также в связи с выяснением всей обстановки, в которой действовал преступник.

г) Уголовный закон устанавливает ряд обстоятельств, из которых одни исключают противоправность деяния (необходимая оборона, крайняя необходимость), другие устраниают возможность признать данное лицо уголовно-ответственным (невменяемость, недостижение определенного возраста), третьи исключают уголовное преследование и назначение наказания за совершенное преступление (давность).

В соответствии с этим, если в деле имеются основания полагать, что деяние было совершено в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости, должны быть выяснены те обстоятельства, которые необходимы

для того, чтобы можно было решить, имеются ли в этом деле налицо условия, указанные в чч 1 и 2 ст. 13 УК.

Уголовно-ответственными являются лишь вменяемые лица, достигшие определенного возраста, указанного в законе. Поэтому деяние, совершенное лицом, которое подпадает под действие ст. 11 УК, не подлежит наказанию, и к такому лицу могут быть применены лишь меры медицинского характера.

Недостижение установленного законом 14-летнего, а по указанным в законе делам — 12-летнего возраста исключает уголовную ответственность малолетнего и влечет за собой прекращение дела. Поэтому в делах о несовершеннолетних всегда должен быть выяснен в числе других вопросов также и вопрос о возрасте лица, совершившего данное деяние.

Истечение сроков давности, установленных в законе (ст. 14 УК), влечет за собой прекращение дела; в тех же случаях, когда истечение срока давности будет установлено судом при вынесении приговора, осужденный подлежит освобождению от наказания (ст. ст. 4 и 326 УПК). Поэтому, если в каком-либо деле возникнет вопрос о давности, то исследование должно охватить в числе других также и те обстоятельства, на основе которых данный вопрос может получить правильное свое разрешение.

д) Признав подсудимого виновным, суд назначает ему наказание в пределах санкции соответствующего уголовного закона. При этом суд учитывает как отягчающие, так и смягчающие обстоятельства, указанные в ст. ст. 47 и 48 УК. Перечень этих обстоятельств, однако, не является исчерпывающим, и суд вправе учесть при назначении наказания также и все другие обстоятельства, характеризующие степень опасности преступления и преступника. Такими обстоятельствами могут явиться, например: прежнее поведение лица, обвиняемого в хулиганстве, если поведение это выражалось в неоднократном нарушении правил социалистического общежития, либо, напротив, прежняя многолетняя безупречная работа обвиняемого, участие данного лица в Великой Отечественной войне, получение им награды и др. Все обстоятельства, которые могут иметь значение при избрании судом меры наказания, подлежат выяснению по делу и, следовательно, являются предметом исследования в этом деле.

е) Некоторые преступления влекут за собой причинение имущественного вреда,— таковы, в частности, хищение государственного и общественного имущества, повреждение и уничтожение государственного и общественного имущества, кража, разбой, мошенничество и иные посягательства на имущество, составляющее личную собственность граждан. Возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, является одной из обязанностей советских следственных, прокурорских и судебных органов, поставленных на охрану государственной и общественной собственности и личной собственности граждан. В соответствии с этим закон предоставляет потерпевшему право предъявить гражданский иск в уголовном деле и обязывает органы расследования, прокурора и суд проявлять свою инициативу в охране прав и законных интересов потерпевшего (ст. ст. 14—16, 54, 119, 120, 121, 276, 330 УПК). Кроме того, размер имущественного вреда, причиненного преступлением, определяет в некоторых случаях квалификацию этого преступления. Так, хищение государственного и общественного имущества в крупных размерах квалифицируется независимо от наличия или отсутствия других отягчающих обстоятельств по ст. ст. 2 и 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Ввиду этого исследование должно охватывать также выяснение всех обстоятельств, которые устанавливают наличие и размер имущественного вреда, причиненного преступлением.

ж) Успешная борьба с преступностью требует не только раскрытия преступлений, которые уже совершены, и выявления преступников, но также и предупреждения преступлений в будущем. Поэтому исследование дела должно включать в себя также и выяснение той обстановки, которая облегчила преступнику совершение преступления, тем или иным путем способствовала совершению этого преступления. Например, по делу о растрате государственного и общественного имущества выяснение обстановки совершения преступления может установить, что совершение растраты преступником было облегчено неправильной постановкой бухгалтерского учета в данном предприятии; по делу об уничтожении или повреждении государственного или общественного имущества может быть выявлена

недостаточная или неправильно организованная охрана этого имущества и т. д. Выяснение всех таких обстоятельств дает в ряде случаев основание для привлечения к ответственности тех или иных лиц, виновных в неприятии надлежащих мер. Независимо от этого исследование дела в данной его части дает возможность органам расследования, прокурору и суду сигнализировать о вскрытых недостатках и упущениях и тем способствовать устранению этих недостатков и упущений в работе данного учреждения или предприятия.

Особо важное значение имеет выяснение указанных обстоятельств в делах о хищениях государственного и общественного имущества. Это подчеркивает Пленум Верховного суда СССР в своем руководящем постановлении от 6 мая 1952 г. «О судебной практике по применению Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». В пункте 15 этого постановления указано: «Обратить внимание судов, что при рассмотрении дел о хищениях социалистической собственности они, на основе тщательного исследования обстоятельств дела, должны выяснять причины, способствовавшие хищениям. В случае обнаружения фактов, свидетельствующих о том, что хищения имели место вследствие плохой постановки учета и охраны имущества, суды должны выносить частные определения о привлечении виновных к дисциплинарной или уголовной ответственности. Вместе с тем суды должны частными определениями доводить до сведения соответствующих органов о выявленных недостатках для их устранения».

з) Наряду со всеми указанными выше обстоятельствами, относящимися к самому существу уголовного дела, подлежат выяснению также обстоятельства, имеющие значение для оценки доказательств, фигурирующих в этом деле. Например, если обвиняемый заявит, что между ним и свидетелем, уличающим его в совершении преступления, имеются враждебные отношения, то это обстоятельство явится предметом исследования, потому что от него может зависеть оценка показаний свидетеля, признание этого показания правильным или неправильным, а это в свою очередь может при известных условиях оказать влияние на исход всего дела, на решение вопроса о виновности или невинности обвиняемого.

Таким образом, пределы исследования в советском уголовном процессе включают следующие обстоятельства, подлежащие доказыванию: событие преступления; обстоятельства, уличающие или оправдывающие данное лицо в совершении преступления; в некоторых случаях обстоятельства, исключающие противоправность деяния или уголовную ответственность лица, совершившего данное деяние, или исключающие уголовное преследование и назначение наказания за совершение преступления; обстоятельства, отягчающие и смягчающие вину преступника; время и место совершения преступления; обстоятельства, устанавливающие наличие и размер имущественного вреда, причиненного преступлением; обстоятельства, выясняющие ту обстановку, которая облегчила преступнику приведение его намерения в исполнение, а также при известных условиях обстоятельства, влияющие на оценку имеющихся в данном деле доказательств.

Отсюда следует, что дело может быть признано полно и правильно исследованным лишь тогда, когда на основе соответствующих доказательств будут выяснены все те обстоятельства, которые подлежат установлению в данном деле. Если не будут собраны и рассмотрены все необходимые источники доказательств и вследствие этого то или иное обстоятельство останется вовсе невыясненным либо будет выяснено недостаточно полно, результатом этого явится такая неполнота исследования дела, которая исключает возможность признать правильным и обоснованным вынесенный по этому делу приговор. Именно так разрешает данный вопрос кассационная и надзорная практика Верховного суда СССР. В качестве примеров этой практики могут быть приведены некоторые дела, взятые из числа многих других, им аналогичных.

По делу М., преданного суду по обвинению в растрате 18 626 р. 36 к., линейный суд признал это обвинение недоказанным и осудил М. по ст. 109 УК, признав его виновным лишь в том, что он, злоупотребляя своим служебным положением, изъял из кассы столовой, которой он заведовал, 5815 руб. и внес эти деньги в погашение своей задолженности. При пересмотре дела в порядке судебного надзора 31 мая 1950 г. Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР нашла, что, «отвергнув обвинение М. в растрате 18 626 р. 36 к., линейный суд оставил без рассмотрения вопрос о причинах образования у М. крупной

недостачи государственных средств на указанную сумму». Кроме того, линейный суд не учел показаний М. на предварительном следствии, в которых он признал себя виновным в растрате. Ввиду этого приговор был отменен и дело передано на новое рассмотрение; иными словами, приговор был признан необоснованным потому, что остались невыясненными обстоятельства, относящиеся к событию преступления, и потому, что вследствие этого вопрос о наличии данного преступления был неправильно разрешен судом первой инстанции.

Ж., осужденный по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», был признан виновным в том, что, работая заведующим центральной базой Каратюбинского райпотребсоюза, похитил материальных ценностей на 9582 руб., а для сокрытия этого преступления систематически недодавал товары при отпуске их торговым точкам, а также искусственно повышал цены на дешевые товары.

При пересмотре дела в порядке надзора Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР нашла: «Вывод суда о том, что образовавшаяся у Ж. недостача произошла вследствие хищения последним товаро-материальных ценностей, основан не на материалах дела, а на предположениях, так как на судебном заседании ни один факт хищения материальных ценностей установлен не был. Утверждая, что Ж. в целях сокрытия своей растраты систематически недодавал при отпуске торговым точкам те или иные товары, суд сослался на показания свидетелей С. и Б., между тем указанные свидетели в суде не допрашивались, а свидетельница Б. не была допрошена по этому вопросу и органами следствия. Из материалов дела видно, что Ж. на предварительном следствии, в судебном заседании и в своей кассационной жалобе утверждал, что недостача у него образовалась в результате двукратного оприходования на его счет 2215 кг муки и 158 м мануфактуры, а также вследствие его неопытности и плохой постановки учета и отчетности. Ж. так же утверждал, что он при отпуске со склада товаров не только недодавал товары, но и передавал. Однако эти обстоятельства органами следствия, а затем и судом остались непроверенными. Между тем проверка указанных фактов имеет существенное значение для установления причин образовав-

шейся у Ж. недостачи, а следовательно, и для квалификации его преступления, если будет установлена его виновность». По этим основаниям определением коллегии от 24 февраля 1951 г. приговор в отношении Ж. был отменен и дело передано на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Не были выяснены органами расследования и судом причины недостачи также по делу К., который был признан виновным в том, что, работая заведующим складом «Заготзерно», за время с 2 апреля 1949 г. по 1 мая 1951 г. из вверенных ему материальных ценностей присвоил 4397 кг чалтыка и шесть порожних мешков, всего на сумму 22 542 р. 20 к.

Рассмотрев дело по протесту Генерального Прокурора СССР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР признала это дело неполно исследованным, а приговор — необоснованным.

«Как на предварительном следствии, так и в суде К. виновным себя в присвоении чалтыка не признал и показал, что находящийся у него на складе № 4 чалтык в количестве свыше 700 тонн неоднократно подвергался самогреванию. Поэтому, как утверждал осужденный, чалтык систематически перелопачивался внутри склада, подрабатывался на зерноочистительных машинах, перекачивался с целью просушки и проветривания под навес; в результате всех указанных операций чалтык терял в весе, но это обстоятельство при проверке отчетов и снятии остатков на складе № 4 не было принято во внимание. Как видно из материалов дела... была назначена комиссия для перепроверки отчетов осужденного и установления фактической недостачи чалтыка... Комиссия специалистов, установив, что размер недостачи у осужденного должен быть уменьшен, не определила, однако, какое количество чалтыка необходимо списать с подотчета К. Органы следствия и суд не только не установили точно количества недостающего чалтыка, но также не установили и причину недостачи. Суд не привел в приговоре и доказательств, на основании которых он пришел к выводу о виновности К. в присвоении чалтыка». Ввиду изложенного коллегия своим определением от 22 октября 1952 г. отменила приговор и направила дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Неполнота исследования дела повлекла за собой от-

мену приговора также по делу Р. и его сыновей — С. и В., осужденных по ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» и признанных виновными в том, что совершили разбойное нападение на агронома совхоза С., лишили его жизни и похитили его имущество. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, рассмотрев дело в порядке судебного надзора, установила следующее: 13 октября 1949 г. агроном совхоза С. был обнаружен у себя на квартире убитым, и, как это видно из актов, под трупом были найдены орудия преступления — топор и ломик. Обвиняемые виновными себя не признали и утверждали, что топор, служивший орудием убийства, им никогда не принадлежал. Предварительное следствие, произведенное по делу, не выяснило ряда существенных обстоятельств. Именно — не установлено, при каких обстоятельствах в комнате С. был обнаружен топор; затем в деле имелись указания на то, что обнаруженный на месте совершения преступления ломик принадлежал шоферу У., который незадолго до убийства С. был уволен из совхоза за какие-то порочащие поступки. Имелись в деле указания на то, что в вечер, когда было совершено убийство, в квартиру С. входил Р. и его сын, а также У. Между тем все эти факты не были проверены. Не выяснены, наконец, мотивы убийства С. Р. и его сыновьям было предъявлено обвинение в том, что они совершили убийство с целью грабежа. Между тем в деле нет достаточных данных о том, какие принадлежащие С. вещи были похищены и было ли что-нибудь вообще похищено. Судя по отдельным имеющимся в деле данным, убийство С. могло быть совершено на почве мести в связи с его служебной деятельностью». Находя, что при таких условиях приговор не может быть оставлен в силе, коллегия определением от 16 августа 1950 г. отменила приговор и направила дело на новое расследование.

Дело не может быть признано полно и правильно исследованным, если хотя и доказано совершение деяния обвиняемым, но не выяснены все те факты, которые устанавливают признаки определенного состава преступления и потому имеют решающее значение для правильной квалификации данного деяния.

П. и С., осужденные по ст. 2. Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной

ответственности за хищение государственного и общественного имущества», были признаны виновными: П. в том, что, работая управляющим треста очистки г. Алма-Ата, а С.— старшим бухгалтером этого же треста, безучетно расходовали, а также растратили крупные суммы денег, вырученные от эксплуатации автотранспорта треста. Рассмотрев дело в порядке надзора, Верховный суд СССР нашел: «Предварительное и судебное следствие по делу проведено неполно. В деле имеются данные, что деньги, вырученные от эксплуатации автомашин и полученные путем сборов П., расходовались на нужды треста. Несмотря на имеющиеся в деле данные о том, что за время работы П. хозяйственный инвентарь треста значительно увеличился, размеры фактических затрат не были выяснены, а следовательно, и не установлены размеры ущерба от действий П. Органы следствия необоснованно отказали в процессе предварительного следствия в ходатайствах, направленных к тому, чтобы установить израсходование на нужды треста денежных сумм, инкриминируемых П. и С., как присвоение, чем нарушена ст. 112 УПК РСФСР. Установление фактов присвоения П. и С. является определяющим для квалификации их действий по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г., однако в деле нет доказательств, свидетельствующих о присвоении ими государственных средств». Ввиду этого, а также ввиду наличия в деле других нарушений, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определением от 5 сентября 1951 г. отменила приговор и направила дело на новое рассмотрение.

Исследование дела, как было указано выше, в некоторых случаях требует выяснения таких обстоятельств, которые относятся к отдельным фигурирующим в деле доказательствам и могут иметь значение для правильной оценки этих доказательств. Примером неполноты исследования дела, выразившейся в невыяснении таких обстоятельств, может служить дело К. и Б., признанных виновными в расхищении гарнцевого сбора. При пересмотре дела в порядке надзора Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР отменила приговор и в своем определении от 7 сентября 1947 г. указала, что «суду надлежит при новом рассмотрении дела тщательно проверить доводы Б. о том, что показания свидетелей П. и К. вымышленны и неправдоподобны, так как указан-

ные свидетели находятся с ним в неприязненных отношениях. Б. приводит в жалобе конкретные причины этих плохих взаимоотношений, которые нужно исследовать».

§ 3. Источники доказательств

Источниками доказательств (средствами доказывания) в советском уголовном процессе согласно ст. 58 УПК являются: показания свидетелей, заключения экспертов, показания обвиняемого, вещественные доказательства и письменные доказательства. Все они имеют то общее, что доставляют следственным и судебным органам сведения об определенных фактах; вместе с тем каждый источник доказательств имеет свои, только ему присущие черты, которые и определяют способ получения сведений из этого источника и исходные моменты его оценки.

а) Показания свидетелей

Роль свидетеля в советском уголовном процессе заключается в сообщении органам расследования и суду сведений о тех фактах, которые свидетель видел, слышал, иначе говоря, наблюдал. Содержанием свидетельского показания должны являться только такие факты, на основе которых могут быть выяснены обстоятельства, имеющие значение для дела. В соответствии с этим закон, определяя содержание свидетельских показаний в советском уголовном процессе, указывает, что «свидетель может быть спрашиваем исключительно о фактах, подлежащих установлению в данном деле, а также о характеристике личности обвиняемого» (ст. 166 УПК).

Иногда свидетель сообщает органам расследования и суду сведения, которые получены им из другого источника; таковы, в частности, случаи, когда свидетель излагает в своем показании сведения, полученные от другого лица, или же сообщает содержание какого-либо документа. Такие свидетельские показания могут иметь значение при известных условиях и потому допускаются по делу в качестве производных доказательств. Но для этого требуется, чтобы свидетель, дающий такое показание, мог указать источник, из которого он получил сообщаемые им сведения; если же этот источник не может быть указан, исключается возможность проверить данное показание и решить,

является ли оно правильным, а это в свою очередь устраняет показание из числа доказательств по делу. Поэтому закон устанавливает правило, в силу которого свидетель, давая показания, должен избегать «изложения сведений, источник которых им не может быть указан» (ст. 285 УПК).

Из приведенных положений закона, определяющих содержание свидетельских показаний, первое (ст. 166 УПК) установлено в отношении допроса свидетелей в стадии предварительного расследования, второе же (ст. 285 УПК) говорит о допросе свидетелей в суде. Но оба эти положения вытекают из самой сущности свидетельских показаний как источника доказательств в советском уголовном процессе и в равной мере относятся к допросу свидетелей как в стадии предварительного расследования, так и в стадии судебного разбирательства.

Каждый участник процесса может быть заменен другим лицом, призванным для совершения таких же действий. Так, эксперт может быть заменен другим лицом, обладающим специальными знаниями в данной области; следователь, ведущий предварительное расследование, может быть заменен другим следователем; судья может быть отведен при наличии к тому оснований и может быть заменен другим судьей и т. д. Иначе разрешается вопрос в отношении свидетеля. Так как содержанием свидетельского показания являются сведения об определенных фактах, которые наблюдало именно данное лицо, то свидетелем может быть только это лицо и никто другой; иными словами, свидетель, в противоположность всем другим участникам процесса, незаменим.

Эта незаменимость свидетеля влечет за собой определенные процессуальные последствия. В практике встречаются иногда случаи, когда возникает необходимость допросить в качестве свидетеля лицо, которое призвано принять какое-либо иное участие в этом же деле, например, дать заключение в качестве эксперта, расследовать дело в качестве следователя, участвовать в рассмотрении дела по существу в качестве судьи или народного заседателя и т. п. Так как все эти участники процесса могут быть заменены другими лицами и только свидетель незаменим, то во всех таких случаях предпочтение отдается роли свидетеля; это значит, что данное лицо будет допрошено в качестве свидетеля, а в качестве эксперта, следователя,

судьи, народного заседателя будут призваны другие лица, удовлетворяющие требованиям, установленным в законе (ст.ст. 43, 48, 56, 122 УПК). Единственное исключение из этого общего положения установлено в отношении потерпевшего. Допрос потерпевшего в качестве свидетеля имеет, как правило, большое значение для дела; в то же время потерпевший не может быть лишен принадлежащего ему права поддерживать обвинение по делам, указанным в ст. 10 УПК, а также права отыскивать путем предъявления гражданского иска возмещение вреда, причиненного ему преступлением. Ввиду этого закон допускает одновременное участие потерпевшего в деле в качестве свидетеля и в качестве гражданского истца, а также в качестве обвинителя по делам частного обвинения (примечание к ст. 284 УПК).

Незаменимость свидетелей определяет также круг этих свидетелей в советском уголовном процессе. В качестве свидетелей должен быть допрошен каждый, кто наблюдал факты, имеющие значение для дела, и кто может сообщить сведения об этих фактах. Такими свидетелями, следовательно, могут быть лица как незаинтересованные, так и заинтересованные в исходе дела, в частности родственники обвиняемого, его друзья, лица, находящиеся с ним во враждебных отношениях, потерпевший и его родственники. Все такие отношения свидетелей к обвиняемому и к делу должны быть учтены при оценке показаний этих свидетелей, но они не могут служить основанием для устранения их из дела; иными словами, отвод свидетелей по мотивам родства, дружбы или заинтересованности в деле не допускается в советском уголовном процессе.

Равным образом не допускает советский уголовный процесс отвода или самоотвода свидетелей по соображениям служебной либо врачебной и иной профессиональной тайны. В ряде случаев должностное лицо располагает такими сведениями по службе, которые не подлежат оглашению; могут не подлежать оглашению также различные обстоятельства, которые сделались известными, например, врачу при исполнении им профессиональных обязанностей. Но все это не относится к уголовному процессу. От правосудия нет и не может быть тайн, и поэтому, если для полного исследования дела и для вынесения правильного приговора необходимо выяснение указанных обстоятельств, соответствующее должностное лицо либо врач

будет вызван к следователю или в суд и обязан давать показания на общих основаниях. При этом суд может закрыть двери судебного заседания на время допроса данного свидетеля для того, чтобы сведения, не подлежащие оглашению, не сделались общим достоянием, не стали известными всем присутствующим при рассмотрении дела.

Не исключает возможности допроса кого-либо в качестве свидетеля и то обстоятельство, что это лицо ранее участвовало в деле в качестве обвиняемого. В практике встречаются случаи, когда по делу в качестве обвиняемых привлечены два или более лица и в отношении одного из них дело затем прекращено по тем или иным основаниям. Обвиняемый не несет уголовной ответственности ни за отказ от дачи показаний, ни за дачу ложных показаний. Но все это отпадает с того момента, когда данное лицо перестанет быть обвиняемым. Поэтому если в дальнейшем при рассмотрении дела по существу возникнет необходимость допросить бывшего обвиняемого по тем или иным обстоятельствам дела, то он будет допрошен как свидетель на тех же основаниях и в том же порядке, как и все другие свидетели по этому делу.

Такое же положение имеет место и в тех случаях, когда дело было выделено в отношении одного из соучастников преступления, который скрылся от следствия и суда, а в отношении остальных обвиняемых дело было расследовано и рассмотрено по существу. Если после вступления приговора в законную силу скрывшийся соучастник преступления будет разыскан и дело о нем будет расследовано, а затем рассмотрено судом, то лица, ранее осужденные по этому же делу, могут быть в случае надобности допрошены в качестве свидетелей, так как они уже более обвиняемыми в данном деле не являются. Оценивая такие показания, следователь и суд должны, конечно, учитывать то обстоятельство, что эти показания даны бывшими обвиняемыми, но само по себе прежнее участие в деле в качестве обвиняемых не устраняет возможности допроса указанных лиц в качестве свидетелей.

Из общего положения, в силу которого в качестве свидетеля может быть допрошено всякое лицо, советский уголовный процесс допускает исключения только в отношении двух категорий лиц. Обе эти категории указаны в одной ст. 61 УПК, но основания устранения этих лиц из числа свидетелей совершенно различны.

Согласно первому пункту ст. 61 УПК не может быть вызываем и допрашиваем в качестве свидетеля «защитник обвиняемого по делу, по которому он выполняет таковые обязанности». Основания такого запрещения допроса защитника в качестве свидетеля заключаются в следующем.

Защитник, приглашенный подсудимым по его выбору либо назначенный судом, имеет право беседовать с подсудимым, причем если последний находится под стражей, то суд должен предоставить защитнику возможность такой беседы (ст. 252 УПК) Если бы закон разрешал допрашивать защитника в качестве свидетеля, то во время допроса защитник обязан был бы сообщить все, что ему известно по делу, и в том числе также и то, что рассказал ему подсудимый во время беседы с ним. Одна возможность такого допроса могла бы вызвать недоверие подсудимого к своему защитнику, заставила бы подсудимого держаться настороже во время беседы с защитником, а это могло бы помешать последнему надлежаще выяснить все обстоятельства дела путем такой беседы. В конечном результате допрос защитника в качестве свидетеля и самая возможность такого допроса могли бы подорвать авторитет защиты и стеснить подсудимого в осуществлении своего права на помощь защитника при рассмотрении дела судом.

Отсюда следует, что защитник не может быть допрашиваем только по тем обстоятельствам, которые он узнал от подсудимого; если же те или иные обстоятельства, имеющие значение для дела, сделались известными защитнику независимо от его участия в деле и, в частности, были ему известны еще до того, как он был приглашен или назначен защитником по делу, то в этом случае защитник может быть допрошен в качестве свидетеля в общем порядке, а обязанности защитника будут поручены другому лицу по выбору подсудимого или по назначению суда.

Ко второй категории лиц, не допускаемых в качестве свидетелей в советском уголовном процессе, относятся те, кто не в состоянии давать правильные показания по делу. Чтобы дать такое показание, свидетель должен обладать способностью правильно воспринять наблюдаемый им факт, удержать в памяти воспринятое, а затем во время допроса восстановить в памяти воспринятое и правильно его изложить. В подавляющем большинстве люди обла-

дают этими способностями и поэтому могут быть свидетелями в уголовном процессе. Но тот или иной психический дефект — хроническая психическая болезнь, например шизофрения, или иное болезненное состояние, как, например, слабоумие — может сделать данное лицо неспособным правильно воспринять то, что оно наблюдало, либо неспособным удержать в памяти и затем вспомнить воспринятое и сообщить о нем правильные сведения. Совершенно очевидно, что такие лица неспособны выполнять функции свидетелей в процессе, и поэтому второй пункт статьи 61 УПК указывает, что не могут быть вызываемы и допрашиваемы в качестве свидетелей «лица, которые ввиду своих физических и психических недостатков неспособны правильно воспринимать имеющие значение по делу явления и давать о них правильные показания».

При этом следует иметь в виду, что наличие того или иного дефекта психики не всегда делает данное лицо совершенно неспособным давать свидетельские показания. Так, слабоумие в известной его степени и некоторые формы психических хронических болезней в известной стадии и в известные периоды не исключают возможности для данного лица правильно воспринимать некоторые явления, удерживать некоторое время в памяти воспринятое и сообщать об этом правильные сведения. Поэтому, если возникает сомнение в способности данного лица быть свидетелем, должна быть произведена судебно-психиатрическая экспертиза; затем следователь и суд, подвергнув заключение эксперта рассмотрению и оценке, разрешают данный вопрос и в зависимости от обстоятельств дела либо допрашивают данное лицо в качестве свидетеля, либо признают такой допрос невозможным (примечание к ст. 61 УПК).

Правильные свидетельские показания содействуют выяснению обстоятельств дела и правильному его разрешению, содействуют, следовательно, осуществлению правосудия в данном деле. Поэтому дача правильных свидетельских показаний является обязанностью советского гражданина перед государством, и каждое лицо, вызванное к следователю или в суд в качестве свидетеля, обязано явиться по этому вызову и сообщить все известное ему по делу. В случае неявки свидетеля без уважительных причин он может быть подвергнут приводу (ст. 62 УПК); кроме того, уклонение от явки, а равно отказ от

дачи показаний влекут за собой уголовную ответственность по ст. 92 УК, а дача заведомо ложных показаний карается по ст. 95 УК.

Возлагая на свидетеля обязанность являться по вызову следственных и судебных органов и давать показания, закон обеспечивает при этом свидетелю возмещение расходов, понесенных им по явке; кроме того, за свидетелем сохраняется его заработная плата (ст. 65 УПК).

Оценка свидетельских показаний, как и всех вообще доказательств, производится следователем, прокурором и судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности.

Первый вопрос, возникающий при рассмотрении и оценке свидетельского показания,— это вопрос о том, говорит ли свидетель правду или ложь, является ли его показание правдивым или, напротив, заведомо ложным. В последнем случае показание свидетеля будет отброшено. Если же будет признано, что свидетель говорит правду, то этим рассмотрение и оценка свидетельского показания еще не исчерпываются.

Если свидетель говорит правду — это значит, что он сообщает такие сведения, которые он сам считает правильными, соответствующими действительности. В большинстве случаев сведения, сообщаемые такими правдивыми свидетелями, правильно отражают то, что имело место в действительности, и тогда показания этих свидетелей будут не только субъективно правдивыми, но и объективно правильными. Но иногда свидетель полагает, что имеющиеся у него сведения являются правильными, между тем как в действительности они правильными не являются. Например, свидетель добросовестно убежден в том, что он видел обвиняемого на месте совершения преступления, и сообщает об этом следователю или суду; на самом же деле свидетель ошибается, и видеть обвиняемого не мог, так как последний в это время находился в другом месте, и это точно установлено по делу рядом доказательств. В этом случае, как и в других, ему подобных, налицо — ошибка свидетеля, добросовестное его заблуждение, и показание этого свидетеля на самом деле оказывается неправильным. Поэтому, если показание свидетеля будет признано правдивым, то при этом необходимо также решить, является ли это показание объективно

правильным, правильно ли оно отражает то, что имело место в действительности.

Ошибки, иногда встречающиеся в показаниях свидетелей, могут быть вызваны тем, что свидетель неполно или неправильно воспринял то, что наблюдал, либо забыл воспринятое, либо во время допроса не сумел восстановить в памяти воспринятое и правильно это изложить. Неполное или неправильное восприятие свидетелем наблюдаемого факта может в свою очередь зависеть от различных причин; таковы: состояние, в каком находился в тот момент свидетель, — именно, был ли он спокоен или взволнован, испуган; продолжительность времени, в течение которого свидетель наблюдал данный факт; расстояние, с которого он видел то, что было им воспринято; способность свидетеля замечать различные подробности, например приметы человека, и др. Удержание и затем восстановление в памяти воспринятого во время допроса зависит от свойства памяти данного свидетеля; от того, насколько четко и ярко данное событие или отдельные его подробности запечатлелись в сознании свидетеля; от времени, какое прошло с момента наблюдения данного факта до момента допроса, и т. д. Поэтому во всех случаях, когда по каким-либо основаниям возникает вопрос о возможности ошибки в показаниях свидетеля, необходимо учитывать все условия, которые могли оказать влияние на полное и правильное восприятие свидетелем данного факта и на правильное воспроизведение воспринятого.

Таким образом, оценка свидетельского показания включает в себя разрешение вопроса о правдивости или ложности этого показания и в случае признания показания правдивым — также разрешение вопроса о его объективной правильности. Производя эту оценку, следователь и суд учитывают отношение свидетеля к делу, к потерпевшему, к обвиняемому; заинтересованность или, напротив, незаинтересованность свидетеля в исходе дела; наличие в показании свидетеля существенных пробелов и противоречий либо, напротив, последовательности и внутренней согласованности этого показания; правдоподобность или неправдоподобность сведений, сообщаемых свидетелем; соответствие или несоответствие показания свидетеля всем другим доказательствам, имеющимся в данном деле.

В следственной и судебной практике встречается

иногда необходимость допросить малолетних в качестве свидетелей. Советский уголовный процесс не устанавливает никаких возрастных ограничений в данной области, и потому в качестве свидетеля может быть допрошен малолетний даже дошкольного возраста. Возможность такого допроса зависит от того, о каких фактах идет речь, и от способности данного ребенка правильно воспринять этот факт, удержать в памяти воспринятое и правильно изложить воспринятое во время допроса. При оценке показаний малолетних следует иметь в виду, что некоторые дети склонны к фантазированию и потому могут внести в свои показания сведения, придуманные и не соответствующие действительности. Кроме того, дети легко поддаются влиянию окружающих, особенно влиянию взрослых, которые своими разговорами и расспросами могут невольно и незаметно для самих себя подсказать малолетнему то, что он затем сообщит во время допроса как якобы им самим воспринятое при наблюдении данного факта. Учитывая эти особенности детской психики, целесообразно, чтобы при допросе малолетних на предварительном следствии присутствовал врач или педагог или же и тот и другой¹. Эти лица могут задавать вопросы малолетнему свидетелю, требовать занесения в протокол своих замечаний по обстоятельствам допроса; по окончании допроса эти лица дают свое заключение о продуманности и правдивости показаний малолетнего свидетеля. Участие в допросе педагога, знакомого с детской психикой, окажет существенную помощь следователю и суду в создании соответствующей обстановки допроса, а также поможет учесть особенности показания малолетнего свидетеля, что будет иметь существенное значение для правильной оценки этого показания.

б) Заключение экспертов

Экспертом является лицо, обладающее специальными познаниями в определенной области науки, искусства или же в ремесле и привлекаемое к участию в деле в тех случаях, когда такие специальные знания необходимы для выяснения каких-либо обстоятельств этого дела. Иногда роль эксперта ограничивается тем, что он сообщает следователю и суду общие сведения из той или иной области

¹ По УПК УССР это правило является обязательным (см. ст. 162).

науки и искусства; таковы, например, те случаи, когда эксперт разъясняет суду признаки действия определенного яда или излагает и объясняет признаки определенной психической болезни и т. п. Но в подавляющем большинстве случаев эксперт исследует определенные материалы дела при помощи своих специальных знаний и таким путем приходит к выводу о наличии или отсутствии какого-либо факта, имеющего значение для дела; например, эксперт — судебный медик, исследуя труп, приходит к выводу, что смерть последовала от удушения (асфиксии); эксперт-графист, исследовав документ, находит, что документ подписан не тем лицом, от имени которого он выдан, и т. п.

Деятельность эксперта, заключающаяся в сообщении следственным и судебным органам специальных сведений из той или иной области науки или искусства либо в исследовании материалов дела при помощи соответствующих специальных знаний, называется экспертизой; самые же сведения, сообщаемые экспертом, выводы, к которым он приходит, исследуя материалы дела при помощи своих специальных знаний, представляют собой заключение эксперта, которое и является источником доказательств (средством доказывания) в советском уголовном процессе.

Роль экспертов в советском уголовном процессе определяет требования, какие предъявляет к ним закон, и круг тех лиц, которые могут быть привлекаемы к участию в деле для производства экспертизы. Именно: экспертом может быть только лицо, обладающее надлежащими специальными знаниями в данной области науки или искусства или же в ремесле. Так как производство экспертизы может быть поручено каждому специалисту, обладающему достаточными знаниями в данной области, то вследствие этого эксперт, в противоположность свидетелю, заменим, и в отношении экспертов допускается отвод в случаях, указанных в законе (ст. 48 УПК). Одним из оснований такого отвода является то обстоятельство, что данное лицо было уже допрошено или должно быть допрошено по этому же делу в качестве свидетеля. Это положение имеет существенное практическое значение, в частности, в тех случаях, когда по данному делу была произведена документальная, финансовая или иная ревизия.

Лица, производившие такую ревизию, могут быть допрошены по делу в качестве свидетелей, и их показания, равно как и самые акты ревизии, являются теми материалами, которые в случае необходимости будут исследованы экспертом-бухгалтером. Поэтому привлечение к делу в качестве экспертов тех лиц, которые производили ревизию по этому же делу, означает соединение в одном лице свидетеля и эксперта, что представляет собой существенное нарушение закона и влечет за собой отмену вынесенного при этих условиях приговора. Так, по делу Ц. и Р. Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР, отменив своим определением от 7 мая 1949 г. приговор, указала как на одно из оснований этой отмены на то, что «экспертную комиссию по делу возглавлял старший инженер-диспетчер Главзапшахтолеса В., который до этого, как видно из материалов дела, проводил у Ц. ревизию по поручению главка и на основании материалов которого и было возбуждено уголовное дело по обвинению Ц.». В другом случае, при пересмотре в порядке надзора дела К. и других, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР нашла: «Все обвинение основано главным образом на акте ревизии, составленном ревизором-контролером Б. Этот же Б. участвовал затем экспертом и на предварительном следствии и суде. При путанице в отчетности бухгалтерии и при противоречивости показаний обвиняемых необходимо было участие в деле объективной бухгалтерской экспертизы, которой следовало тщательно проверить результаты ревизии. Соединение же в одном лице функций ревизора и эксперта недопустимо (ст.ст. 40 и 48 УПК РСФСР)». По этим основаниям и ввиду наличия в деле других нарушений коллегия своим определением от 31 августа 1949 г. отменила приговор и передала дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Участие в деле в качестве эксперта является обязанностью каждого лица, которое обладает соответствующими специальными знаниями и от которого следователь и суд потребуют производства экспертизы и дачи заключения. При неявке эксперта по вызову без уважительных причин к нему может быть применен привод (ст. 64 УПК); уклонение без законных причин от дачи заключения и дача заведомо ложного заключения влекут за собой уголовную ответственность по ст.ст. 92 и 95 УК.

Эксперт имеет право на возмещение расходов, понесенных им по явке к следователю и в суд; за экспертом сохраняется его заработная плата; кроме того, он имеет право на вознаграждение за производство экспертизы (ст. 65 УПК).

Закон предоставляет также эксперту определенные права, обеспечивающие ему возможность дать обоснованное заключение путем исследования соответствующих материалов дела при помощи своих специальных знаний. Эксперт имеет право знакомиться с нужными ему материалами дела и ставить перед следователем и судом вопрос о дополнении этих материалов и, в частности, об истребовании дополнительных документов; если в деле участвует несколько экспертов, то в случае их о том требования им должна быть предоставлена возможность совещаться между собой (ст. ст. 171, 172, 298 УПК). Во время судебного разбирательства эксперты имеют право оставаться и обычно остаются в зале судебного заседания; лишь в особых случаях суд по своей инициативе либо по ходатайству кого-либо из сторон может удалить экспертов из зала заседания (ст. 275 УПК).

Присутствуя в зале судебного заседания, эксперты могут задавать через председателя вопросы подсудимым и свидетелям, а также рассматривать имеющиеся в деле вещественные и письменные доказательства. Это право экспертов прямо не предусмотрено Уголовно-процессуальным кодексом, но оно не вызывает никаких сомнений и широко применяется на практике, так как вытекает из самой сущности экспертизы в советском уголовном процессе и дает экспертам возможность наиболее полно исследовать таким путем все те материалы, какие являются необходимыми для дачи заключения.

Экспертиза производится в тех случаях, когда для выяснения тех или иных обстоятельств дела необходимы специальные знания в какой-либо области науки или искусства или же в каком-либо ремесле (ст. 63 УПК). Виды экспертизы могут быть самыми различными; такова экспертиза судебно-медицинская, судебно-психиатрическая, криминалистическая, бухгалтерская, техническая, художественная, литературная и др. Не может иметь места лишь экспертиза по правовым вопросам, так как следователь, прокурор и судьи сами должны знать советские законы и уметь их толковать и правильно применять.

Согласно примечанию 1 к ст. 63 УПК экспертиза должна быть обязательно произведена каждый раз, когда необходимо установить причины смерти, характер телесных повреждений, а также психическое состояние обвиняемого или свидетеля, если по этому вопросу возникает сомнение у следователя или у суда. Во всех остальных случаях вопрос о необходимости произвести экспертизу разрешается в зависимости от обстоятельств данного дела следователем и прокурором в стадии предварительного расследования и судом — в подготовительном заседании и в стадии судебного разбирательства при рассмотрении дела по существу. Кроме того, вышестоящий суд, отменяя приговор в кассационном порядке или в порядке судебного надзора, может признать необходимым при новом производстве по делу произвести экспертизу, и это указание вышестоящего суда является обязательным для следователя, вновь расследующего дело, и для суда, вновь рассматривающего это дело.

Возможны случаи, когда специальными знаниями, необходимыми для выяснения каких-либо обстоятельств дела, обладает следователь, расследующий данное дело, или же кто-либо из судей, рассматривающих это дело по существу; например, психиатр является народным заседателем по делу, в котором поставлен вопрос о вменяемости подсудимого. Наличие таких специальных знаний у следователя или у судьи ни в какой мере и ни при каких условиях не исключает необходимости произвести экспертизу по делу. Заключение эксперта представляет собой доказательство, которое в совокупности со всеми другими доказательствами в данном деле подлежит рассмотрению и оценке следователя и суда. Между тем, если бы вместо производства экспертизы были использованы специальные знания, имеющиеся у следователя или у судьи, то выводы, которые были бы сделаны при помощи этих специальных знаний, уже не могли бы быть предметом рассмотрения и оценки и представляли бы собой не доказательство, на основе которого должен быть разрешен данный вопрос, а самое решение этого вопроса. Здесь получилось бы соединение в одном лице эксперта и следователя или судьи, что категорически запрещается законом (ст.ст. 43 и 122 УПК). Наличие у следователя или у судьи соответствующих специальных знаний облегчит им возможность правильно поставить вопросы эксперту и

правильно оценить его заключение; самое же заключение должно быть дано в общем порядке другим лицом, которое обладает нужными специальными знаниями и участвует в деле в качестве эксперта.

Выбор лиц, привлекаемых к участию в деле в качестве экспертов, производится в стадии предварительного расследования следователем; при этом обвиняемый имеет право просить следователя о вызове дополнительных экспертов, а также вправе заявить отвод экспертам, назначенным следователем (ст. 169 УПК, приказ Прокурора СССР от 13 мая 1939 г. № 90-3). К слушанию дела обычно вызываются в судебное заседание те эксперты, которые давали заключение во время предварительного расследования; кроме того, по ходатайству сторон, а также по инициативе суда могут быть вызваны дополнительные эксперты как по определению подготовительного заседания, так и по определению суда, рассматривающего дело по существу.

Нередко следователь и суд поручают производство экспертизы специальным учреждениям, каковы институт судебной психиатрии, криминалистические лаборатории и др. В этих случаях порядок производства экспертизы несколько отличается от обычного. Именно: следователь и суд не указывают тех конкретных лиц, которые должны произвести экспертизу, а только определяют соответствующее учреждение, самый же выбор экспертов производится руководством этого учреждения. Экспертиза производится без участия следователя и в его отсутствие, но все это не меняет существа того исследования, которое производится в таких условиях: исследование это остается экспертизой; экспертами являются те сотрудники данного учреждения, которые производили исследование и пришли к определенным выводам, а самые выводы эти представляют собой заключение экспертов, которое подлежит оценке следователя и суда на общих основаниях. Поэтому, если по обстоятельствам дела окажется необходимым допросить на предварительном расследовании или в судебном заседании эксперта, то в качестве такого эксперта должен быть вызван и допрошен не любой сотрудник данного учреждения, а именно тот, кто производил исследование и дал заключение по делу.

В своем заключении эксперт должен дать ответ на вопросы, возникшие в деле и требующие для своего раз-

решения соответствующих специальных знаний. Эти вопросы ставит эксперту на предварительном расследовании следователь; кроме того, обвиняемый вправе поставить эксперту дополнительные вопросы (ст. 171 УПК, приказ Прокурора СССР от 13 мая 1939 г. № 90-3). В стадии судебного разбирательства эксперту ставит вопросы прокурор и другие участвующие в деле стороны, а также суд. Так как дача экспертом заключения связана, по общему правилу, с рассмотрением различных сложных вопросов, то эти вопросы в целях уточнения их формулировки должны быть поставлены эксперту в письменной форме. Эксперт также излагает свое заключение в письменной форме. Если следователь найдет необходимым допросить эксперта после дачи им заключения, он допрашивает эксперта в таком же порядке, как и свидетеля, и составляет протокол допроса. В стадии судебного разбирательства эксперт устно излагает свое заключение, а заключение, данное в письменной форме, приобщается к протоколу судебного заседания, после чего суд и стороны могут задавать вопросы эксперту, ответы которого заносятся в протокол судебного заседания (ст. ст. 171—173, 298 УПК).

Давая заключение по делу, эксперт должен оставаться в пределах тех вопросов, какие он призван выяснить при помощи своих специальных знаний; все же другие вопросы и, в частности, правовая оценка тех или иных фактов, устанавливаемых экспертом, выходят за пределы его компетенции и потому его разрешению и рассмотрению не подлежат. Например, эксперт-бухгалтер должен сказать, числятся ли за обвиняемым материальные ценности и в каком размере, но не может высказаться по вопросу о том, присвоил ли обвиняемый эти ценности, так как вопрос о присвоении связан с юридической квалификацией действий обвиняемого и относится исключительно к ведению следственных, прокурорских и судебных органов. В соответствии с этим и вопросы, которые ставятся эксперту, должны быть изложены так, чтобы ответы на эти вопросы оставались в пределах компетенции данного эксперта. Поэтому неправильной является встречающаяся иногда в практике такая постановка вопроса, когда эксперту предлагают сказать, было ли совершено убийство умышленно или по неосторожности, был ли совершен подлог данным обвиняемым и т. д.

По делу Ш., осужденного по закону от 7 августа 1932 г., одним из доказательств, положенных судом в основу обвинительного приговора, явилось заключение эксперта К., который признал, что поддельные расчеты платежей были написаны Ш. При пересмотре приговора в порядке надзора Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в своем определении от 8 января 1949 г. указала в числе других допущенных по делу нарушений также и на то, что суд принял в качестве доказательства заключение эксперта, которое не отвечает требованиям закона. «Положив в основу своего заключения результаты «исследования всех обстоятельств дела», эксперт К., давая оценку доказательств по делу и создавая свою обвинительную версию, вышел за пределы своей компетенции и присвоил себе функции органов следствия и суда. В области же своей компетенции он ничего конкретного не дал. Это нарушение явилось одним из оснований отмены приговора и передачи дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия».

При пересмотре в порядке надзора дела С., осужденной за присвоение государственных средств, Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении от 17 марта 1950 г. указал следующее: «Обвинение С. в присвоении государственных средств основано исключительно на заключении судебно-бухгалтерской экспертизы. Это заключение не может быть признано бесспорным доказательством обвинения, так как оно покоится исключительно на предположении эксперта. Кроме того, назначая экспертизу, органы следствия совершенно неправильно поставили перед экспертом вопрос о доказанности обвинения С. и присвоении денег, так как разрешение этого вопроса не входит в компетенцию эксперта». Пленум Верховного суда СССР признал, что обвинение С. в присвоении государственных средств не доказано, а установлено преступно-халатное отношение осужденной к ее служебным обязанностям, в соответствии с чем был соответствующим образом изменен приговор суда первой инстанции.

Для того чтобы надлежаще выполнить возложенные на него обязанности и дать правильное заключение по делу, эксперт должен обладать достаточными специальными знаниями в соответствующей области, уметь приложить эти знания в каждом конкретном случае, тщательно исследовать все материалы, необходимые для разрешения

вопросов, поставленных эксперту, и сделать выводы, вытекающие из исследования указанных материалов. Этим определяются и исходные моменты оценки заключения эксперта.

Заключение эксперта является одним из источников доказательств (средств доказывания) и подлежит оценке на общих основаниях. Поэтому заключение эксперта не является обязательным для следователя, прокурора и суда, которые могут его отвергнуть и прийти к иным выводам по тем вопросам, какие были поставлены на разрешение эксперта. Следователь и суд могут также, если найдут это необходимым, назначить новую экспертизу. Но во всех таких случаях следователь и суд обязаны мотивировать свое несогласие с заключением экспертов. Закон (ст. 298 УПК) говорит об обязательности такой мотивировки только для суда, но это положение полностью относится и к следователю. Как суд при рассмотрении дела по существу, так и следователь при расследовании дела, отвергая заключение эксперта, должны указать, по каким именно основаниям они находят данное экспертом заключение неполным, неясным, неправильным.

Производя оценку заключения эксперта, следователь, прокурор и суд должны исходить из самой сущности экспертизы, которая представляет собой исследование соответствующих материалов дела, производимое экспертом при помощи его специальных знаний, а также должны учитывать все те условия, соблюдение которых требуется для получения правильных, обоснованных выводов по вопросам, поставленным на разрешение эксперта. В соответствии с этим следователь, прокурор и суд, оценивая заключение эксперта, должны проверить объективность эксперта, наличие у него достаточных знаний в данной специальной области, научную ценность этих знаний, полноту и достаточность материалов, которые были исследованы экспертом, и правильность метода, который был при этом исследовании применен. Далее при оценке заключения эксперта необходимо выяснить, вытекает ли это заключение из всей совокупности материалов, исследованных экспертом; является ли оно ясным, четким, определенным, последовательным и согласованным во всех своих частях или же, напротив, в нем содержатся существенные неясности, пробелы и противоречия; соответствуют ли выводы, сделанные экспертом в его заклю-

чений, всем другим доказательствам, имеющимся в деле, и всем обстоятельствам этого дела. В тех случаях, когда имеется два или более заключения экспертов по одному и тому же вопросу, необходимо, кроме того, выяснить, согласны ли эти заключения между собой или же между ними имеются противоречия, и в последнем случае — в чем эти противоречия заключаются и чем они вызваны.

в) Показания обвиняемого

В числе источников доказательства УПК (ст. 58) указывает «личные объяснения обвиняемого». Сюда относятся как объяснения обвиняемого, так и его показания. Например, если обвиняемый излагает свои соображения, которые, по его мнению, должны убедить суд в некомпетентности эксперта или в несправедливости указаний свидетеля, то в этом случае он представляет свои объяснения по данному вопросу; если же обвиняемый сообщает сведения о каких-либо фактах, например рассказывает, когда и при каких обстоятельствах он совершил преступление, — он дает показания. Объяснения и показания обвиняемого очень тесно переплетаются между собой, и потому отделить их друг от друга оказывается на практике крайне затруднительным, либо даже вовсе невозможным.

Показания обвиняемого имеют в советском уголовном процессе двойное значение. Поскольку они представляют собой источник сведений о фактах, имеющих значение для дела, они являются источником доказательств (средством доказывания); кроме того, они являются одним из средств защиты обвиняемого. Советский уголовный процесс строится на принципах социалистического демократизма, и одним из этих принципов является право обвиняемого на защиту, закрепленное в статье 111 Конституции СССР. Право на защиту означает совокупность прав, которые на протяжении всего процесса обеспечиваются обвиняемому для охраны его законных интересов — для того чтобы он мог защищаться от предъявленного ему обвинения. Одним из выражений этого права на защиту является право обвиняемого давать показания и таким путем доказывать свою невиновность или доказывать, что им совершено менее тяжкое преступление по

сравнению с тем, в каком он обвиняется, или же доказывать наличие смягчающих вину обстоятельств.

Советский закон не только предоставляет обвиняемому право давать показания, но и обеспечивает ему реальную возможность осуществить это право и для этого обязывает следователя допросить обвиняемого в кратчайший срок после предъявления обвинения, равно как обязывает суд допросить подсудимого при рассмотрении дела по существу (ст. ст. 134, 282 УПК). Поэтому производство предварительного расследования, а также рассмотрение дела в стадии судебного разбирательства без допроса обвиняемого представляют собой существенное нарушение принципов советского уголовного процесса и влекут за собой отмену вынесенного при этих условиях приговора. Так, Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР своим определением от 23 февраля 1949 г. отменила приговор линейного суда по делу Б. на том основании, что дело «было рассмотрено с нарушением ст. 282 УПК РСФСР. Б. в суд явился, однако на суде по существу предъявленного обвинения допрошен не был». Равным образом определением Железнодорожной коллегии Верховного суда СССР от 28 июня 1949 г. был отменен приговор по делу Н. вследствие неполноты судебного следствия и в первую очередь ввиду того, что сам Н. остался в суде недопрошенным.

Показания обвиняемого бывают двух видов; отрицание обвиняемым своей вины и признание этой вины (сознание обвиняемого). Встречаются иногда в практике и такие показания, в которых сочетаются частичное отрицание и частичное признание обвиняемым предъявленного ему обвинения; например, обвиняемый в умышленном убийстве отрицает умысел в своих действиях и признает себя виновным в убийстве неосторожном; обвиняемый в растрате крупной суммы денег признает себя виновным в растрате небольшой части суммы и отрицает растрату остальных денег.

Показания обвиняемого, как и все другие доказательства, оцениваются свидетелем, прокурором и судьями по их внутреннему убеждению. Производя эту оценку, необходимо учитывать, что показания исходят от обвиняемого, то есть от лица, которое непосредственно заинтересовано в исходе дела. Отсюда вытекает требование особо крити-

ческого отношения к показаниям обвиняемого и особо тщательная их проверка.

Это указанное требование относится как к отрицанию обвиняемым своей вины, так и к сознанию обвиняемого. В большинстве случаев отрицание обвиняемым своей вины вызвано стремлением избежать ответственности за совершенное преступление и потому вполне естественно встречает настороженное и особо критическое к себе отношение со стороны следователя, прокурора и суда. Но это не должно означать огульного, заранее предрешенного недоверия ко всяким показаниям обвиняемого, не признающего себя виновным в совершении данного преступления. Возможно, что обвиняемый отрицает совершение преступления потому, что он действительно невиновен, и это получает в дальнейшем свое подтверждение в деле. Поэтому показание обвиняемого, не признающего себя виновным, подлежит, как и всякое другое доказательство, проверке и оценке в связи со всеми обстоятельствами каждого данного дела.

Равным образом требует проверки и сознание обвиняемого. В подавляющем большинстве случаев сознание является правильным и исходит от лица, действительно совершившего данное преступление, но наряду с этим иногда встречается и ложное сознание. Мотивы такого ложного сознания могут быть самыми различными: обвиняемый признает себя виновным в менее тяжком преступлении, чтобы таким путем скрыть совершение другого, более тяжкого преступления, либо, стремясь избавиться от ответственности близкого ему человека, признает себя виновным в совершении преступления, которое в действительности было совершено не им, а другим лицом; возможно ложное сознание на почве расстройства психики и т. д. Поэтому недопустимо слепое доверие к сознанию обвиняемого, и сознание это должно быть каждый раз проверено и подвергнуто оценке, как и всякое доказательство по делу.

По этим основаниям нельзя ограничиваться на предварительном расследовании одним лишь сознанием обвиняемого и при наличии такого сознания признавать излишним собирание других доказательств. Сознание обвиняемого, как было указано выше, может иногда оказаться ложным и, если оно не будет проверено посредством других доказательств, может привести суд к вынесению не-

правильного приговора. Независимо от этого, если обвиняемый действительно совершил преступление, в котором он признал себя виновным на предварительном расследовании, то в случае отказа обвиняемого от этого сознания в стадии судебного разбирательства может оказаться, что суд при отсутствии других доказательств в деле не будет иметь в своем распоряжении материалов, необходимых для правильного разрешения этого дела и для вынесения обоснованного приговора. «...Обвиняемый в уголовном процессе не должен рассматриваться как единственный и самый достоверный источник... истины. Нельзя поэтому признать правильным такую организацию и такое направление следствия, которые основную задачу видят в том, чтобы получить обязательно «признательные» объяснения обвиняемого. Такая организация следствия, при которой показания обвиняемого оказываются главными и — еще хуже — единственными устоями всего следствия, способна поставить под удар все дело в случае изменения обвиняемым своих показаний или отказа от них»¹.

Обязательной является проверка сознания подсудимого также и в стадии судебного разбирательства. Статья 282 УПК разрешает суду не производить дальнейшего судебного следствия и перейти от показаний подсудимого непосредственно к прениям сторон в тех случаях, когда подсудимый признал правильным предъявленное ему обвинение и полностью согласился с тем, что изложено в обвинительном заключении. Но такое сокращенное рассмотрение дела может быть допущено только в виде редкого исключения, причем и здесь судебное следствие не ограничивается только заслушиванием показаний обвиняемого, признающего себя виновным, но суд и стороны, в первую очередь прокурор, должны поставить подсудимому ряд вопросов, чтобы таким путем уточнить его показание, проверить это показание и сопоставить его со всеми обстоятельствами дела. Когда сознание подсудимого полностью соответствует всем обстоятельствам дела, установленным на предварительном расследовании, и не вызывает никаких сомнений, суд может признать излишним рассмотрение других доказательств и, не произведя дальнейшего судебного следствия, перейти к прениям сторон. Если же сознание подсудимого вызывает сомнения

¹ А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, Госюриздат, 1950, стр. 263.

или содержит в себе существенную неясность, неточность или неполноту либо в той или иной части не соответствует обстоятельствам дела, суд должен провести судебное следствие в общем порядке с допросом свидетелей и с рассмотрением других имеющихся в деле доказательств. Инициатива такого развернутого, несмотря на наличие сознания обвиняемого, рассмотрения дела должна исходить прежде всего от прокурора, на обязанности которого лежит представление суду убедительных, не оставляющих никаких сомнений доказательств виновности подсудимого в совершении инкриминируемого ему преступления.

Обвиняемый в своих показаниях, признавая или отрицая свою виновность, может вместе с тем изобличать другое лицо в совершении этого или другого преступления.

Эти показания бывают вызваны самыми различными мотивами — стремлением смягчить свою участь, скрыть участие в преступлении третьего лица, разоблачить действительного преступника и т. д.

Таким образом, эти показания могут быть и правильными, и ложными. Показания обвиняемого, ложно приписывающие другому лицу совершение какого-либо преступления, называются оговором.

Обвиняемый не несет уголовной ответственности за дачу ложного показания независимо от того, относится ли это показание к нему самому или же к другому лицу, и, следовательно, даже ложное обвинение, возводимое на кого-либо обвиняемым, не грозит последнему уголовной ответственностью. Ввиду этого требуется особо осторожное отношение к показаниям обвиняемого, в которых содержатся указания на совершение другим лицом того же или иного преступления, требуется особо углубленная проверка таких показаний путем тщательного анализа их содержания в сопоставлении со всеми другими имеющимися в деле доказательствами.

Это, однако, ни в какой мере не означает, что каждое показание обвиняемого, указывающее на совершение другим лицом преступления, представляет собой оговор и должно быть отброшено как не имеющее никакого доказательственного значения. Такое показание подлежит рассмотрению и оценке на общих основаниях, и если оценка эта окажется положительной, то данное показание явится доказательством, которое в совокупности с другими доказательствами будет положено в основу приговора.

г) Вещественные доказательства

Вещественными доказательствами в советском уголовном процессе являются все те предметы, путем осмотра или исследования которых может быть установлено наличие или отсутствие фактов, имеющих значение для дела. Таковы предметы, служившие орудием совершения преступления, например топор, которым совершено убийство; предметы, сохранившие на себе следы преступления, например окровавленная одежда обвиняемого, взломанная касса; предметы, на которые было направлено преступление, например похищенные при краже вещи. Но указать заранее все категории предметов, могущих быть вещественными доказательствами, невозможно, так как это определяется обстоятельствами каждого отдельного дела. Поэтому закон, перечислив указанные выше категории, дополнительно указывает, что вещественными доказательствами являются также «все иные предметы и документы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления и открытию виновных» (ст. 66 УПК). Сюда относятся: полученное потерпевшим письмо, содержащее в себе угрозу убийством; какая-либо вещь, которую обронил обвиняемый на месте совершения преступления, и др. Эти предметы будут вещественными доказательствами потому, что с их помощью могут быть установлены различные факты, имеющие значение для дела, каковы угрозы обвиняемого по адресу потерпевшего, нахождение обвиняемого на месте совершения преступления и т. п.

Каждый предмет, который может служить вещественным доказательством, становится таковым с того момента, когда следователь выносит постановление или же суд выносит определение о том, что этот предмет может иметь значение для дела и потому приобщается к делу в качестве вещественного доказательства (ст. 67 УПК). Вещественные доказательства должны быть подробно осмотрены следователем, а в случае надобности — также исследованы с участием эксперта. Протокол осмотра вещественного доказательства приобщается к делу, а результаты исследования вещественного доказательства излагаются в акте экспертизы.

Вещественные доказательства переходят вместе с делом от следователя в суд и в стадии судебного разбира-

тельства могут быть осмотрены судом и сторонами в любой момент судебного следствия (ст. ст. 68, 299 УПК).

Оценка вещественного доказательства заключается в том, что следователь, прокурор и суд решают, каково значение тех сведений, какие получены посредством осмотра и исследования вещественных доказательств, и могут ли считаться установленными те факты, о которых эти сведения говорят. Если вещественное доказательство было исследовано с участием эксперта, то оценка такого вещественного доказательства фактически сливается с оценкой того заключения, которое дал эксперт в результате произведенного им исследования.

Предметы, являющиеся вещественными доказательствами, сохраняют это свое значение до тех пор, пока происходит расследование и рассмотрение дела. Поэтому, когда дело прекращено производством или заканчивается приговором, вещественные доказательства теряют свое значение, и вопрос о их судьбе разрешается на основании ст. 69 УПК в постановлении следователя или же в определении либо в приговоре суда.

д) Письменные доказательства

Письменными доказательствами являются всякого рода документы, которые своим содержанием устанавливают наличие или отсутствие фактов, имеющих значение для дела. Таковы всякого рода справки, удостоверения, акты ревизий, протоколы, счета, аттестаты, письма и пр.

В стадии судебного разбирательства документы, как уже имеющиеся в деле, так и дополнительно представленные сторонами, могут быть оглашены по инициативе суда или по ходатайству кого-либо из сторон в любой момент судебного следствия (ст. 299 УПК).

Согласно ст. 319 УПК суд может основать свои выводы по делу только на тех доказательствах, которые были рассмотрены в судебном заседании. Об этом же говорит руководящее постановление Пленума Верховного суда СССР от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре»¹. В применении к письменным доказательствам это означает, что в основу приговора могут быть положены лишь те имею-

¹ «Сборник действующих постановлений Пленума Верховного суда СССР», Госюриздат, 1952, стр. 82.

щиеся в деле и представленные сторонами документы, которые были оглашены во время судебного следствия. Такое оглашение документов может быть заменено разрешением суда сторонам ссылаться в речах на документы, имеющиеся в деле; в этом случае документы, которые были предметом обсуждения в прениях сторон, также могут быть положены судом в основу приговора, вынесенного по данному делу.

Оценка письменных доказательств заключается в том, что следователь, прокурор и суд устанавливают подлинность самого документа и решают, каково значение тех сведений, которые содержатся в данном документе, и достаточны ли эти сведения для того, чтобы признать наличие или отсутствие того или иного факта.

Иногда документ имеет значение не в зависимости от содержащихся в нем сведений, а как предмет, который в силу присущих ему признаков удостоверяет определенный факт; таковы, например, подложный чек, подложная справка и др. В этом случае документ представляет собой не письменное, а вещественное доказательство, и к нему применяются все положения, которые установлены в отношении вещественных доказательств в советском уголовном праве.

§ 4. Первоначальные и производные доказательства

Первоначальными являются доказательства, которые представляют собой первоисточник сведений об определенных фактах; например, показание свидетеля-очевидца, сознание обвиняемого, подлинное письменное или вещественное доказательство. Производными являются доказательства, которые воспроизводят сведения, полученные из какого-либо источника, либо воспроизводят какой-либо источник доказательств; таковы показания свидетеля, который сообщает сведения о том или ином факте со слов очевидца, наблюдавшего данный факт, копия или дубликат письменного доказательства, фотоснимок вещественного доказательства.

Различие между первоначальным и производным доказательством имеет существенное практическое значение.

Например, свидетель сообщает следователю или суду сведения о каком-либо факте со слов другого лица, которое утверждает, что оно было очевидцем этого факта. Если

это производное показание свидетеля после рассмотрения его и оценки будет признано правильным, то тем самым будет только установлено, что свидетель действительно получил от другого лица те сведения, которые он сообщил при допросе. Но основной вопрос, действительно ли наблюдало указанный факт то лицо, со слов которого свидетель дал свое производное показание, и имел ли этот факт место в действительности, остается еще нерешенным, и для получения ответа на этот вопрос оказывается необходимым допросить указанное лицо в качестве свидетеля, иными словами, необходимо получить первоначальное доказательство.

Из сказанного следует, что органы расследования, прокурор и суд должны стремиться к получению, по возможности, первоначальных доказательств, на основе которых они и должны приходиться к определенным выводам по существу дела.

Это, однако, ни в какой мере не значит, что производные доказательства не находят себе применения в советском уголовном процессе. Напротив, при известных условиях производные доказательства имеют весьма существенное значение и потому не только могут, но и должны быть использованы при расследовании и рассмотрении уголовных дел.

Прежде всего производные доказательства нередко дают возможность отыскать и надлежаще использовать доказательства первоначальные. Например, если свидетель, будучи допрошен, сообщает в своем показании сведения, которые он, по его словам, получил от другого лица, то такое свидетельское показание даст возможность вызвать и допросить в качестве свидетеля то лицо, которое было очевидцем данного факта. Особенно важное значение это имеет в стадии предварительного расследования, где зачастую еще неизвестно, какое именно показание даст тот или иной свидетель и каковы те сведения, которые этот свидетель может сообщить при допросе. Далее, в практике иногда встречаются случаи, когда получение первоначального доказательства является по тем или иным причинам невозможным,— при таком положении вещей на первый план выступают доказательства производные. Например, потерпевший умер, оставшись не допрошенным следователем, но перед смертью он сообщил окружающим обстоятельства, при которых ему была на-

несена рана, и указал лицо, совершившее преступление. В этом случае производные свидетельские показания лиц, слышавших сообщение потерпевшего, будут иметь существенное и, возможно, даже решающее значение по делу. Наконец, производные доказательства иногда могут быть использованы и при наличии первоначальных доказательств, в частности для проверки этих последних. Если, например, свидетель при первом допросе сообщил точные сведения о факте, который он наблюдал, а затем в последующих своих показаниях почему-либо иначе освещает существенные подробности данного факта, то неправильность этого позднейшего показания может быть иногда установлена путем использования производных доказательств, именно путем допроса тех лиц, которым данный свидетель в свое время правильно излагал то, что ему известно по делу.

§ 5. Обвинительные и оправдательные доказательства

Обвинительными являются те доказательства, которые изобличают обвиняемого, устанавливают наличие преступления и совершение его данным лицом, а также устанавливают обстоятельства, отягчающие вину и усиливающие ответственность обвиняемого. В противоположность этому к оправдательным доказательствам относятся те, которые говорят в пользу обвиняемого, а именно: устанавливают отсутствие преступления, непричастность обвиняемого к совершению преступления, а также устанавливают обстоятельства, смягчающие вину и уменьшающие ответственность обвиняемого. Одна группа этих оправдательных доказательств носит особое название а л и б и . Это те доказательства, которые устанавливают, что во время совершения преступления обвиняемый находился в другом месте и потому не мог участвовать в совершении преступления.

Следует иметь в виду, что не всегда одни доказательства в данном деле говорят только против обвиняемого, а другие — только в его защиту. Встречаются в практике случаи, когда один и тот же источник доказательства содержит в себе сведения, которые в одной части имеют обвинительный характер, а в другой — характер оправдательный. Примером может служить показание свидетеля, который удостоверяет, что обвиняемый нанес потерпев-

шему побои, но в то же время этот свидетель характеризует с положительной стороны все предшествующее поведение обвиняемого и его работу в течение ряда лет. Это свидетельское показание будет в одной части доказательством обвинительным, так как оно изобличает обвиняемого в совершении преступления, а в другой своей части это показание будет фигурировать в деле в качестве доказательства оправдательного, которое может оказать влияние на размеры наказания, назначенного обвиняемому приговором суда.

Деление доказательств на обвинительные и оправдательные имеет существенное значение при установлении пределов исследования дела и при определении круга требуемых доказательств. Правильное разрешение дела, как было уже указано выше, возможно лишь при том условии, что будут выяснены все обстоятельства данного дела; отсюда следует, что в каждом деле должны быть собраны и рассмотрены все те доказательства, которые обосновывают обвинение и устанавливаютотягчающие обстоятельства, а также и все те доказательства, которые это обвинение опровергают и устанавливают обстоятельства смягчающие. Этим определяются и обязанности органов расследования и суда, которые должны собирать как обвинительные, так и оправдательные доказательства по своей инициативе, а также по ходатайствам обвиняемого и потерпевшего в стадии предварительного расследования и по ходатайствам сторон при рассмотрении дела судом (ст. ст. 111, 112, 253, 254, 272, 302 УПК).

Возможно, что то или иное доказательство было истребовано как обвинительное или как оправдательное, а затем при его рассмотрении оказывается имеющим полностью или частично противоположный характер. Например, в судебное заседание вызван свидетель по ходатайству подсудимого для установления его алиби, однако будучи допрошенным, свидетель этот не только не подтвердил показаний подсудимого по данному вопросу, но, напротив, удостоверил, что во время совершения преступления обвиняемый находился там же, где и остальные подсудимые, обвиняемые в совершении этого преступления.

В некоторых случаях возникает необходимость собрать такие доказательства, о которых еще неизвестно, будут ли они обвинительными или оправдательными, и которые

могут оказаться либо теми, либо другими. Это имеет место обычно в стадии предварительного расследования, но возможно также, хотя и реже, в стадии судебного разбирательства. Например, следователь назначает экспертизу для того, чтобы установить, написан ли данный подложный документ обвиняемым или кем-либо иным; судом истребована из соответствующего учреждения справка, содержание которой может как уличать обвиняемого, так и оправдывать его, и т. п.

Из всего сказанного следует, что для полного и всестороннего исследования дела и для правильного его разрешения должны быть каждый раз собраны и рассмотрены все те доказательства, которые могут оказаться обвинительными и оправдательными; вопрос же о том, каково в действительности значение этих доказательств, разрешается в дальнейшем, когда эти доказательства будут рассмотрены и подвергнуты оценке следователя и суда. На этом последующем этапе доказывания, при рассмотрении и оценке доказательств, деление их на обвинительные и оправдательные имеет уже иное значение. Оно заключается в том, что здесь необходимо решить в отношении каждого отдельного доказательства, является ли оно полностью либо в той или иной части обвинительным или оправдательным. В частности, суд при рассмотрении дела по существу сопоставляет все фигурирующие в данном деле обвинительные и оправдательные доказательства, оценивает те и другие в их совокупности и взаимной связи, приходит на этой основе к тому или иному выводу по вопросу о виновности подсудимого и формулирует этот вывод в своем обвинительном или оправдательном приговоре.

О таком рассмотрении и оценке всех имеющихся в деле обвинительных и оправдательных доказательств говорит Пленум Верховного суда СССР в своем руководящем постановлении от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре». Требуя обязательной мотивировки каждого приговора, Пленум Верховного суда СССР указывает, что «при этом должны быть конкретно указаны доказательства, положенные судом в основу обвинения или оправдания подсудимого, с приведением мотивов, почему суд принял эти доказательства. Отвергая те или иные имеющиеся в деле доказательства в пользу обвинения подсудимого или его оправдания, суд должен в приговоре указать, почему

именно эти доказательства им отвергнуты. Так, при вынесении обвинительного приговора, в последнем должно быть указано, почему судом отвергнуты объяснения подсудимого в его защиту, а также другие оправдывающие его доказательства. При вынесении оправдательного приговора должны быть изложены обстоятельства, опровергающие выводы обвинительного заключения и указанные в нем доказательства, на которых оно основано»¹.

§ 6. Прямые и косвенные доказательства

При всем разнообразии уголовных дел по их содержанию и конкретным обстоятельствам в каждом из них всегда должен быть прежде всего решен вопрос о том, было ли совершено преступление и кем оно совершено. Поэтому событие преступления и совершение его обвиняемым являются основными искомыми фактами каждого дела, и на разрешение вопроса о наличии или отсутствии этих фактов направлено в первую очередь доказывание.

В процессе этого доказывания органы расследования и суд зачастую располагают такими доказательствами, которые могут прямо и непосредственно дать ответ на вопрос о том, было ли совершено преступление и совершил ли его обвиняемый, почему эти доказательства называются **прямыми**. Таковы, например, показания свидетеля — очевидца преступления, сознание обвиняемого, показания свидетелей, устанавливающих алиби обвиняемого и тем самым доказывающих его невиновность.

Но наряду с этим во многих уголовных делах фигурируют такие доказательства, которые сами по себе не дают прямого ответа на вопрос о наличии или отсутствии преступления и о виновности или невиновности обвиняемого, а вместо того устанавливают различные промежуточные факты, имеющие значение для дела; таковы, например, показания свидетеля, удостоверяющего, что он видел обвиняемого на месте совершения преступления; вещественное доказательство — окровавленная одежда обвиняемого; заключение эксперта, устанавливающего, что пятна крови на одежде обвиняемого принадлежат к той же группе, что и кровь убитого; показания свидетеля,

¹ «Сборник действующих постановлений Пленума Верховного суда СССР», Госюриздат, 1952, стр. 85—86.

слышавшего угрозы обвиняемого по адресу потерпевшего, и др. Такие факты, как угрозы обвиняемого по адресу потерпевшего, нахождение обвиняемого на месте совершения преступления, пятна крови убитого на одежде обвиняемого, в совокупности с другими, им подобными, могут привести к вполне обоснованному выводу о виновности обвиняемого в совершении убийства. Тем самым такие фигурирующие в данном деле доказательства (источники доказательств или средства доказывания), каковы показания свидетелей, вещественные доказательства, заключение эксперта, приводят к установлению искомых основных фактов косвенным путем и потому называются **к о с в е н н ы м и** доказательствами.

Таким образом, деление доказательств на прямые и косвенные определяется характером тех сведений, какие доставлены данным источником доказательств (средством доказывания), и отношением этих сведений к основным искомым фактам данного дела. Поэтому одни и те же источники доказательств (средства доказывания) могут быть либо прямыми, либо косвенными в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Например, если по делу об убийстве свидетель показывает, что слышал угрозы обвиняемого лишить жизни потерпевшего, то показание это будет косвенным доказательством; но такое же показание будет прямым доказательством, если обвиняемому предъявлено обвинение в том, что он угрожал убийством должностному лицу в связи со служебной деятельностью последнего (ч. 1 ст. 73¹ УК). По делу о хищении государственного или общественного имущества заключение эксперта о том, что данная накладная написана рукой обвиняемого, будет косвенным доказательством, а по делу о подделке официального документа, например аттестата средней школы (ст. 72 УК), заключение эксперта о том, что документ написан рукой обвиняемого, явится доказательством прямым.

Вещественные доказательства в подавляющем большинстве случаев являются доказательствами косвенными; таковы похищенные вещи, обнаруженные у обвиняемого; окровавленная одежда обвиняемого; найденная на месте совершения преступления вещь, принадлежащая обвиняемому, и др. Но иногда и вещественное доказательство может оказаться доказательством прямым. Например, если по делу об убийстве, совершенном кинжалом,

у обвиняемого обнаружен кинжал, то он будет фигурировать в деле в качестве косвенного доказательства; по делу же по обвинению в хранении оружия без надлежащего разрешения (ст. 182 УК) такой же кинжал, являющийся вещественным доказательством, явится прямым доказательством, так как наличие этого вещественного доказательства прямо и непосредственно устанавливает виновность обвиняемого в незаконном хранении оружия

Деление доказательств на прямые и косвенные имеет огромное практическое значение в советском уголовном процессе. По делам о таких преступлениях, как контрреволюционная агитация и пропаганда, нанесение телесных повреждений, хулиганство, оскорбление, клевета и др., зачастую основными доказательствами являются доказательства прямые — в виде показаний потерпевших и свидетелей — очевидцев преступления. Но и в делах этой категории косвенные доказательства иногда занимают видное место, подкрепляя имеющиеся в том же деле прямые доказательства. Например, по делу о нанесении телесных повреждений нож, обнаруженный у обвиняемого, будет косвенным вещественным доказательством, наглядно и убедительно подтверждающим показание, которое было дано потерпевшим и которое является в данном деле прямым доказательством.

Но этим значение косвенных доказательств далеко не исчерпывается. В делах о таких преступлениях, как хищение государственного и общественного имущества, убийства, поджоги и т. п., прямые доказательства встречаются относительно редко, и потому раскрытие преступлений, выявление и наказание преступников и осуществление таким путем социалистического правосудия возможно в этих случаях только посредством оперирования косвенными доказательствами.

Как было указано выше, особенность косвенных доказательств заключается в том, что они не дают прямого ответа на вопрос о наличии преступления и о совершении этого преступления обвиняемым, а вместо того устанавливают различные промежуточные факты, на основе которых затем уже получают свое разрешение эти основные вопросы каждого уголовного дела. Поэтому разрешение дела на основе косвенных доказательств является, по общему правилу, более сложным по сравнению с теми случаями, когда в распоряжении органов следствия и суда

имеются прямые доказательства. Но это вовсе не значит, что прямые доказательства убедительнее, лучше доказательств косвенных. Такая постановка вопроса неправильна в самой основе и не может иметь места в советском уголовном процессе, так как отыскание объективной истины и правильное разрешение дела советским судом одинаково возможно и осуществляется посредством как прямых, так и косвенных доказательств. Всестороннее и полное исследование дела, отыскание всех необходимых по этому делу доказательств, правильное их рассмотрение и установление таким путем соответствующих промежуточных фактов, тщательный анализ этих фактов, сопоставление их между собой и сведение в систему полностью обеспечивают в советском уголовном процессе раскрытие преступления, выявление преступника и вынесение судом обоснованного приговора.

Различие между прямыми и косвенными доказательствами заключается не в большей и меньшей их силе и убедительности, а в методах оперирования ими, в том, как происходит процесс доказывания при наличии тех и других.

В тех случаях, когда в распоряжении суда имеются прямые доказательства, например показания нескольких свидетелей, удостоверяющих, что на их глазах обвиняемый ударил ножом потерпевшего, суд должен рассмотреть и оценить эти свидетельские показания, чтобы решить, правильно ли они отражают то, что имело место в действительности. И если суд после оценки каждого из этих показаний в отдельности и всех их в совокупности признает, что свидетели говорят то, что они в действительности наблюдали, то тем самым суд признает, что преступление имело место и совершено обвиняемым, иными словами, дело будет разрешено по существу.

При наличии в деле косвенных доказательств процесс доказывания также начинается рассмотрением и оценкой соответствующих источников доказательств, но в дальнейшем протекает несколько иначе. Например, в деле имеется показание свидетеля, который удостоверяет, что видел обвиняемого возле того дома, где в то время была совершена кража. И здесь суду надлежит в первую очередь рассмотреть данное свидетельское показание и оценить содержащиеся в нем сведения. И если эта оценка окажется положительной и сведения, сообщенные свидетелем, будут

признаны правильными, то этим еще не решится вопрос о наличии преступления и о виновности обвиняемого, а будет только установлен тот факт, что обвиняемый действительно находился на месте совершения преступления.

Данный факт, взятый в отдельности, не может, конечно, сам по себе доказать виновность обвиняемого в совершении кражи, но он может установить эту виновность в совокупности и в связи с рядом других фактов, каковы, например, наличие у обвиняемого вещей, похищенных у потерпевшего; обнаружение в квартире, где была совершена кража, какой-либо вещи, принадлежавшей обвиняемому и оброненной им, и др. Все эти факты в своей совокупности могут служить доказательством того, что обвиняемый совершил преступление, уличают обвиняемого, почему и называются *косвенными уликами*.

Таким образом, когда в деле имеются косвенные доказательства, необходимо установить наличие соответствующих фактов, могущих служить уликами по делу, а затем уже на основе этих улик дать ответ на вопрос о том, было ли совершено преступление и как оно совершено.

Этим и определяются методы оперирования уликами.

а) В первую очередь должны быть установлены все те факты, которые могут служить уликами по делу. Для этого должны быть собраны, рассмотрены и подвергнуты оценке все те источники доказательств — показания свидетелей, заключение эксперта, вещественные доказательства и др., из которых могут быть получены сведения о таких фактах. При этом возможны случаи, когда один и тот же источник доказательств дает возможность установить не один, а два и даже более фактов, могущих явиться уликами по делу. Например, если допрошенный по делу свидетель удостоверяет, что видел обвиняемого в день совершения кражи возле того дома, где эта кража была совершена, а затем спустя несколько дней видел у обвиняемого часы, принадлежащие потерпевшему и у него похищенные, то суд, признав данное показание правильным, соответствующим действительности, тем самым установит в деле наличие двух улик — нахождение обвиняемого на месте совершения преступления и наличие у обвиняемого вещи, похищенной у потерпевшего. Однако такие случаи редко встречаются в практике; гораздо чаще имеет место противоположное, когда одна улика устанавливается посредством двух и более источников доказательств. Таковы

те случаи, когда, например, в деле имеются показания нескольких свидетелей, удостоверяющих, что они слышали угрозы обвиняемого по адресу потерпевшего, или когда в деле имеется показание свидетеля, удостоверяющего, что он видел обвиняемого на месте совершения преступления, а также имеется вещественное доказательство — какой-либо предмет, принадлежащий обвиняемому и обнаруженный там, где было совершено преступление. Наличие нескольких источников доказательств, говорящих об одной и той же косвенной улике, дает возможность легче прийти к обоснованному выводу о наличии того факта, который может служить уликой по делу.

б) Уликами являются только такие установленные по делу факты, которые дают основание полагать, что они находятся в причинной связи с преступлением и потому могут служить доказательством совершения этого преступления. Так, например, враждебные отношения обвиняемого к потерпевшему могут явиться уликой по делу, потому что они дают основание полагать, что явились мотивом совершения преступления, послужили причиной совершения этого преступления; широкий не по средствам образ жизни обвиняемого в растрате будет рассматриваться как улика потому, что такой образ жизни мог явиться следствием израсходования обвиняемым вверенных ему материальных ценностей; наличие пятен крови на одежде обвиняемого окажется уликой потому, что появление этих пятен могло явиться следствием совершения убийства обвиняемым, и т. д. Поэтому каждый раз, когда по делу установлен факт, могущий служить уликой, должны быть выяснены и учтены все те обстоятельства, которые подкрепляют или ослабляют либо вовсе опровергают предположение о том, что данный факт связан с преступлением. Например, там, где косвенной уликой является угроза обвиняемого по адресу потерпевшего и где будет установлено, что эта угроза была произнесена обвиняемым несколько раз в совершенно спокойном состоянии, это последнее обстоятельство может служить указанием на то, что угроза обвиняемого выражала серьезное его намерение отомстить потерпевшему, и в этом случае значение данной улики значительно возрастет; если, например, будет установлено, что угроза была произнесена один лишь раз и притом в пылу ссоры, то при таких условиях эта угроза превратится в очень слабую улику или даже

вовсе утерять свое значение как улика и не будет поэтому рассматриваться как одно из доказательств виновности обвиняемого. Таким образом, доказывание посредством косвенных улик не ограничивается установлением тех фактов, которые могут служить уликами по делу, но включает в себя также установление всех тех обстоятельств, которые усиливают предположение о связи данной улики с преступлением либо, напротив, ослабляют или даже вовсе исключают данный факт из числа улик по делу.

К обстоятельствам, могущим усилить значение фигурирующих в деле косвенных улик, иногда относится поведение обвиняемого.

Речь идет не о поведении обвиняемого, выражающемся в смущении, растерянности во время допроса, сбивчивых ответах и т. п. Все такие психологические признаки очень расплывчаты, и здесь легко возможны ошибки при определении того состояния, в каком находится обвиняемый. Независимо от этого смущение, сбивчивые ответы, растерянность и другие им подобные явления не являются доказательством виновности или внешним выражением этой виновности,— они могут иметь место и при допросе лица, которое совершенно непричастно к преступлению и которое именно вследствие того, что оно невиновно, особенно тяжело переживает предъявленное ему обвинение.

Обстоятельством, подкрепляющим имеющиеся в деле улики, может явиться такое поведение обвиняемого, как попытка скрыться от следствия и суда, дача ложных показаний с целью направить следствие и суд по неправильному пути, представление подложных документов в свою защиту, попытки воздействовать на свидетелей с целью заставить их дать ложные показания в пользу обвиняемого и т. п.

в) Так как уликой по делу может быть только такой факт, который дает основание полагать, что он находится в причинной связи с преступлением. то все улики, установленные по каждому данному делу, должны быть связаны с одним и тем же преступлением и, следовательно, должны быть также связаны между собой. Эта связь между уликами имеется там, где все улики, установленные в данном деле, соответствуют друг другу, где каждая улика усиливает предположение о том, что все другие улики в этом деле связаны с преступлением. Например, если по делу об убийстве установлено, что обвиняемого видели в том ме-

сте, где спустя короткое время был найден убитый, что на одежде обвиняемого имеются пятна крови той же группы, как и кровь убитого, что у обвиняемого обнаружены вещи, принадлежавшие убитому,— то все эти улики находятся в соответствии между собой; именно: каждая из них в отдельности усиливает значение всех остальных и в свою очередь усиливается ими, притом каждая из этих улик и все они вместе указывают на обвиняемого как на убийцу. Поэтому при доказывании косвенными уликами недостаточно установить определенные факты, могущие служить уликами по делу, но необходимо также установить, что факты эти связаны между собой и образуют с и с т е м у улик или, как иногда говорят, цепь улик в данном деле.

г) Последний вопрос, который должен быть разрешен при доказывании косвенными уликами, заключается в том, какие выводы могут быть сделаны по существу дела на основе этих улик. Вывод о виновности обвиняемого будет обоснованным тогда, когда каждая из этих улик в отдельности и все они в своей совокупности объясняются тем, что преступление было совершено и что совершил его обвиняемый, и когда всякое иное объяснение этих улик является по обстоятельствам данного дела невозможным. В соответствии с этим суд выносит обвинительный приговор на основе косвенных улик тогда, когда улики эти тесно связаны между собой, друг друга усиливают и подкрепляют, образуют определенную систему, приводят к единственно возможному выводу по делу, именно к выводу о том, что преступление совершено обвиняемым и исключает возможность какого-либо иного решения данного дела.

Яркий пример оперирования косвенными уликами, глубокого анализа каждой улики в отдельности и всех их в совокупности и взаимной связи, как образующих определенную систему и исчерпывающе обосновывающих таким путем вывод о виновности подсудимых, представляет собой речь государственного обвинителя по делу Семенчука и Старцева, преданных суду и затем приговором Верховного суда РСФСР признанных виновными в убийстве доктора Вульфсона на острове Врангеля ¹.

¹ См. А. Я. Вышинский, Судебные речи, Госюриздат, 1953, стр. 235—304.

§ 7. Доказывание в стадии предварительного расследования и в судебном разбирательстве

Стадия предварительного расследования в советском уголовном процессе имеет своей задачей собрать такие доказательства, которые обеспечивают суду возможность вынести по делу правильный, обоснованный приговор. В соответствии с этим происходит и доказывание в стадии предварительного расследования, где следователь собирает, закрепляет, рассматривает и оценивает доказательства и затем решает вопрос о достаточности или недостаточности этих доказательств для предания обвиняемого суду. При этом следователь передает прокурору дело для дальнейшего его направления в суд тогда, когда приходит к убеждению, что преступление имело место и совершено обвиняемым и что собранные по делу доказательства достаточны для того, чтобы к этому же выводу пришел и суд при рассмотрении дела по существу. В свою очередь суд в стадии судебного разбирательства рассматривает доказательства, собранные следователем, а также дополнительно представленные сторонами и истребованные судом, оценивает эти доказательства и на этой основе выносит свой приговор.

Таким образом, доказывание в стадии предварительного расследования и в стадии судебного разбирательства тесно связано между собой. При этом, однако, доказательственный материал, который подлежит рассмотрению в этих стадиях процесса, не всегда является одинаковым по своему объему.

В стадии предварительного расследования на первых порах не всегда еще установлено самое событие преступления; часто неизвестны еще все те обстоятельства, которые определяют юридическую квалификацию преступления; равным образом только в дальнейшем ходе расследования выясняется обычно личность обвиняемого. Поэтому следователь, приступая к расследованию, обычно составляет различные версии и затем в процессе расследования собирает доказательства, которые подтверждают одну из этих версий и опровергают все остальные. Совершенно очевидно, что все те доказательства, которые установили неправильность ряда первоначальных версий и притом не связаны с оставшейся версией, признанной правильной,

уже сыграли свою роль в деле и, следовательно, не будут рассматриваться в дальнейшем при разрешении дела судом в стадии судебного разбирательства. Далее, собирая доказательства для выяснения того или иного обстоятельства, имеющего значение по делу, следователь не может знать заранее, что именно сообщит в своем показании свидетель, вызванный для установления данного обстоятельства. Вследствие этого в практике имеют место случаи, когда в стадии предварительного расследования допрашиваются в качестве свидетелей лица, которые не могут сообщить никаких сведений по делу, почему вызов этих лиц для допроса в судебное заседание является совершенно излишним. Наряду с этим, возможны и такие случаи, когда при производстве предварительного расследования допрашиваются по одному и тому же вопросу несколько свидетелей, причем часть из них дает ясные, четкие и точные показания относительно данного факта, тогда как остальные сообщают об этом факте только отрывочные, неполные и неконкретные сведения. При таком положении вещей нет надобности вызывать в судебное заседание эту вторую группу свидетелей, поскольку допрос их в стадии судебного разбирательства ничего не может дать для выяснения дела.

По всем этим причинам предметом рассмотрения в стадии судебного разбирательства зачастую являются не все те источники доказательств, которые фигурировали на предварительном расследовании, а лишь часть из них, именно те, которые необходимы для всестороннего и полного исследования дела судом и для правильного его разрешения по существу. Из этого и должен исходить следователь, составляя прилагаемый к обвинительному заключению список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание (ст. 207 УПК). Именно следователь должен в этом списке указать наряду с обвиняемыми лишь тех свидетелей, чьи показания (и лишь тех экспертов, чьи заключения) содержат в себе сведения, необходимые для выяснения всех обстоятельств данного дела, почему эти свидетели и эксперты подлежат допросу в стадии судебного разбирательства.

Согласно ст. 224 УПК прокурор, проверяя дело, поступившее к нему с обвинительным заключением, вправе изменить намеченный следователем список лиц, вызываемых в судебное заседание. Внося такие изменения в ука-

занный список, прокурор должен исходить из того, показания каких свидетелей и заключения каких экспертов содержат в себе сведения, необходимые для выяснения всех обстоятельств дела. В соответствии с этим прокурор должен исключить из первоначального списка тех свидетелей и экспертов, допрос которых судом является ненужным и лишь повлечет за собой непроизводительную затрату времени и сил суда и такое же непроизводительное отвлечение этих свидетелей и экспертов от их обычных занятий. Одновременно прокурор должен в случае надобности дополнить первоначальный список теми свидетелями и экспертами, допрос которых судом необходим для выяснения соответствующих обстоятельств дела.

Список лиц, вызываемых в судебное заседание, может быть изменен также в стадии предания суду (ст. 236 УПК). И здесь подготовительное заседание, разрешая данный вопрос, должно исходить из приведенных выше соображений и должно обеспечить вызов в суд всех тех и только тех лиц, показания и заключения которых дадут суду возможность в совокупности со всеми другими имеющимися в деле доказательствами вынести по этому делу правильный приговор.

Список лиц, вызываемых в судебное заседание, утвержденный с изменениями или без изменений прокурором, а затем подготовительным заседанием суда, устанавливает, как правило, круг тех доказательств, которые вместе с имеющимися в деле вещественными и письменными доказательствами подлежат рассмотрению в стадии судебного разбирательства. Но суд, разрешающий дело по существу, ни в какой мере этим не связан и может потребовать дополнительные доказательства каждый раз, когда признает это необходимым. В таком случае доказательственный материал, являющийся предметом рассмотрения в стадии судебного разбирательства, может иногда оказаться более широким по сравнению с тем, который был собран во время производства предварительного расследования по делу.

Дополнительные доказательства могут быть истребованы судом по его инициативе, а также по ходатайствам сторон как в подготовительной части судебного разбирательства, так и позже, во время судебного следствия. Советский уголовный процесс не ограничивает сроков истребования дополнительных доказательств и потому данный

вопрос разрешается судом исключительно в зависимости от того, необходимы ли эти дополнительные доказательства для всестороннего и полного исследования дела, могут ли они способствовать отысканию объективной истины в этом деле. Этими соображениями должен руководствоваться и прокурор, возбуждая в стадии судебного разбирательства ходатайства об истребовании дополнительных доказательств и давая заключение по аналогичным ходатайствам, возбужденным подсудимым или его защитником, а также и другими участвующими в деле сторонами.

Важнейшей и центральной стадией советского уголовного процесса является стадия судебного разбирательства, в которой суд рассматривает дело с участием сторон на началах состязательности, гласности, устности и непосредственности. В соответствии с этим и доказывание, которое происходит на различных этапах движения уголовного дела, получает наиболее полное и развернутое свое выражение в стадии судебного разбирательства, где суд на основе этого доказывания приходит к определенным выводам по вопросу о виновности или невиновности подсудимого, а также и по всем другим вопросам, возникающим в деле, и таким путем разрешает это дело по существу.

Процесс доказывания, как было указано выше, заключается в собирании, закреплении, рассмотрении и оценке доказательств. Оценка доказательств, являющаяся заключительным и решающим этапом всего процесса доказывания, в свою очередь складывается из нескольких моментов.

Для того чтобы произвести оценку доказательств, необходимо прежде всего определить ценность сведений, полученных из каждого имеющегося в деле источника доказательств, иными словами — решить, являются ли эти сведения правильными, соответствуют ли они тому, что имело место в действительности. Дав отрицательный ответ на этот вопрос, суд тем самым признает, что факт, о котором говорят эти сведения, не установлен данным источником доказательств; если же, напротив, сведения, доставленные тем или иным источником доказательств, получают положительную оценку, то на основе этого суд признает установленным и тот факт, о котором в данном случае идет речь. Например, если свидетель показал, что видел обвиняемого идущим с того места,

где спустя некоторое время вспыхнул пожар, то суд должен прежде всего оценить это показание и сведения, в нем содержащиеся. Признав, что свидетель дал ложное показание или же что свидетель ошибся, признав в виденном им человеке обвиняемого, суд при отсутствии в деле других доказательств по данному вопросу признает неустановленным факт нахождения обвиняемого на месте совершения преступления. Если же суд даст положительную оценку показанию свидетеля и признает, что сведения, сообщаемые свидетелем, соответствуют действительности, то тем самым будет установлено, что обвиняемый находился на месте совершения преступления в то время, когда это преступление было совершено.

В этом последнем случае происходит дальнейшая оценка доказательств, которая заключается в решении вопроса о том, может ли этот факт иметь значение в качестве одного из оснований для того или иного вывода по существу дела. Так, во взятом примере суд, признав, что обвиняемый действительно находился там, где в то время был совершен поджог, должен определить значение этого факта для решения вопроса о виновности или невиновности обвиняемого. Если суд найдет, что нахождение обвиняемого на месте совершения поджога является случайным совпадением, то тем самым данный факт получит отрицательную оценку, то есть будет признан не имеющим никакого доказательственного значения. Если же суд придет к выводу, что пребывание обвиняемого на месте совершения преступления связано с этим преступлением, то данный факт будет расценен как одна из косвенных улик, как одно из доказательств, которое в совокупности с другим может быть положено в основу обвинительного приговора.

Производя оценку доказательств, суд только в очень редких случаях может ограничиться рассмотрением одного данного источника доказательств или одного установленного по делу факта, взятых в отдельности; по общему же правилу, оценка каждого источника доказательств, как и оценка каждого факта, установленного по делу, требуют рассмотрения их в связи и в совокупности с другими источниками доказательств и с другими фактами, фигурирующими в этом же деле. Например, для того чтобы решить, являются ли правильными показания свидетеля, удостоверяющего, что он видел обвиняемого идущим с места пожара, суд должен рассмотреть это показа-

ние в связи и в сопоставлении с показаниями других свидетелей, с показаниями обвиняемого и т. д. Равным образом, для того чтобы сказать, каково значение того факта, что обвиняемый находится в том месте, где был совершен поджог, суд должен сопоставить этот факт с другими, установленными по делу, например, с тем, что между обвиняемым и потерпевшим имелись враждебные отношения, и т. д.

Рассмотрев все имеющиеся в деле источники доказательств и все установленные в этом деле факты и определив ценность и значение тех и других, взятых в совокупности и взаимной связи, суд на этой основе приходит к определенным выводам по существу дела. Построение этих выводов и является заключительным моментом оценки доказательств.

Выводы, получаемые судом в результате доказывания, могут быть различными по своему содержанию и характеру. Так, в одном случае суд, рассмотрев и оценив все доказательства, собранные путем всестороннего и полного исследования дела, может прийти к выводу, что преступление имело место и совершено обвиняемым, причем правильность этого вывода не вызывает никаких сомнений и вся совокупность доказательств, имеющихся в деле, исключает возможность какого-либо иного решения этого дела. В другом случае суд в результате всестороннего и полного исследования дела и оценки всех собранных по этому делу доказательств может признать, что преступление не было совершено или было совершено, но без всякого в том участия обвиняемого, причем этот вывод также является единственно возможным по делу и не вызывает никаких сомнений в своей правильности. Оба эти вывода прямо противоположны по своему содержанию, так как один из них говорит о виновности, а другой — о невинности обвиняемого, но оба они являются выводами достоверными.

Наряду с этим возможны такие случаи, когда после всестороннего и полного исследования дела и после оценки всех собранных по этому делу доказательств суд имеет известные основания полагать, что преступление имело место и совершено обвиняемым, но вместе с тем правильность этого вывода вызывает обоснованное сомнение и не исключена возможность иного решения данного дела, не исключено, что обвиняемый невиновен в

приписываемом ему преступлении. Здесь вывод суда о виновности обвиняемого представляет собой только предположение, является уж не достоверным, а только вероятным.

Одним из основных положений советского уголовного процесса является презумпция невиновности (предположение невиновности), в силу которой обвиняемый считается, предполагается невиновным, пока виновность его не будет доказана в порядке, установленном законом.

Сущность презумпции невиновности заключается в требовании обоснованности обвинения. Советский закон требует, чтобы вывод о виновности обвиняемого не был только предположением, а вытекал из всех доказательств, собранных по делу, и был на этих доказательствах основан.

В силу презумпции невиновности обоснованность обвинения требуется в стадии предварительного расследования как для привлечения данного лица к уголовной ответственности, так и для последующего направления дела в суд. Именно следователь составляет постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого лишь «при наличии достаточных данных, дающих основание для предъявления обвинения» (ст. 128 УПК); в дальнейшем следователь заканчивает расследование и составляет обвинительное заключение тогда, когда признает «добытые данные достаточными для предания суду» (ст. 206 УПК). Равным образом прокурор, получив дело от следователя, утверждает обвинительное заключение и направляет дело в суд, если признает, что содержащийся в обвинительном заключении вывод следователя о виновности обвиняемого в достаточной мере обоснован собранными по делу доказательствами. При недостаточности этих доказательств прокурор прекращает дело либо возвращает его для до следования (см. 221 УПК).

Обоснованность обвинения подлежит проверке и в стадии предания суду. В соответствии с этим подготовительное заседание, куда дело с обвинительным заключением поступает от прокурора, обязано в числе других вопросов рассмотреть в отношении каждого обвиняемого также вопрос «о достаточности и обоснованности предъявленного обвинения» (постановление Пленума Верховного суда СССР «О работе подготовительных заседаний» от 29 марта

1936 г.— «Сборник действующих постановлений Пленума Верховного суда СССР», 1952, стр. 101).

В стадии судебного разбирательства презумпция невиновности означает, что обвинительный приговор может быть вынесен тогда, когда вывод суда о наличии преступления и о совершении этого преступления обвиняемым является достоверным, не вызывает обоснованного сомнения в своей правильности и исключает возможность иного решения данного дела. Если же вывод суда о виновности подсудимого является только предположительным, только вероятным, то дело должно быть направлено на дополнительное расследование, а при невозможности или при явной безрезультатности такого расследования должен быть вынесен оправдательный приговор.

Это требование строгой обоснованности виновности подсудимого как условия вынесения обвинительного приговора вытекает из принципов социалистического демократизма, положенных в основу советского уголовного процесса, и прямо выражено в ст. 326 УПК, согласно которой суд выносит оправдательный приговор «при недостаточности улик для обвинения подсудимого». Отсюда следует, что не может быть вынесен обвинительный приговор в тех случаях, когда в деле хотя и имеются некоторые доказательства, уличающие подсудимого, но они в своей совокупности являются недостаточными для получения достоверного вывода о его виновности. «Нельзя признать нормальными такие судебные приговоры, в которых недостаточно обоснована вина подсудимых, которые не отличаются должной убедительностью и строгой обоснованностью. Такой убедительностью могут обладать лишь приговоры и решения судов, не возбуждающие сомнения в том, что дело разрешено правильно и справедливо, что вина подсудимого доказана, что иск истца обоснован. Наличие сомнений в этом отношении должно исключать постановку судом приговора или решения, должно влечь за собой либо оправдание подсудимого или отклонение иска, либо направление дела на доследование...»¹.

Оценка доказательств в советском уголовном процессе производится судьями по их внутреннему убеждению, связанному с их социалистическим правосознанием. Это вну-

¹ А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, Госюриздат, 1950 (стр. 250, примечание).

треннее убеждение советского судьи не является чем-то произвольным, безотчетным, но должно быть основано на «рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности» (ст. 319 УПК), т. е. должно явиться результатом рассмотрения всех имеющихся в деле доказательств в их совокупности и взаимной связи. Руководствуясь своим внутренним убеждением, советский судья оценивает сведения, полученные из имеющихся в деле источников доказательств; определяет значение фактов, установленных посредством этих источников доказательств; приходит таким путем к определенным выводам по существу дела; оценивает эти выводы как достоверные или только как вероятные и на этой основе выносит приговор в соответствии с требованиями социалистического правосудия.

Структура доказывания в стадии предварительного расследования и в стадии судебного разбирательства определяет роль прокурора в этом доказывании.

Предварительное расследование в советском уголовном процессе не является состязательным и сторон здесь нет; поэтому прокурор в этой стадии не является стороной, а осуществляет надзор и руководство деятельностью следователя. Доказывание в данной стадии процесса возложено прежде всего и главным образом на следователя; наряду с этим принимают известное участие в доказывании также обвиняемый и потерпевший, которые вправе ходатайствовать перед следователем об истребовании доказательств, причем удовлетворение этих ходатайств является для следователя обязательным, если обстоятельства, подлежащие установлению посредством указанных доказательств, могут иметь значение для дела (ст. ст. 111, 112 УПК). В соответствии с этим роль прокурора в доказывании в стадии предварительного расследования заключается в том, что прокурор, осуществляя надзор за деятельностью следователя, вправе по своей инициативе, а также по жалобам обвиняемого и потерпевшего предложить следователю собрать доказательства, необходимые для выяснения тех или иных обстоятельств дела. Кроме того, как было указано выше (§ 2), прокурор, получив от следователя дело с обвинительным заключением, проверяет полноту проведенного расследования и, признав это расследование неполным, возвращает дело на доследование, предлагая следователю со-

брать необходимые по делу дополнительные доказательства (ст. ст. 118, 221 УПК).

Стадия судебного разбирательства в советском уголовном процессе является состязательной и здесь доказывание производится судом при активном участии сторон. Суд рассматривает доказательства, оценивает их и на этой основе выносит приговор; стороны же участвуют в рассмотрении собранных по делу доказательств и излагают суду свои соображения относительно ценности этих доказательств и относительно тех выводов, какие должны быть сделаны судом на их основе.

Осуществляя в стадии судебного разбирательства, как и на протяжении всего процесса, надзор за законностью, прокурор в этой стадии является по своему процессуальному положению стороной, — государственным обвинителем, поддерживающим обвинение. Как было уже указано, презумпция невиновности требует, чтобы обвинение, предъявленное подсудимому, было обосновано, чтобы виновность его была установлена с достоверностью. Обязанность установить, доказать эту виновность лежит на прокуроре.

Подсудимый, давая показания и объяснения в опровержение обвинения либо для его смягчения, должен при этом сослаться на соответствующие доказательства, если находит необходимым их рассмотрение в суде. Например, если подсудимый, не признавая себя виновным, заявляет, что в момент совершения преступления он находился в другом месте, то он должен указать и те доказательства, которыми данное обстоятельство может быть подтверждено, и суд обязан эти доказательства истребовать и рассмотреть. Подсудимый вправе давать показания и объяснения и ссылаться на соответствующие доказательства в свою защиту, но суд не может требовать от подсудимого, чтобы он доказывал свою невиновность. В своем постановлении от 27 декабря 1946 г. по делу К. Пленум Верховного суда СССР разъяснил, что согласно основным принципам советского уголовного процесса «всякий обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в установленном законом порядке. По содержанию и духу советского закона не обвиняемый должен доказывать свою невиновность, а органы обвинения должны доказать правильность предъявленного обвинения». Таким образом, в определении от 20 октября

1951 г. по делу Т. и Е. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР указала, что «суд не вправе возлагать на обвиняемого обязанность доказать свою невиновность в предъявленном ему обвинении, равно как не вправе считать обвинение доказанным только потому, что обвиняемый не доказал своей невиновности».

Поддерживая обвинение, предъявленное подсудимому, прокурор как государственный обвинитель должен доказать, что преступление было совершено и что совершил его подсудимый, а также должен установить все те обстоятельства, которые определяют юридическую квалификацию преступления, степень и характер ответственности подсудимого. Выполняя эту высокоответственную и почетную обязанность, прокурор представляет суду в случае необходимости доказательств в дополнение к тем, какие были собраны во время предварительного расследования; допрашивает подсудимых и свидетелей; ставит экспертам вопросы в письменной форме; допрашивает экспертов после дачи ими заключения; участвует в осмотре вещественных доказательств, а также в осмотре места происшествия, если такой осмотр производится по делу судом.

Участвуя в прениях сторон, прокурор подводит итоги судебному следствию и в числе всех других вопросов освещает также вопрос о том, какие выводы должны быть сделаны судом на основе всех рассмотренных по делу доказательств.

Задача прокурора как государственного обвинителя заключается в том, чтобы в обвинительной речи, а в некоторых случаях и в реплике, подвергнуть анализу все доказательства, рассмотренные во время судебного следствия, показать их значение и доказать суду, что все эти доказательства в своей совокупности и взаимной связи приводят к единственному выводу, именно к выводу о виновности подсудимого, и исключают какое-либо иное решение данного дела, почему судом по этому делу должен быть вынесен обвинительный приговор.

ПОДГОТОВКА ОБВИНИТЕЛЯ К ВЫСТУПЛЕНИЮ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

§ 1. Подготовка к участию в судебном разбирательстве

Если поставить вопрос — должен ли прокурор предварительно специально готовиться к участию в судебном процессе, то в самой постановке такого вопроса заключалась бы ошибка.

Прокурор не только должен, но и не может не готовиться, не имеет права выступать в судебном процессе без предварительной, тщательной и именно специальной подготовки, значительно выходящей, как будет показано ниже, за пределы простого ознакомления с материалами дела.

Было бы недостаточным и формальным ограничиться ссылкой на то, что прокурор, выступающий обвинителем, должен готовиться к судебному процессу, поскольку его обязывают к этому директивы Генерального Прокурора СССР. Эти весьма важные сами по себе требования служебного долга приобретают в данном случае особое значение. Каждому прокурору надо проникнуться сознанием того, что участие прокурора в судебном процессе без предварительной специальной подготовки должно быть исключено не в меньшей степени, чем, например, утверждение обвинительного заключения без ознакомления с делом, или санкция на арест без проверки следственных материалов.

Встречающиеся в практике случаи, когда некоторые прокуроры выступают в суде без подготовки, «экспромтом», с намерением «ориентироваться по ходу дела», представляют собой не что иное, как проявление грубой недисциплинированности и непонимание задач государственного обвинения.

Прокурор, выступающий в суде, ни в коем случае не должен рассчитывать на то, чтобы войти в курс дела постепенно, в процессе судебного следствия.

Для этого он не будет располагать никаким резервным временем, никакой возможностью для подготовки к выступлению. Уже с самого начала судебного процесса, в первые же его минуты прокурор самым ходом рассмотрения дела непременно и неизбежно включается в активное участие в процессе. Так, в самом начале судебного разбирательства прокурор обязан сообщить суду свое мнение о возможности слушания дела в отсутствие неявившихся лиц (ст. ст. 265—267, 271 УПК), дать заключение по поводу ходатайств подсудимых и их защитников, а в необходимых случаях — заявить то или иное ходатайство от своего имени (ст. 272 УПК), при наличии достаточных оснований заявить отвод составу суда (ст. 278 УПК), сделать заявление суду о порядке исследования дела (ст. 281 УПК).

Ничего этого прокурор не может осмысленно сделать, если он не изучил дела и не подготовился специально к участию в судебном процессе. Само собой разумеется, что и на последующих этапах рассмотрения дела — при допросе подсудимых, свидетелей и экспертов и т. д. — знание материалов дела, овладение материалами дела и предварительная тщательная разработка прокурором плана своего участия в судебном заседании необходимы не в меньшей степени.

Пассивное поведение прокурора на судебном процессе, его немотивированные заключения по поводу ходатайств защиты или подсудимых и отмачивание при допросе проходящих по делу лиц и т. д. дискредитируют государственное обвинение, и, разумеется, такое участие прокурора не приносит никакой пользы делу.

Пассивность прокурора в судебном следствии есть прежде всего результат незнания материалов дела, результат неподготовленности. Неподготовленность ведет к пассивности, а то и другое вместе — к тусклой неубедительной речи. Бесплезность такого участия прокурора в судебном процессе вполне очевидна.

Хорошая подготовка, глубокое знание, овладение материалами дела во всех деталях будут уже сами по себе побуждать прокурора к активному участию в судебном

процессе и послужат благоприятной предпосылкой для хорошей обвинительной речи.

Подготовка прокурора к участию в судебном процессе начинается с момента, когда уголовное дело рассмотрено в подготовительном заседании суда и назначено к слушанию. Конечно, прокурор должен готовиться и к участию в подготовительном заседании, но это, как правило, менее сложно в соответствии с ограниченными задачами, которые стоят перед судом в этой стадии рассмотрения дела. В районах, где районный прокурор работает один, без помощников, он, естественно, сам готовится и к подготовительному заседанию и к участию в судебном процессе. В других же районах, а тем более в городских, областных и краевых прокуратурах, следует также стремиться к тому, чтобы назначать обвинителей до направления дела в суд и, следовательно, до рассмотрения дела в подготовительном заседании с тем, чтобы этот же прокурор участвовал в подготовительном заседании (такова, например, практика назначения обвинителей в прокуратуре г. Москвы). Благодаря этому прокурор знакомится с делом в стадии, когда значительно легче можно исправить недочеты следствия, и, кроме того, устраняется двойная трата рабочего времени на ознакомление двух прокуроров с одним и тем же делом.

Подготовка прокурора к участию в судебном процессе слагается из: а) изучения дела, б) конспектирования материалов дела, в) ознакомления с законодательством и со спецификой дела, г) подготовки предложения суду о порядке исследования дела в судебном заседании, д) подготовки к обвинительной речи.

В стадии подготовки к участию в судебном процессе, которая по времени охватывает весь период, предшествующий началу судебного рассмотрения дела, последние два элемента — предложение суду о порядке исследования дела и подготовка к обвинительной речи, безусловно, должны занимать определенное место и поэтому освещаются в данном разделе. В свою очередь эти же вопросы, но уже в ином плане, входят в содержание других разделов, посвященных следующим этапам участия прокурора в судебном процессе, когда на базе подготовки развертываются конкретные действия обвинителя в суде.

Остановимся на каждом из вышеперечисленных элементов подготовки к участию в судебном процессе.

а) Изучение дела

Изучить конкретное дело перед выступлением в суде в качестве обвинителя — это прежде всего означает хорошо ознакомиться со всеми материалами дела, знать его во всех деталях. Но этим нельзя ограничиваться. Не всякий прокурор, хорошо знающий дело, может считать себя подготовленным к участию в судебном заседании. Есть еще другая сторона изучения дела — ознакомление, лучше сказать, овладение материалами дела в плане своего участия в судебном рассмотрении дела. Это означает, что при изучении конкретного дела необходимо уяснить себе ряд вопросов, а именно:

1) проведено ли следствие с достаточной полнотой;

2) соблюдены ли при расследовании все требования закона;

3) рассмотрены ли и правильно ли разрешены ходатайства обвиняемых;

4) приняты ли меры к обеспечению возмещения ущерба, причиненного преступниками;

5) правильно ли составлено обвинительное заключение и верно ли определена квалификация действий обвиняемых и подсудность;

6) соблюдены ли все требования закона при рассмотрении дела в подготовительном заседании суда;

7) своевременно ли вручены копии обвинительных заключений подсудимым.

Совершенно очевидно, что если в судебном процессе предстоит выступить прокурору, ранее утвердившему обвинительное заключение, ему остается обратить внимание только на последние два вопроса, так как до утверждения обвинительного заключения он, надо полагать, со всей тщательностью выяснил все важнейшие вопросы, связанные с качеством следствия, его полнотой, объективностью и пр., после чего утвердил обвинительное заключение. Но не всегда обвинителем выступает прокурор, руководивший следствием по делу и утвердивший обвинительное заключение. Часто в суде выступает помощник районного или городского прокурора или же прокурор аппарата областной прокуратуры, не знакомившийся с материалами дела в стадии следствия и утверждения обвинительного заключения. Ясно, что ему предстоит в

полном объеме выяснить все перечисленные выше вопросы путем тщательного изучения дела.

При обнаружении в процессе изучения дела недостатков и нарушений закона, допущенных следственными органами или судом, прокурор должен определить, насколько они существенны, и в этой связи решить основной вопрос — может ли быть рассмотрено это дело судом.

Если допущенные следственными органами недостатки и нарушения закона являются настолько серьезными, что, по мнению обвинителя, дело не может быть рассмотрено судом, обвинитель обязан или принять меры к опротестованию определения подготовительного заседания (ст. 237 УПК) или подготовиться к возбуждению ходатайства перед судом в судебном заседании о возвращении дела на доследование. Избрание последнего решения, однако, не снимает с обвинителя обязанности изучить дело целиком и выяснить все вопросы в плане своего участия в судебном процессе, поскольку не исключена возможность, что суд не согласится с точкой зрения прокурора и будет продолжать рассмотрение дела.

Если недостатки следственного производства не являются в такой степени серьезными и с точки зрения обвинителя дело может быть разобрано в судебном заседании, он должен наметить меры к восполнению этих недочетов в процессе судебного следствия.

С учетом этих условий остановимся подробнее на каждом из вопросов, которые встают перед обвинителем при изучении конкретного дела.

Первый вопрос — проведено ли следствие с достаточной полнотой?

Определить это в конкретных случаях достаточно сложно. Обратимся сначала к требованиям закона. Статья 112 УПК требует от следователя направлять предварительное следствие, «руководствуясь обстоятельствами дела, в сторону наиболее полного и всестороннего рассмотрения дела», а ст. 111 УПК обязывает следователя «выяснить и исследовать обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а равно все обстоятельства, как усиливающие, так и смягчающие степень и характер его ответственности».

Статья 113 УПК разъясняет, что «имеющими для дела значение являются обстоятельства, указанные в ст. ст. 45, 47 и 48 УК, а равно и все другие обстоятельства, выясне-

ние которых может иметь влияние на правильное расследование дела».

Можно считать, что следователь провел следствие с достаточной полнотой лишь в том случае, если он собрал достаточно доказательств, убеждающих в обоснованности обвинения, и сделал все возможное для всестороннего выяснения всех существенных обстоятельств дела.

Следователь должен руководствоваться правилом: не оставлять не расследованным ни одного обстоятельства, если это обстоятельство может пролить свет на преступление и выявить личность того, кто его совершил.

Все эти указания по вопросу о полноте следствия носят по необходимости только ориентировочный, направляющий характер и, как справедливо указывает академик Вышинский, «следствие и суд сами должны, в зависимости от конкретных условий и обстоятельств, определить пределы расследования, сами должны решать в каждом конкретном случае, что важно, что полезно, что необходимо включить в поле своего внимания, сделать предметом исследования. Все попытки заранее определить, какие обстоятельства могут иметь значение для дела и какие не могут, обречены на неудачу, особенно в уголовных делах, где сложность и запутанность положений встречаются чаще, чем в гражданских делах»¹.

По конкретному делу не все обстоятельства имеют одинаковое значение с точки зрения возможности рассмотрения этого дела судом. Одни обстоятельства играют решающую роль, и если они не выяснены на предварительном следствии, то дело не может быть рассмотрено судом. Другие обстоятельства играют второстепенную роль, и если эти обстоятельства не выяснены в процессе предварительного следствия, то они в случае необходимости могут быть выяснены в судебном заседании, а стало быть дело может быть заслушано судом.

Приведем пример. Заведующий магазином райпищеторга уволился с работы и сдал товар по наличию новому работнику, а сам выехал в другой город, в отдаленную местность, не оставив адреса. В момент сдачи магазина райпищеторг не предъявил к уволенному заведующему магазином никаких претензий и произвел с ним полный

¹ А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, Госюриздат, 1950, стр. 236—237.

расчет. Спустя несколько месяцев, бухгалтерия райпищеторга заявила, что при сверке наличия сданного товара с книжными остатками обнаружена за бывшим заведующим магазином недостача товара на 20 тысяч рублей. Возникло дело по обвинению в хищении, так как заведующий магазином был единственным материально-ответственным лицом по магазину. Следователь с трудом установил новый адрес обвиняемого и вызвал его к себе. Однако для его приезда потребовалось значительное время. Явившись на допрос, обвиняемый заявил, что недостачу он категорически отрицает и считает, что такой нехватки товаров не могло оказаться, так как за месяц до сдачи магазина у него были инвентаризация и ревизия, в результате которых никакой недостачи обнаружено не было. Свой выезд в другой город, в отдаленную местность, обвиняемый объяснил тем, что он завербовался на работу, а новый адрес не оставил, поскольку никто его об этом не спрашивал.

Так как сроки следствия истекли, следователь, вместо того чтобы, исходя из конкретных обстоятельств дела, назначить повторную ревизию с участием обвиняемого или экспертизу, решил считать дело законченным, полагаясь на заверения главного бухгалтера райпищеторга, что сверка наличия сданного товара с книжными остатками произведена тщательно. Направляя дело в суд с обвинением в хищении государственного и общественного имущества, следователь, оценивая объяснения обвиняемого, решил, что отсутствие недостачи при ревизии, произведенной за месяц до сдачи магазина, является доказательством того, что заведующий магазином совершил хищение именно в последний месяц своей работы и уехал в другой город, в отдаленную местность, чтобы замести следы.

Может ли такое дело считаться расследованным с достаточной полнотой? Нет, не может, так как следователь не обеспечил полного и всестороннего выяснения всех обстоятельств дела.

Поскольку при сдаче магазина не было предъявлено уволенному заведующему магазином никаких претензий, необходимо было в дальнейшем при обнаружении недостачи произвести повторную тщательную выверку документов и книжных записей с участием самого заведующего магазином.

Что касается того, что за месяц до сдачи магазина ревизия не обнаружила недостачи, то это не могло служить доказательством отсутствия хищения, но могло, наоборот, быть доказательством возможной бухгалтерской ошибки, допущенной при сверке остатков с книжными записями после сдачи магазина. Таким образом, важнейшие конкретные условия в данном случае остались неисследованными. Кроме того, если бы даже недостача подтвердилась, то все же дело не могло считаться расследованным с достаточной полнотой, так как один факт недостачи при отсутствии доказательств присвоения или растраты еще не дает оснований для обвинения в хищении.

Такие дефекты следствия не дали бы возможности суду прийти к твердому выводу о виновности или невиновности подсудимого. При этом по своему характеру они не могли быть восполнены в судебном заседании. Из этого вытекает, что такое дело надо возвратить на доследование.

Но если бы по тому же делу оставался невыясненным при расследовании только вопрос о выезде обвиняемого в отдаленную местность (действительно ли он завербовался на работу), то справка об этом могла быть представлена суду при рассмотрении дела, и возвращать дело на доследование, конечно, не потребовалось бы.

Рассмотрим другой пример.

Руководитель организации обвиняется в грубом нарушении штатно-финансовой дисциплины, которое выразилось в том, что он длительное время держал сверхштатных счетных работников и оплачивал их за счет производства по нарядам за якобы изготовленную продукцию.

Нарушение штатно-финансовой дисциплины, безусловно, имеется налицо. Обвиняемый признал этот факт, но пояснил, что штат счетной части был утвержден в соответствии со старым производственным планом, а когда план увеличился вдвое, то было возбуждено ходатайство об увеличении штата, однако разрешение вопроса затянулось, поэтому он решил принять сверхштатных работников за счет производства.

Следователь не стал проверять это объяснение, считая, что нарушение штатно-финансовой дисциплины в данном случае имеется независимо от того, соответствует ли действительности объяснение обвиняемого или нет.

В принципе это правильно, потому что возбуждение ходатайства об увеличении штата не давало права фактически увеличивать штаты и производить выплаты сверх ассигнованных сумм на содержание аппарата. Но недостаток следствия все же имеется налицо, так как для решения вопроса о степени и характере виновности подсудимого и о мере наказания не безразлично, действительно ли это преступление совершено в условиях, на которые ссылается обвиняемый. Следователь допустил нарушение ст. 111 УПК, обязывающей выяснить обстоятельства, не только уличающие обвиняемого, но и оправдывающие, не только усиливающие, но и смягчающие степень и характер ответственности.

Однако этот пробел предварительного следствия можно восполнить в стадии судебного следствия путем вызова дополнительных свидетелей и представления соответствующих справок.

Это же дело потребовалось бы направить на исследование в том случае, если бы обвиняемый заявлял, что оплачивал сверхштатных работников с разрешения вышестоящей организации, но следователь не выяснил бы этого обстоятельства, исходя из того, что незаконное разрешение не освобождает исполнителя от ответственности. И в этом случае точка зрения следователя в принципе правильна, но его ошибка заключалась бы в том, что незаконное разрешение требует привлечения к ответственности не только исполнителя, но и лица, давшего такое разрешение. Восполнить в судебном заседании такой недостаток предварительного следствия невозможно.

Если в деле имеются указания на какого-либо свидетеля, но он не вызван в судебное заседание и возможно даже не допрошен в процессе следствия, то прокурор может подготовить ходатайство о вызове этого свидетеля в суд, предварительно установив, где этот свидетель находится в данное время, для того, чтобы практически было возможно его вызвать. Если окажется, что вызов этого свидетеля невозможен, то рекомендуется получить справку (о выезде, о болезни и т. п.) с тем, чтобы представить ее суду.

Возможно, что для уточнения того или иного вопроса требуется документ, дополняющий следственный материал, например, справка о времени работы подсудимого или свидетеля в какой-либо организации, копия приказа,

констатирующего определенный факт, или другой документ, имеющий отношение к делу (акт ревизии, список сотрудников, характеристика и пр.). Прокурор может и должен получить этот документ заблаговременно для того, чтобы представить его суду по своей инициативе или в связи с возбуждением ходатайства подсудимыми и их защитниками.

При оценке полноты предварительного следствия необходимо обратить внимание на то, привлечены ли к ответственности все действительные виновники преступления.

Одним из поводов обращения дела к рассмотрению судом нередко бывает отсутствие ясности — почему то или иное лицо не привлечено к уголовной ответственности при наличии данных, указывающих на его причастность к преступлению.

В таких случаях правильно поступает орган следствия, если он в процессе расследования выносит постановление о невозбуждении уголовного преследования в отношении подобных лиц, мотивируя это, например, целесообразностью разрешения в данном случае вопроса об ответственности в дисциплинарном порядке и пр.

Такое постановление дает возможность прокурору, выступающему в судебном процессе, при возникновении в суде вопроса об основаниях непривлечения к ответственности отдельных лиц сослаться на этот документ. Если такого постановления в деле не имеется, прокурору необходимо убедиться в правильности непривлечения к ответственности по существу и быть готовым к тому, чтобы дать суду мотивированное заключение по этому вопросу.

Вопрос о том — соблюдены ли при расследовании все требования закона — имеет также весьма важное значение. Если понимать это в широком смысле, то проверка соблюдения при расследовании всех требований закона исчерпывает все изучение дела, в том числе полноту следствия и пр., так как если все требования закона действительно выполнены при расследовании, то в деле не будет никаких существенных недостатков. Но в данном случае в интересах конкретизации объектов изучения выделены в особую группу требования, которые условно можно назвать формальными требованиями процессуального закона.

Особое внимание необходимо обратить на выполнение следующих требований процессуального закона:

а) соблюдение подследственности, выполнение следователем следственных действий, обязательных при получении от органов дознания дел, подлежащих расследованию следователем прокуратуры (ст. ст. 108, 109 УПК);

б) правильность соединения в одном следственном производстве дел по обвинению нескольких лиц или одного лица по обвинению в нескольких преступлениях (ст. 117 УПК);

в) предъявление обвинения и получение объяснений от обвиняемого по всем фактам, которые ему инкриминируются обвинительным заключением (ст. ст. 78, 128, 129, 135, 138, 139 УПК);

г) предупреждение свидетелей об ответственности за ложные показания и соблюдение правил допроса (ст. ст. 78, 164, 165, 167, 168 УПК);

д) предупреждение эксперта об ответственности за дачу ложного заключения и соблюдение правил производства экспертизы (ст. ст. 68, 78, 169—174 УПК);

е) соблюдение правил производства обысков и выемок (ст. ст. 74, 78, 175, 177, 179, 183—185 УПК);

ж) соблюдение правил производства осмотров и освидетельствований (ст. ст. 78, 189, 192 УПК);

з) выполнение правил приобщения к делу вещественных доказательств (ст. ст. 66—68 УПК);

и) правильность приостановления или прекращения дела в отношении отдельных обвиняемых (ст. ст. 202—204 УПК);

к) ознакомление обвиняемых с материалами дела по окончании следствия (ст. 206 УПК).

Допущенные следственными органами нарушения при выполнении этих требований закона имеют неодинаковое значение. Это зависит, с одной стороны, от характера нарушения, от степени его серьезности, а с другой стороны, от его влияния на объективность и исход следствия.

Например, если один-два свидетеля не были по небрежности следователя предупреждены об ответственности за ложные показания, то суд будет иметь возможность в судебном заседании проверить показания этих свидетелей, и нет надобности при наличии этого нарушения возвращать дело на доследование. Но если во всех протоколах отсутствуют указания на то, что свидетели предупреждены в процессе следствия об ответственности за ложные показания, то это уже говорит о таком грубом

нарушении процессуального закона, при котором возвращение дела на доследование является неизбежным.

Если следователь не исполнил установленных правил производства обысков и выемок, а также осмотров и освидетельствований, то эти недочеты невозможно восполнить никакими доследованиями дела.

Так, если следственный работник по своей неопытности или в силу особого стечения обстоятельств не составил постановления о производстве обыска или произвел осмотр места совершения преступления без участия понятых, то этот пробел в следствии в дальнейшем исправить уже невозможно.

Суд вправе вынести по поводу этих нарушений закона специальное определение, но должен принять этот следственный документ к рассмотрению по существу таким, каков он есть, и дать ему надлежащую оценку, конечно, с учетом всей совокупности имеющихся в деле доказательств.

В практике работы следственных органов являются не редкими случаи нарушения правил приобщения к делу вещественных доказательств. Иногда вещественные доказательства, особенно документы, не описываются и не приобщаются к делу особыми постановлениями (ст. 67 УПК), а просто подшиваются к делу. Бывает, что вещественные доказательства не направляются в суд вместе с делом, а оставляются у органов следствия. В последнем случае надо своевременно принять меры к доставке вещественных доказательств в суд.

Вообще при ознакомлении с делом прокурор должен обратить серьезное внимание на вещественные доказательства и непременно лично их осмотреть.

Если в деле имеется заключение экспертизы, необходимо тщательно ознакомиться не только с выводами экспертизы, но и со всем заключением полностью, чтобы убедиться в обоснованности выводов и не быть застигнутым врасплох в случае постановки в суде защитой и подсудимыми вопроса о некомпетентности экспертов, о неполноте изучения материалов, о неправильных методах экспертизы и т. п.

В одном деле фигурировало заключение экспертизы об идентичности волос с головы убитой с волосами, обнаруженными в вещах у обвиняемого. В постановлении следователя о приобщении волос к делу в качестве веще-

ственных доказательств значилось восемь волос, а в выводах экспертизы перечислялось девять волос. Эта разница в количестве исследованных волос дала основание защите заявить о порочности экспертизы и о возможности ошибочной или умышленной подмены вещественных доказательств.

Однако прокурор, зная не только выводы, но и будучи знаком с актом экспертизы полностью, легко опроверг это заявление защиты. Он обратил внимание суда на то, что, как видно из описания хода исследования в акте экспертизы, один волос был разделен на две части для исследования его разреза и таким путем вместо восьми волос оказалось перечисленными в выводах экспертизы уже девять волос. Все стало ясно.

Невыполнение некоторых процессуальных требований делает само по себе невозможным рассмотрение дела в суде и обязательно влечет за собой возвращение дела к доследованию. Например, непредъявление обвинения в целом или по отдельным моментам, которые инкриминируются обвинительным заключением, неознакомление обвиняемых с материалами дела по окончании следствия, невыполнение следователем обязательных следственных действий по делам его подследственности, полученным от органов дознания.

Существенное значение при изучении дела имеет вопрос о том, рассмотрены ли и насколько правильно разрешены в процессе предварительного следствия ходатайства обвиняемых.

Обвиняемые и потерпевшие могут в процессе расследования возбуждать различные ходатайства.

Статья 114 УПК устанавливает, что «в случае отказа в ходатайстве, возбужденном обвиняемым или потерпевшим о производстве следственного действия или об установлении какого-либо обстоятельства, следователем должно быть составлено мотивированное постановление с указанием основания отказа».

Отказ следователя в удовлетворении ходатайства может быть обжалован в общем порядке перед прокурором.

Некоторые ходатайства имеют особо важное значение, а отказ в их удовлетворении может быть поводом для обращения дела к доследованию.

Так, весьма важное значение имеет разрешение ходатайства обвиняемого о назначении экспертизы и о вызове

эксперта, предложенного самим обвиняемым (ст. 169 УПК).

Практика показывает, что значительная часть дел возвращается судами на доследование именно в связи с неправильным разрешением вопроса об экспертизе в стадии расследования (отказ в назначении экспертизы, недоброкачественная экспертиза, необоснованный отказ в вызове эксперта по указанию обвиняемого, неознакомление обвиняемого с материалами экспертизы).

Особое внимание надо обратить на заявление обвиняемыми ходатайств при ознакомлении с материалами дела по окончании следствия (ст. 206 УПК). В этой стадии становятся ясными в окончательном виде все претензии обвиняемых.

Если отказ в удовлетворении тех или иных ходатайств и жалоб не повлиял на качество следствия, то все же можно ожидать, что обвиняемый использует это обстоятельство при рассмотрении дела в суде. Поэтому надо, изучая дело, внимательно проверять основательность отказа в удовлетворении ходатайств обвиняемых и других лиц, проходящих по делу.

При изучении дела необходимо обратить внимание на то, приняты ли меры к обеспечению возмещения ущерба, причиненного преступниками.

Уголовно-процессуальный закон (ст. ст. 119—121-а УПК) обязывает следователя разъяснять потерпевшим право предъявления гражданского иска и принимать меры к обеспечению возмещения причиненного ущерба, а также к обеспечению возможной конфискации имущества, то есть найти и наложить арест на имущество, принадлежащее обвиняемым.

Непринятие этих мер со стороны следственных органов может явиться для суда основанием для направления дела на доследование. Если арест на имущество не наложен, то следует установить, какими причинами это объясняется. Возможно, что основанием для этого явилось, например, отсутствие у обвиняемого определенного места жительства. В таких случаях, если в деле нет описи имущества, это не может считаться ошибкой со стороны следственных органов и не помешает суду рассмотреть дело по существу.

Следует также при изучении дела обратить внимание

на правильность составления обвинительного заключения. Требования, предъявляемые к обвинительному заключению, изложены в ст. 207 УПК. По своему содержанию обвинительное заключение делится на две части — описательную и резолютивную.

Элементами описательной части являются: а) указание события, явившегося основанием к возбуждению уголовного дела; б) изложение фактических обстоятельств преступлений, вменяемых обвиняемому; в) указание обстоятельств, на основании которых устанавливается каждое обстоятельство преступления; г) характеристика обвиняемого, даваемая на основе установленных фактов и подкрепленная имеющимися в деле доказательствами; д) объяснения обвиняемого и его основные возражения против предъявленного обвинения, обстоятельства, опровергающие эти объяснения.

В свою очередь резолютивная часть должна содержать в себе: а) анкетные данные обвиняемого: его фамилию, имя, отчество, год и место рождения, занятие, образование, семейное положение, наличие наград, партийность, прошлую судимость; б) формулировку обвинения, в которой излагается в сжатой форме, какое именно преступление вменяется в вину обвиняемому, то есть какой состав преступления имеется в данном случае. Если по делу проходит несколько обвиняемых, то в отношении каждого должно быть указано, в чем он обвиняется; в) юридическую квалификацию преступления, то есть статью Уголовного кодекса или другого закона, которым предусмотрено обвинение; г) подсудность данного дела, то есть определение того суда, который компетентен рассматривать данное дело; д) указание, где, когда, кем составлено обвинительное заключение, и подпись лица, его составившего.

Обвинительное заключение должно быть ограждено рамками постановления о привлечении к уголовной ответственности. За эти рамки следователь не вправе выйти при составлении обвинительного заключения.

Проверка правильности составления обвинительного заключения имеет существенное значение прежде всего для того, чтобы убедиться, все ли конкретные факты обвинения, установленные следствием, отражены в обвинительном заключении и правильно ли сформулировано обвинение. Если по тому или иному факту обвинение в процессе расследования не предъявлялось, то этот факт не может

фигурировать в обвинительном заключении. Если этот факт имеет существенное значение, то дело подлежит направлению на следствие, а если не имеет существенного значения, то он подлежит исключению из обвинения — прокурор должен будет заявить об этом суду.

Если по тому или иному факту обвинение предъявлялось, но в обвинительном заключении этот факт не фигурирует, то, как правило, это означает, что следователь отказался от обвинения по этому пункту. В том случае, если этот факт имеет существенное значение и отказываться от обвинения нет оснований, следует предложить следователю пересоставить обвинительное заключение (если дело изучается до направления в суд) или (если дело уже прошло подготовительное заседание) поставить вопрос перед судом в судебном заседании о возвращении дела прокурору для пересоставления обвинительного заключения, если, конечно, суд не пожелает осуществить свое право пересоставления обвинительного заключения (ст. 208 УПК, п. «а» ст. 27 Закона о судостроительстве).

Речь идет в данном случае о фактах, которые в обвинении имеют самостоятельное значение. Так, если хищение сложилось из целого ряда мелких присвоений путем подлогов в документах, то обвинение должно быть предъявлено по каждому факту, а затем в обвинительном заключении может быть сформулировано в подытоженной форме (по периодам, способам хищения и т. д.). С другой стороны, если злоупотребление служебным положением выразилось в незаконном увольнении за критику, в приеме на работу по знакомству и в незаконной выплате премиальных денег и т. д., то каждый из этих фактов злоупотребления должен быть изложен в обвинительном заключении подробно с приведением доказательств в описательной части и сжато в резолютивной.

Надо обратить внимание на резолютивную часть обвинительного заключения с точки зрения ее соответствия, во-первых, описательной части обвинительного заключения и, во-вторых, квалификации преступления.

Например, было бы ошибкой, если бы в описательной части обвинительного заключения говорилось об обнаружении недостачи без указания на какие-либо факты хищения, а в резолютивной части содержалось бы обвинение в хищении; или в резолютивной части говорилось бы о непринятии мер к сбережению овощей, в результате чего

произошла порча овощей, а в квалификации была бы указана ст. 109 УК, то есть формулировка обвинения говорила бы о халатности, а преступление было бы квалифицировано как злоупотребление. В одном деле взяточнику было инкриминировано, что он вымогал и получил взятку, и в то же время взятокодатель по этому же делу также был привлечен к уголовной ответственности по ст. 118 УК. Создалось явное несоответствие. Если взяточник «вымогал», то взятокодатель в силу примечания к ст. 118 УК освобождается от привлечения к ответственности. Оказалось, что взяточник не «вымогал», а лишь проявил инициативу в получении взятки, а термин «вымогал» применен следователем для психологического усиления обвинения. Ясно, что следователь допустил ошибку.

Обвиняемый может совершить несколько преступлений — похитить имущество и получить взятку, незаконно хранить оружие и допустить преступную халатность и т. д. В резолютивной части обвинительного заключения необходимо четко разграничить каждый состав преступления и указать, какой статьей Уголовного кодекса или другого закона он предусмотрен.

Нет надобности перечислять другие дефекты, которыми может страдать обвинительное заключение.

Прокурор, изучающий конкретное дело, должен выявить как можно полнее дефекты данного обвинительного заключения и если они не требуют возвращения дела прокурору, утвердившему это обвинительное заключение, то подготовиться к тому, чтобы дать суду любое разъяснение.

По вопросу о правильности квалификации преступления следует иметь в виду, что в процессе рассмотрения дела суд в подготовительном и в судебном заседаниях может изменить квалификацию преступления, но при том условии, если новая квалификация не угрожает обвиняемому более тяжкой мерой наказания и не изменяет принципиальной сущности обвинения (ст. 313 УПК).

Например, от обвинения по ст. 109 УК суд может перейти на ст. 111 УК, но не наоборот, то есть если органы следствия квалифицировали обвинение по ст. 111 УК, то суд переквалифицировать обвинение на ст. 109 УК не имеет права.

Если обвинение квалифицировано следственным органом по ст. 109 УК как злоупотребление служебным положением, а при рассмотрении дела судом устанавливаются признаки дискредитирования власти (ст. 113 УК), то суд не может переквалифицировать обвинение на ст. 113 УК, не направив дело на доследование, так как при такой конструкции обвинения требуется специальное исследование дела и предъявление нового обвинения, по существу которого обвиняемому должна быть предоставлена возможность дать новые объяснения.

Что касается соблюдения подсудности, то следует убедиться, не оказалось ли переданным на рассмотрение данного суда дело, подсудное другой судебной инстанции или специальному суду. В таком случае дело должно быть передано в соответствующий суд.

При изучении дела необходимо проверить, соблюдены ли все требования закона при рассмотрении дела в подготовительном заседании суда. Эти требования изложены в ст. 27 Закона о судоустройстве и ст. ст. 79, 236—238 УПК, постановлении 54 Пленума Верховного суда СССР (1936 год) и постановлениях Пленума Верховного суда СССР (8 мая 1941 г. и 15 апреля 1943 г.).

Известно, что всякое дело, по которому велось следствие, подлежит обязательному рассмотрению в подготовительном заседании суда. В определении подготовительного заседания должно быть ясно указано на наличие достаточных оснований для предания обвиняемых суду по статьям Уголовного кодекса или иным уголовным законам.

Нужно убедиться также и в том, что судом приняты в подготовительном заседании решения по всем вопросам, связанным с назначением дела к слушанию. В частности, надо проверить, вызваны ли в суд все необходимые для рассмотрения дела свидетели и эксперты, подписан ли протокол подготовительного заседания председательствующим и секретарем, а определение — всем составом суда.

Наконец, полезно бывает установить по отметкам секретаря суда, по копиям препроводительных бумаг и по сообщениям тюремной администрации, вручены ли своевременно копии обвинительных заключений подсудимым. Конечно, это возможно сделать лишь незадолго до дня судебного рассмотрения, когда суд будет уже распола-

гать сведениями о вручении копий обвинительных заключений.

Установленный законом порядок вручения подсудимому копии обвинительного заключения не позже чем за три дня до слушания дела (ст. 235 УПК) подлежит точному соблюдению.

Такова группа основных вопросов, выяснение которых составляет предмет изучения дела обвинителем перед выступлением в суде.

Бряд ли это изучение дела может быть произведено без специальных записей. Нет надобности предлагать для этого какую-либо особую форму. Такими записями могут быть отметки на отдельном листе против каждой группы вопросов. В отметках следует указать о мерах, которые необходимо принять для восполнения выявленных недостатков следствия, для уточнения и дополнения отдельных моментов.

Убедившись, что дело может быть рассмотрено судом по существу, обвинение достаточно обосновано, а недостатки, если они допущены при расследовании, можно восполнить в судебном следствии, прокурор должен, однако, иметь в виду вероятность попытки подсудимых использовать недостатки предварительного следствия для возбуждения ходатайства перед судом о направлении дела на доследование. Следует поэтому подготовиться к возражению против удовлетворения такого ходатайства, если оно необоснованно.

Если же следственные органы допустили серьезные дефекты, то прокурор обязан принять меры к опротестованию определения подготовительного заседания в порядке ст. 237 УПК для направления дела на доследование. Однако если истек срок для принесения частного протеста — пятидневный на определение народного суда и 72 часа на определение областного, краевого, городского суда (ст. ст. 346 и 400 УПК), — бывает иногда целесообразно приносить протест на определение в надзорном порядке. В таком случае прокурору необходимо подготовиться к возбуждению ходатайства перед судом в судебном заседании о возвращении дела на доследование.

Метод изучения уголовного дела должен обеспечить глубокое усвоение всех материалов дела

и выяснение вышеуказанных вопросов при наименьшей затрате рабочего времени.

У каждого практического работника вырабатывается свой метод изучения дела, и нельзя не признать, что прокурор имеет право руководствоваться в этом вопросе своим личным опытом. Но обобщение опыта подсказывает наилучшие, наиболее целесообразные методы изучения дела. Так, если начать читать дело с первого листа, не ознакомившись предварительно с обвинительным заключением, то это неизбежно повлечет непроизводительную затрату лишнего времени на изучение дела, ибо прокурор в этом случае, знакомясь с делом, не будет знать, на чем останавливать свое внимание, какое придавать значение тому или иному обстоятельству, документу и т. д. Гораздо целесообразнее предварительно ознакомиться с обвинительным заключением, получить представление о существе обвинения, о позиции следователя, о системе его аргументации, а затем уже читать дело, имея при этом все время в виду конструкцию обвинения, и по ходу ознакомления с делом убеждаться в правильности или неправильности позиции следователя.

Дело нужно прочитать от начала до конца, не пропуская ни одного листа, чтобы не упустить из поля зрения ни одной детали, которая на первый взгляд может показаться несущественной, а в дальнейшем сыграть большую роль в исходе дела на суде. Ознакомление абсолютно со всеми материалами дела необходимо также и для того, чтобы убедиться в объективности следствия.

Конечно, внимание следует фиксировать на наиболее существенных материалах, подтверждающих или, наоборот, опровергающих обвинение. Обычно на эти материалы имеются ссылки в обвинительном заключении. Некоторые прокуроры считают целесообразным, приступая к чтению материалов дела после ознакомления с обвинительным заключением, сначала просмотреть те материалы, на которые имеется ссылка в обвинительном заключении, а затем прочесть остальные материалы. Это дает возможность с наибольшей полнотой уяснить концепцию обвинения с тем, чтобы последующее ознакомление с остальными материалами дела уже происходило в сопоставлении с системой аргументации следователя, в разрезе критической оценки позиций обвинения.

Следует ли применять этот метод — это вопрос вы-

бора, который должен решить прокурор по своему усмотрению.

При изучении дела необходимо ознакомиться также со всеми приложениями к делу.

Прокурор, изучая дело, должен обратить внимание на версии, выдвигаемые обвиняемыми в опровержение обвинения. Обвиняемый может использовать версии, уже выдвинутые им в стадии предварительного следствия, либо выдвинуть новые версии при судебном рассмотрении дела.

Методологически верно будет рекомендовать прокурору постараться предугадать позицию подсудимого и с этой позиции продумать все возможные варианты защиты, к которым прибегает подсудимый. Тогда будут яснее видны слабые звенья обвинения, станет ясно, что нужно сделать прокурору, какую привлечь дополнительную аргументацию, чтобы укрепить и доказать перед судом несостоятельность версий защиты. Само собой разумеется, прокурор должен быть при этом убежден с должным основанием в виновности подсудимых и правильно оценивать их защитительные версии. Если же объяснения подсудимых и тщательный анализ всех материалов дела обнаружили несостоятельность обвинения, то прокурор в любой стадии рассмотрения дела обязан проявить объективность и сделать из этого соответствующие выводы.

В заключение этого раздела необходимо сказать об организации проверки подготовки прокуроров к выступлению в судебном процессе.

Областной, городской или районный прокурор, поручающий выступление в суде, должен проверять, добросовестно ли и достаточно ли умело обвинитель отнесся к выполнению этого поручения.

Проверка может выявить такие случаи, когда при всей добросовестности обвинителя он окажется недостаточно подготовленным к выступлению в суде в силу своей неопытности. Тогда ему необходима помощь, которую надо оказать своевременно, до начала судебного заседания.

Предложение прокурору, готовящемуся выступать в качестве обвинителя, рассказать содержание дела уже даст возможность убедиться, достаточно ли глубоко изучено им дело. Если обвинитель не только знает дело,

но и располагает соответствующими записями, составленными при изучении дела, то это есть серьезное подтверждение того, что он подготовлен к выступлению в судебном процессе.

Целесообразно бывает при изложении обвинителем отдельных моментов дела предложить ему показать соответствующие места протоколов допроса и других следственных документов. Это покажет, ориентируется ли обвинитель в материалах дела «вообще» или знает материалы дела достаточно основательно и глубоко.

б) Конспектирование материалов дела

Необходимо рекомендовать прокурору, изучающему дело, составлять конспект материалов дела. Без такого конспекта невозможно правильно ориентироваться в судебном процессе и занимать активную позицию при проведении судебного следствия.

Надо признать, что конспектирование материалов, в особенности большого, сложного, многотомного дела, представляет определенные трудности и вызывает серьезную затрату времени, но при всем этом обойтись без составления конспекта нам представляется невозможным.

Как с наименьшей затратой времени и сил сделать необходимые выписки из дела, чтобы ими можно было легко пользоваться в судебном заседании? Как лучше сгруппировать сделанные выписки, выделить и закрепить в памяти наиболее важные детали дела? Вот вопросы, которые часто встают не только перед начинающим обвинителем, но и перед прокурором, уже имеющим опыт выступлений в суде.

Конечно, наиболее идеальным разрешением вопроса было бы снятие копий со всех основных документов, находящихся в деле. Однако это не всегда практически представляется возможным. По многотомному делу снятие копий привело бы к тому, что обвинитель во время судебного следствия был бы завален грудой материалов, не говоря уже о том, что и технически весьма трудно обеспечить снятие копий со многих документов дела.

Наиболее целесообразной формой подготовки к судебному процессу является конспектирование материалов дела, что, конечно, не исключает снятия копий с отдельных следственных документов, имеющих важное значение.

Даже по несложному делу прокурор должен, не полагаясь на свою память, сделать необходимые выписки:

а) из показаний подсудимых; б) из показаний свидетелей; в) из объяснений эксперта либо из его заключения; г) из отдельных документов.

Выписки или заметки, которые касаются подсудимых, должны содержать основные анкетные сведения, даты допроса и фамилию следователя, производившего допросы, краткую сущность обвинения.

Необходимо отметить, признает ли себя подсудимый виновным в предъявленном ему обвинении, какие доводы он приводит в опровержение предъявленного ему обвинения, какими доказательствами подтверждается обвинение и чем опровергается объяснение подсудимого.

Примерную схему такой записи по сравнительно несложному делу см. на стр. 98.

Для большего удобства конспектирование по такой схеме следует делать так, чтобы для каждого эпизода преступления записи делались на отдельном листе бумаги.

Можно записи делать без разбивки листа на отдельные графы, и тогда запись будет выглядеть примерно так.

Подсудимый Федоров И. К.

1921 г., б/п, ранее несудимый, зав. протоварной секцией магазина. Допрошен следователем Дыгиным 24 декабря 1950 г. (лист дела 15) и 2 января 1951 г. следователем Плотниковым (лист дела 25).

Обвиняется: 1. В присвоении трикотажных изделий на сумму 5670 руб. и 2. В продаже готовых изделий по повышенным ценам — мужские костюмы ценою в 975 руб. продавал по цене 1025 руб.

Присвоение трикотажных изделий на 5670 руб. подтверждается актом снятия остатков и заключением комиссии, производившей ревизию (лист дела 7), а также показаниями бухгалтера торгова Коврова, который устанавливает, что после снятия остатков и обнаружения недостачи Федоров откуда-то привез партию маек и мужских носков и заявил, что они не были ошибочно включены в опись (лист дела 9).

Реализация готовых изделий по повышенным ценам подтверждается актом госторгинспектора (лист дела 6) и показаниями свидетелей Петрова и Зимина (листы дела 13, 14), покупавших костюмы.

Подсудимый Федоров И. К. 1921 г. р., б/п, ранее не судимый, зав. промтоварной секцией магазина	Допрошен 24 декабря 1950 г. следователем Дыгиным (лист дела 15) и 2 января 1951 г. следователем Плотниковым (лист дела 25)
---	--

В чем обвиняется	Чем доказано обвинение	Объяснения обвиняемого	Чем опровергаются объяснения обвиняемого	Показания, данные на судебном следствии
1. В присвоении трикотажных изделий насумму 5670 руб.	Актом снятия остатков и заключением комиссии, производившей ревизию (лист дела 7). Показаниями бухгалтера торгового Коврова (лист дела 9)	При снятии остатков не включили в опись майки и носки на сумму 4500 руб. Комиссия не приняла у него фактуру об отправке товаров на базу на сумму 1100 руб. Бухгалтер Ковров имеет с ним личные счета, и его показания являются ложными (листы дела 15, 25).	Заключением бухгалтерской экспертизы, установившей, что майки и носки были принесены обвиняемым в магазин после снятия остатков (лист дела 8). Фактура об отправлении товаров на базу не имеет подписи в принятии этих товаров. На базу они поступившими не значатся (листы дела 10, 11). Бухгалтер Ковров работает недавно и с обвиняемым по работе не сталкивался (лист дела 12).	
2. В продаже готовых изделий по повышенным ценам (мужские костюмы — вместо цены в 975 руб. продавал по цене 1025 руб.).	1. Актом государственного торгового инспектора (лист дела 6) 2. Показаниями свидетелей Петрова и Зимина (листы дела 13, 14).	Реализация готовых изделий по повышенным ценам является результатом ошибки (пеперутаны ярлыки) (листы дела 15, 25).	Показаниями продавца Сидорова, которому Федоров дал прямое указание реализовать товар по повышенным ценам (лист дела 16).	

Объяснения обвиняемого:

При снятии остатков не были включены в опись майки и носки на 4500 руб. Кроме того, им была возвращена на базу часть неходовых товаров на сумму 1 100 руб., но комиссия не приняла у него накладной. Бухгалтер Ковров имеет с ним личные счета и его показания о том, что он якобы где-то достал майки и носки и после снятия остатков принес их в магазин, являются ложными. Реализация готовых изделий по завышенным ценам является результатом ошибки — перепутаны ярлыки (листы дела 15, 25).

Эти объяснения опровергаются:

а) заключением судебно-бухгалтерской экспертизы, установившей, что майки и мужские носки по документам хотя и значатся поступившими в магазин, но до снятия остатков полностью были реализованы и что в остатке на 4500 руб. их не могло быть, так как всего через промтоварную секцию прошло таких товаров на сумму 2520 руб. (лист дела 8); б) заявлением члена комиссии Синева о том, что фактура об отправке товаров на базу не имеет подписи кладовщика в принятии этих товаров. На базу они поступившими не значатся (листы дела 10,11); в) бухгалтер Ковров работает в торговле недавно и с обвиняемым не сталкивался по работе, личных счетов у него с обвиняемым не имеется (лист дела 12); г) показаниями продавца Сидорова, которому Федоров дал прямое указание реализовать мужские костюмы ценою в 975 руб. по цене 1025 руб. (лист дела 16).

Запись результатов судебного следствия при такой форме конспектирования производится на отдельном листе бумаги.

Кроме такого конспекта, дающего схематичное изложение всего дела, целесообразно составить на отдельных листах выписки из показаний обвиняемых и свидетелей.

Преимущество такой формы конспектирования состоит в том, что обвинитель не стеснен размерами столбца и может свободно расширять или сокращать производимую запись.

Разумеется, выписка из показаний обвиняемого должна отражать его объяснения, данные им на всем протяжении следствия.

Выписка из показаний свидетелей составляется с указанием анкетных данных, даты допросов, фамилии следователя, описания обстоятельств, устанавливаемых свидетелем.

Вот как, примерно, может выглядеть выписка из показаний свидетеля Коврова по эпизоду о присвоении Федоровым трикотажных изделий.

Показания свидетеля Коврова

Свидетель Ковров, 1900 года рождения, бухгалтер торгова, несудимый, допрошен следователем Дыгиным 15 декабря 1950 г. (лист дела 9).

После того как Федоров узнал, что по его секции установлена недостача, он пришел в бухгалтерию и заявил, что комиссия при снятии остатков якобы пропустила майки и носки на 4500 руб. Этим и объясняется недостача. При проверке оказалось, что Федоров не мог иметь в наличии маек и носков на такую большую сумму, так как им всего было получено этих товаров на две или три тысячи рублей, а он их продавал, и к моменту снятия остатков их уже не могло быть в наличии.

Повидимому Федоров где-нибудь взял эти товары, принес их в магазин, чтобы доказать, что комиссия их не учла при снятии остатков.

Результаты допроса свидетеля в судебном заседании записываются на этом же листе. Если свидетель полностью подтвердил свои показания, то об этом делается отметка на выписке: «показания подтвердил в судебном заседании».

Рекомендуя указанные примерные схемы, мы в то же время подчеркиваем, что обвинитель может применить любую, удобную, с его точки зрения, форму конспектирования материалов дела, но при этом должен помнить о главном, о том, чтобы сделанные им записи отражали содержание показаний подсудимых, свидетелей и других, участвующих в деле лиц, и помогли бы ему при проведении судебного следствия.

Записи должны быть сделаны по возможности кратко и четко для удобства пользования ими во время судебного следствия и позже при произнесении обвинительной речи. В интересах экономии времени, которое затрачивается на составление конспекта, вполне целесообразно практико-

вать не только сжатое изложение, но и сокращение слов. Например, можно писать «след.» (следователь), «свид.» (свидетель), «подсуд.» (подсудимый), «распор.» (распоряжение), «накл.» (накладная) и т. д. Лишь бы эти сокращения были вполне понятны и не запутали обвинителя.

Само собой разумеется, что нет никакой надобности печатать эти конспекты на машинке. Конспект — рабочая запись, которая должна составляться от руки без затраты лишнего времени на округление фраз, переписывание и т. п.

Запись даты допроса и фамилии следователя, производившего допрос, а также фамилии прокурора, присутствовавшего при допросе, имеет большое значение. Они нужны для того, чтобы в необходимых случаях иметь возможность поставить подсудимому контрольные вопросы, если он в судебном заседании будет отрицать показания данные им на предварительном следствии.

Какое громадное значение для обвинителя имеют подобные записи, можно видеть из следующего примера.

По одному делу о хищении группой преступников муки на хлебозаводе один из подсудимых изменил свои показания, в которых он на предварительном следствии признавал себя виновным и изобличал своих соучастников, и заявил, что он вынужден был признать себя виновным в результате применения к нему незаконных методов допроса.

Неправдоподобность этого заявления была быстро вскрыта обвинителем, который имел указания в своих записях, что при допросе этого подсудимого во всех случаях присутствовал прокурор.

В ходе судебного следствия у обвинителя часто возникает необходимость сослаться на тот или иной документ. Для того чтобы иметь возможность быстро, без излишней затраты времени найти этот документ — рекомендуется после изучения дела составить справочный лист по следующей форме:

Справочный лист

1. Протокол осмотра места происшествия . . .	том 1, лист дела	3
2. Протокол обыска у обвиняемого	том 4, лист дела	4
3. Постановление о предъявлении обвинения
подсудимому Сидорову	том 1, лист дела	26

4. Собственноручные показания обвиняемого Сидорова	том 1, лист дела 30
5. Заключение графической экспертизы	том 2, лист дела 65
6. Заключение технической экспертизы	том 2, лист дела 68
7. Очная ставка между обвиняемым Сидоровым и свидетелем Петровым 15 мая 1948 г	том 3, лист дела 45
8. Справка о прошлой судимости обвиняемого Сидорова	том 1, лист дела 25
9. Сообщение сберегательной кассы о вкладе Сидорова	том 1, лист дела 32
10. _____	
11. _____	

В процессе изучения дела обвинителю необходимо продумать и заранее наметить моменты и обстоятельства, которые придется выяснить, уточнить и закрепить на судебном следствии.

Необходимо также предварительно подготовить вопросы для допроса подсудимого, свидетелей и экспертов. Давая объяснения суду по существу предъявленного обвинения, подсудимый часто оставляет в стороне существенные детали, изменяет свои показания, данные следователю, приводит новые факты и т. д. Разумеется, обвинитель до судебного заседания не может предвидеть точно, какие именно показания даст обвиняемый на суде. Однако он должен четко уяснить себе, какие обстоятельства, какие детали должны быть обязательно выяснены, если обвиняемый попытается о них умолчать или их исказить.

Свидетель также может попытаться изменить свои показания в судебном заседании либо упустить существенные детали. Обвинитель должен располагать заранее подготовленными вопросами, чтобы свидетель рассказал суду все, что ему действительно известно по делу.

Не следует, конечно, подготавливать таких вопросов, которые обычно выясняются судом, например, признает ли себя виновным подсудимый, подтверждает ли он ранее данные показания, и т. д.

Применительно к упомянутому ранее делу по обвинению Федорова в хищении трикотажных изделий и реализации товаров по повышенной цене можно подготовить следующие вопросы для допроса подсудимого в судебном заседании:

1. Чем объяснить, что заявление о наличии у Вас товаров на 4500 руб., не включенных в акт снятия остатков, Вы сделали только после обнаружения недостачи;

2. Почему у Вас не имеется документа о поступлении к Вам в секцию маек и носков на 4500 руб.;

3. Уточните, когда именно и на какой почве у Вас возникли ненормальные отношения с бухгалтером Ковровым;

4. Как могло случиться, что, сдавая обратно на базу товары, Вы не потребовали, чтобы кладовщик расписался на накладной, почему накладная не имеет номера и написана не работниками базы; и т. п.

В зависимости от ответов, которые будут даны на эти вопросы, могут возникнуть и другие вопросы, но их заранее нельзя предвидеть. Постановка этих новых вопросов, их развитие и углубление зависит от активности обвинителя.

Вопросы для допроса свидетеля, например, свидетеля Сидорова, могут быть подготовлены в такой форме:

1. Как реагировал Федоров на Ваше заявление, что костюм, который Федоров предложил продавать по 1025 руб., стоит 975 руб.;

2. Можно бы было перепутать ярлыки на костюмы и по каким признакам Вы убедились в том, что костюмы продаются по более высокой цене;

3. Были ли ранее случаи реализации Федоровым товаров по повышенным ценам; и т. п.

Опыт показал, что группирование материалов целесообразно производить по следующему методу.

Если дело состоит из нескольких эпизодов, то на каждый эпизод необходимо завести отдельную папку, в которую должны быть вложены все материалы, имеющие отношение к конкретному эпизоду (выписки из показаний обвиняемых, свидетелей, копии отдельных документов и т. д.).

Например, подсудимый Иванов обвиняется в том, что он, будучи заведующим складом горпищеторга, совершил следующие преступления:

1) 5 мая 1949 г. похитил ящик сливочного масла весом в 25 кг, скрыв это преступление составлением фиктивной накладной об отпуске масла заведующим магазином № 2 Фунтикову;

2) 29 мая при отпуске заведующему магазином № 5 Неверову сельдей второго сорта указал в накладной пер-

вый сорт. Образовавшийся в связи с этим излишек сельдей первого сорта реализовал на сторону и деньги присвоил;

3) 5 июня Иванов по сговору с заведующим бакалейной секцией магазина № 2 Черкасовым похитил 80 кг сахара, выдав ему бестоварную накладную о приеме сахара на склад, тогда как сахар был реализован на сторону.

По данному делу обвинителю рекомендуется завести три папки:

- 1) хищение Ивановым ящика сливочного масла;
- 2) хищение Ивановым сельдей;
- 3) хищение Ивановым и Черкасовым 80 кг сахара.

В каждую из этих папок должны быть соответственно вложены сделанные обвинителем выписки и заметки.

Если по делу обвиняется группа лиц в совершении одного преступления, то материалы следует группировать по подсудимым. В этом случае заводятся папки по количеству подсудимых и в каждую из этих папок соответственно вкладываются законспектированные материалы.

в) Ознакомление с законодательством

Подготовка прокурора к выступлению в суде не ограничивается изучением и конспектированием материалов дела.

Обвинитель должен самым тщательным образом ознакомиться с соответствующим законодательством, относящимся к изучаемому делу, и со спецификой дела.

Факты показывают, что некоторые прокуроры перед выступлением в суде не обращаются к тексту уголовного закона. Между тем в судебном заседании часто возникает спор по вопросу о квалификации преступления подсудимых, и обвинитель должен быть хорошо подготовленным к аргументированию своих соображений по этому вопросу.

Обвинителю необходимо также освежить в памяти руководящие указания Пленума Верховного суда СССР по вопросу применения того или иного закона. Например, по делам о хищениях государственного и общественного имущества необходимо прочесть перед выступлением в суде не только текст соответствующего закона, но и постановления Пленума Верховного суда СССР, принятые по этой категории дел.

Если по обстоятельствам дела возникает вопрос о применении наказания по совокупности преступлений, то обвинителю необходимо восстановить в памяти не только ст. 49 УК, но и ознакомиться с практикой Верховного суда СССР по этому вопросу.

Следует заранее продумать какие могут возникнуть в ходе судебного разбирательства спорные вопросы, связанные с применением закона, предусмотреть позицию защиты и соответствующим образом подготовиться к изложению своей точки зрения.

Следователь, расследовавший дело о должностных преступлениях, мог не приобщить по каким-либо причинам соответствующих инструкций, положений, правил и других документов, регламентирующих права и обязанности должностных лиц, устанавливающих режим работы предприятия и т. д., но по конкретному делу эти документы могут иметь большое значение. В таких случаях обвинителю необходимо получить эти документы и представить их суду.

Вообще обвинитель не должен ограничиваться изучением только материалов дела. Часто фабула дела настолько сложна, что без изучения специальной литературы трудно ее усвоить.

По одному делу об обвале междуэтажных перекрытий недавно построенной фабрики прокурор, изучавший дело, не имел достаточно ясного представления о профилактических средствах (антисептика), применяемых во избежание поражения деревянных конструкций грибом. Конечно, он оказался бы в большом затруднении на судебном следствии, если бы не ознакомился предварительно с соответствующей литературой по этому вопросу, что дало ему возможность свободно ориентироваться в специфике дела и терминологии и быть активным во время допроса подсудимых, свидетелей и экспертов.

По некоторым делам после их изучения возникают неясности, связанные, например, с нечеткостью формулировок в протоколах допроса. В таких случаях рекомендуется побеседовать со следователем, который проводил расследование по делу.

Беседа обвинителя со следователем вообще полезна и способствует более прочному усвоению материалов дела и закреплению в памяти наиболее важных обстоятельств.

г) Подготовка предложения суду
о порядке исследования дела
в судебном заседании

Изучив дело и законспектировав материалы предварительного следствия, прокурор должен решить, какой порядок исследования дела предложить суду.

На основании 281 УПК суд заслушивает заявления сторон и выносит определение по вопросу о том, в каком порядке и в какой последовательности должно производиться исследование дела.

Многие судебно-прокурорские работники не придают должного значения этому вопросу и разрешают его формально, предлагая во всех случаях вести допрос подсудимых и свидетелей в порядке списка, приложенного следователем к обвинительному заключению. Между тем от правильного определения порядка судебного следствия и последовательности исследования доказательств часто зависит полнота и результаты судебного следствия.

Нельзя, конечно, предложить готовую схему порядка судебного следствия, пригодную на все случаи. Все зависит от конкретных обстоятельств дела.

Прокурор обязан тщательно продумать и составить, исходя из особенностей изучаемого дела, такой план судебного следствия, который бы обеспечил правильное и всестороннее исследование дела.

Целесообразно придерживаться следующих принципов.

Если подсудимый признал себя виновным в предъявленном ему обвинении, то рекомендуется начать судебное следствие с допроса подсудимого, затем допросить свидетелей в последовательности эпизодов обвинения и затем исследовать другие доказательства.

Если подсудимый отрицает свою вину, то целесообразно начинать судебное следствие с допроса свидетелей обвинения.

По групповому делу следует начинать допрос с тех подсудимых, которые признали себя виновными и изобличают других подсудимых, не признавших себя виновными.

Если предложение прокурора о порядке исследования доказательств носит сложный характер (разбивка по эпизодам и т. п.), целесообразно подготовить это предложение в письменном виде.

§ 2. Подготовка к обвинительной речи

Готовясь к участию в судебном следствии, прокурор одновременно должен готовиться и к произнесению обвинительной речи.

Мы считаем не только возможной, но и необходимой подготовку к речи перед началом процесса с тем, чтобы до судебного заседания и перед прениями сторон обвинитель мог составить окончательный план речи и определить ее содержание.

Подготовка обвинительной речи перед началом процесса состоит в собирании соответствующих материалов для предстоящей речи, ознакомлении со специальной литературой, подборе исторических и литературных примеров и т. п.

Можно ли в этой стадии подготовки составить план и даже тезисы обвинительной речи?

На этот вопрос следует ответить положительно.

По некоторым делам собранные по делу предварительным следствием доказательства настолько убедительны и предъявленное обвинение настолько бесспорно, что государственный обвинитель может после ознакомления с делом составить первоначальный набросок плана или тезисов обвинительной речи до слушания дела.

Нельзя, однако думать, что составленный таким образом набросок не подвергнется изменению.

К первоначальному наброску обвинитель должен относиться критически, ибо на судебном следствии могут возникнуть обстоятельства, вследствие которых необходимо будет внести существенные изменения и дополнения к плану и тем более к тезисам обвинительной речи.

Отдельные элементы обвинительной речи могут быть целиком подготовлены перед началом процесса, например, вступительная часть с политической оценкой преступления, характеристика подсудимых, юридический анализ состава преступления. Материалы к обвинительной речи и составленный первоначальный набросок плана и отдельных элементов речи должны храниться в особой папке, отдельно от других материалов, подготовленных прокурором для участия в судебном процессе.

При подборе литературных и исторических примеров для использования в обвинительной речи следует избегать нагромождения этих примеров.

Чем меньше таких примеров, тем лучше. Важно, чтобы примеры были подобраны уместно и помогли обвинителю сделать свою мысль более доходчивой и убедительной.

Если обвинитель намерен использовать литературный пример, какое-либо изречение или высказывание, он должен обязательно проверить подбираемый материал по первоисточникам. Ни в коем случае нельзя приводить эти примеры или цитаты по памяти, чтобы не допустить ошибки.

Во время судебного следствия прокурору необходимо продолжать накапливать материалы для предстоящей обвинительной речи. Для этой цели на отдельном листе бумаги следует делать необходимые заметки, чтобы использовать их при произнесении обвинительной речи.

Очень важно фиксировать изменения в показаниях допрашиваемых лиц. Если, например, свидетель изменил на суде свои показания, то необходимо эти новые показания по возможности зафиксировать на том же листе, на котором сделаны выписки из показаний этого свидетеля, данных на предварительном следствии. Рекомендуются выделить новые показания, подчеркнув их цветным карандашом, чтобы в нужный момент иметь возможность при произнесении обвинительной речи сразу же найти их, сопоставить с ранее данными показаниями и соответствующим образом их оценить.

Окончательный план речи прокурор может составить после судебного следствия.

Для того чтобы подготовиться к обвинительной речи, прокурор может заявить суду ходатайство об объявлении перерыва на время, необходимое для подготовки.

Обвинителю необходимо прежде всего решить вопрос о том, написать ли полностью текст обвинительной речи или ограничиться составлением плана речи сжато или более подробно, в виде тезисов.

К разрешению этого вопроса нужно подходить в зависимости от характера дела, от времени, которым располагает обвинитель, и его индивидуальных способностей.

По сложным многотомным делам предварительное составление полного текста обвинительной речи является необходимым. Если же обвинитель не располагает временем для этого, то по такого рода делам рекомендуется написать полностью только вступительную и заключитель-

ную части речи. Остальные элементы речи необходимо подготовить в виде тщательно продуманных тезисов.

Если же объем дела небольшой и у обвинителя имеется возможность написать полностью текст обвинительной речи, можно это рекомендовать особенно прокурорам, имеющим небольшой опыт выступлений в суде, так как в процессе составления обвинительной речи обвинитель может, не торопясь, продумать систему доказательств, поработать над формой речи и обеспечить ее высокий уровень.

Цель предварительного составления текста обвинительной речи состоит, конечно, не в том, чтобы ее заучить и прочитать в судебном заседании, а в том, чтобы глубоко продумать и закрепить в своей памяти доказательства, добытые следствием, привести их в систему, в логическую связь и правильно оценить.

Основные методические указания, относящиеся к плану обвинительной речи, сводятся к следующему.

К моменту составления окончательного плана речи обвинитель должен определить, в каких пределах поддерживать обвинение, от каких пунктов обвинения следует отказаться, какие доказательства необходимо использовать для обвинения, как квалифицировать преступление.

План речи не может быть стандартен, одинаков для всех дел. Например, план речи по сложному делу о крупном групповом хищении государственного и общественного имущества значительно будет отличаться от плана речи по делу об убийстве. Ниже приводим пример подготовки к речи обвинителем, выступавшим в Московском городском суде по делу о хищении крупной суммы денег одним из работников Управления делами Министерства земледелия СССР.

Обстоятельства дела заключаются в следующем:

Обвиняемый по делу Р., работая старшим инспектором управления делами названного Министерства, в течение полутора лет расхищал деньги, получаемые им в подотчет при поездках в командировки для приобретения топлива, лесоматериалов и продуктов для министерства и некоторых его организаций. Преступление скрывалось им путем представления авансовых отчетов с документами, подложность которых была установлена значительно позже.

Присвоение денег облегчалось тем, что обвиняемый, находясь в командировке, получал крупные суммы с так

называемого «особого счета», открытого министерством на его имя в отделении Государственного банка.

Большая часть государственных средств была присвоена подсудимым в период его пребывания в командировке по заготовке угля в Ворошиловградской области.

Под предлогом необходимости выплаты рабочим по ведомости за погрузочно-разгрузочные работы он получал крупные суммы наличными деньгами. Шахтоуправление фактически производило работы своими силами и представляло счета. Обвиняемый вместо этих счетов составлял подложные счета на увеличенные суммы и представлял их в министерство.

В управлении делами министерства плохо контролировали операции подсудимого и все его счета принимались к списанию.

Примерно такой же метод присвоения денег подсудимый применял, находясь в других командировках.

По делу было допрошено много свидетелей, проведена судебно-бухгалтерская и графическая экспертизы, приобщено много документов.

При подготовке к процессу прокурор сгруппировал материал на каждый эпизод, т. е. на каждый фиктивный счет или группу счетов по какой-либо операции. По каждому эпизоду была заведена особая папка, куда вкладывались следующие материалы:

- 1) выписка из обвинительного заключения, относящаяся к данному эпизоду;
- 2) краткая выписка из фиктивного счета;
- 3) краткая выписка из подлинного счета, уничтоженного обвиняемым, но восстановленного следователем по копии, находившейся в шахтоуправлении;
- 4) выписка из показаний свидетелей, относившихся к данному эпизоду;
- 5) выписка из объяснений обвиняемого;
- 6) выписка из заключения экспертизы.

Таких папок было до десяти по количеству эпизодов.

На обложке каждой папки цветным карандашом была сделана надпись. Например, «эпизод № 1. Присвоение обвиняемым Р. по счету № 25, составленному от имени Ворошиловградского шахтоуправления, 91 480 руб.».

Внутри этой папки в последовательном порядке находились все материалы, изобличающие в этом преступлении подсудимого Р. и других лиц, в той или иной мере содействовавших подсудимому.

Для подготовки обвинительной речи суд по ходатайству прокурора объявил перерыв.

В перерыве были приведены в полный порядок папки с материалами по эпизодам преступления, пронумерованы красным карандашом все вложенные в папку документы, отсеяны ненужные записи.

Каждая запись была тщательно просмотрена, после чего составлен окончательный план речи.

Вступительная часть речи, рассчитанная на восемьдесят минут, была написана перед началом процесса. В ней давалась общественно-политическая оценка преступления Р.

За вступительной частью речи следовали одна за другой отдельные эпизоды преступления, для чего соответствующим образом были подобраны папки с материалами.

План речи был составлен применительно к системе расположения материалов.

Так как на каждой папке имелась четкая надпись цветным карандашом, то при взгляде на эту надпись восстанавливались в памяти все детали эпизода, доказательства и даже внешний вид отдельных документов. В плане против каждого доказательства значился тот же номер, что и на выписке, находившейся в папке. Это давало возможность обвинителю быстро извлекать нужную выписку и цитировать ее или пересказывать своими словами содержание этого доказательства.

На отдельном листе бумаги был написан итог всех установленных фактов. Затем следовали составленные заранее характеристики всех подсудимых по делу и юридический анализ состава преступления.

Подготовившись таким образом к обвинительной речи, прокурор чувствовал себя в судебном заседании свободно и уверенно.

По небольшим делам план обвинительной речи может быть составлен проще.

Например, по делу о спекуляции некоего М.— лица без определенных занятий — обвинителем был составлен следующий план речи:

1. Сущность предъявленного М. обвинения — систематическая спекуляция мануфактурой.

2. Как было вскрыто преступление.

- а) 25 сентября 1948 г. М. задержан на рынке при попытке продать по повышенной цене отрез мануфактуры —

5 м гр-ну Н. (протокол задержания — лист дела 2, показания Н.— лист дела 5);

б) При обыске на квартире М в разных местах обнаружены отрезки мануфактуры всего в количестве 125 м. Кроме того, найдены спрятанными в старой валяной обуви 35 425 руб. (протокол обыска — лист дела 5).

3. Что объяснил М.

Мануфактура у него лежит с 1940 года. Копил ее для нужд семьи. Часть решил продать, чтобы добавить к имеющимся у него 30 000 руб., вырученным от продажи дома, и купить другой дом. Около полутора лет нигде не работает и находится на иждивении детей, работающих в советских учреждениях.

4. Что установлено предварительным и судебным следствием.

а) Никакого дома у М. не было, а был дом у его брата, который продал дом за 50 000 руб. до денежной реформы и купил другой дом, в котором живет со своей семьей (справка домоуправления — лист дела 20, показания свидетеля Б.— лист дела 21, показания брата М.— лист дела 22);

Деньги были спрятаны в старой валяной обуви — почему? Разве это место для хранения законно нажитых денег?

б) С конца 1947 года подсудимый М. нигде не работает. Его дочь и сын живут отдельно, имеют свои семьи и материально ему не помогают, между тем подсудимый живет хорошо, ни в чем не нуждается (показания свидетелей: Х.— лист дела 25, П.— листы дела 26, 27).

в) Семья М. состоит из двух человек — он и жена. В 1941 году они эвакуировались в г. Фрунзе и вернулись в г. Подольск в 1945 году. Крайне сомнительно, чтобы все это время мануфактура, если она действительно была приобретена в 1940 году, лежала до 1948 года неиспользованной.

Государственное обвинение считает доказанным, что подсудимый М., не занимаясь общественно-полезным трудом, скупал в магазинах мануфактуру и перепродавал ее по спекулятивным ценам. Эти действия прямо предусмотрены ст. 107 УК.

Обстоятельства, отягчающие вину подсудимого.

1) Подсудимый в возрасте 50 лет, физически здоровый, имеет специальность товароведа и при желании мог

бы работать. В декабре 1947 года уволен за грубое нарушение правил внутреннего распорядка.

2) В начале 1947 года был судим по ст. 105 УК и осужден к штрафу в сумме 2000 руб. за перепродажу на рынке двух пар дамской обуви.

Государственное обвинение считает необходимым применить к М. наказание в виде 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества.

Таковы соображения по вопросу о методике подготовки обвинительной речи.

Что же касается остальных принципов построения и произнесения обвинительной речи, то об этом будет сказано ниже в специальной главе, посвященной обвинительной речи прокурора.

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ

§ 1. Значение судебного рассмотрения

Судебное разбирательство является важнейшей стадией уголовного процесса. Именно в этой стадии суд непосредственно исследует все обстоятельства дела, проверяет собранные доказательства, дает им оценку и выносит приговор.

Как известно, задача судебного процесса заключается в том, чтобы выяснить фактическую сторону дела, точно установить, какие факты имели место в действительности, на основе точно доказанных фактов квалифицировать обвинение по той или иной статье Уголовного кодекса и решить вопрос, нужно ли подвергать подсудимого наказанию и какому именно.

Все, что предшествовало судебному разбирательству — возбуждение уголовного дела, дознание, предварительное следствие, предание суду — является не чем иным, как подготовительными стадиями для того, чтобы суд мог осуществить правосудие. На предварительном следствии могут быть собраны самые убедительные, самые веские доказательства виновности лица, против которого было возбуждено уголовное преследование, однако вопрос о виновности решает только суд. Задача социалистического правосудия в СССР осуществляется путем судебного разбирательства. Это прямо установлено ст. 4 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик. В силу этих причин судебное разбирательство обычно называется главным или основным производством в отличие от предварительного производства, каковым являются все предшествующие судебному разбирательству стадии уголовного процесса.

Судебное рассмотрение дела состоит из нескольких частей:

а) подготовительная часть судебного заседания, б) судебное следствие, в) прения сторон, г) последнее слово подсудимого, д) вынесение приговора.

Несомненно, центр тяжести судебного разбирательства лежит в судебном следствии, во время которого исследуются фактические обстоятельства дела по существу. Именно в этой части судебного заседания подвергаются тщательной проверке доказательства, на которых основано предъявленное обвинение, равно как доводы, представляемые подсудимым в свою защиту против предъявленных ему обвинений. В этой части судебного разбирательства происходит допрос подсудимого, свидетелей, экспертов, исследуются вещественные доказательства, уточняются и проверяются данные, характеризующие личность подсудимого. Поэтому правильное и полное проведение судебного следствия создает гарантию для вынесения законного и обоснованного судебного приговора.

Какова же роль прокурора в суде? Следует отметить, что его положение во время судебного разбирательства коренным образом отличается от его положения во время предварительного следствия. На предварительном следствии право принимать окончательное решение по делу принадлежит прокурору, его указания обязательны как для органов дознания, так и для следователя. Даже в том случае, если следователь не согласен с указаниями прокурора и обжалует их вышестоящему прокурору, он не вправе приостанавливать их исполнения. Все возникающие на предварительном следствии спорные вопросы, жалобы обвиняемых и других участников процесса, вопросы квалификации преступления, полноты исследования и т. п. окончательно разрешает прокурор.

Совершенно иное положение прокурора в суде, где все вопросы решает уже не прокурор, а сам суд. Только суду предоставлено право принимать решения по всем процессуальным вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства, удовлетворить или отклонить ходатайства участвующих в деле лиц, дать соответствующее направление делу и самому ходу судебного разбирательства. Только от суда зависит, допустить то или иное доказательство, рассмотреть дело в отсутствие неявившегося свидетеля, вызвать дополнительных свидетелей, экспертов,

обласить имеющиеся в деле письменные доказательства и т. д.

Однако и в суде, как и всюду, прокурор выступает в качестве блюстителя социалистической законности, представителя интересов Советского государства. Прокурор поддерживает на суде обвинение от имени государства, в интересах охраны и укрепления социалистического правопорядка и гарантированных советским законом прав граждан. Выступая на суде, прокурор помогает суду осуществлять правосудие. Участие обвинителя в суде должно обеспечить вынесение судом законного и обоснованного приговора.

Советский уголовный процесс определяет положение прокурора в судебном разбирательстве как стороны. Это ни в какой мере не умаляет значения прокурора как представителя органа высшего надзора за точным исполнением законов. Процессуальное положение прокурора как стороны означает лишь то, что в ходе судебного разбирательства он пользуется одинаковой с подсудимым и защитником суммой процессуальных прав в отношении представления и проверки доказательств, возбуждения перед судом ходатайств и участия в прениях сторон. Прокурор и защитник в процессе имеют право допрашивать подсудимых, свидетелей, экспертов, представлять дополнительные доказательства. Нельзя отказать защитнику в праве реплики, если этим правом воспользовался прокурор. Каждая из сторон вправе изложить свои соображения суду по поводу ходатайств другой стороны. Однако, выступая в качестве государственного обвинителя, прокурор обязан в то же время защищать права и законные интересы всех участников процесса, требовать неуклонного соблюдения судом и участвующими в деле лицами всех процессуальных норм, установленных советским законом. По каждому процессуальному вопросу, возникающему в ходе судебного разбирательства, суд обязан выслушать заключение прокурора и прокурор должен дать свое заключение с позиций лица, обеспечивающего осуществление социалистической законности и интересов Советского государства. Поэтому каждое действие прокурора на суде должно быть строго основанным на требованиях закона. В первую очередь прокурор должен быть особенно требовательным к самому себе.

От прокурора на суде требуется максимальная бдительность, умение и настойчивость в изобличении перед судом врагов Советского государства и дезорганизаторов социалистического правопорядка. Он обязан принять меры к ограждению имущественных интересов государства. Если государственному или общественному предприятию или учреждению был причинен материальный ущерб, а гражданский иск не был предъявлен, прокурор обязан предъявить этот иск до начала судебного следствия, а затем обосновать и поддержать его.

В то же время прокурор не может быть безучастен, если нарушаются гарантированные законом процессуальные права подсудимого, если ущемляется гарантированное Конституцией СССР право обвиняемого на защиту. Если кем-либо из участников процесса будет допущено то или иное нарушение закона, прокурор обязан обратить на это внимание суда и требовать, чтобы суд тут же устранил это нарушение закона. Если суд почему-либо не устранил нарушения закона, прокурор требует, чтобы суд занес это в протокол судебного заседания с тем, чтобы после окончания процесса соответствующим образом реагировать на допущенное нарушение: если это нарушение повлекло за собой неправосудность приговора — прокурор обязан принести кассационный протест, в иных случаях — сделать представление в управление Министерства юстиции и т. д.

Прокурор не должен забывать, что право принимать решения по всем вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства, принадлежит суду, а потому, делая суду представления, заявляя ходатайства и давая заключения по различным процессуальным вопросам, прокурор должен вести себя таким образом, чтобы всемерно укреплять авторитет суда в глазах граждан. Это требует от обвинителя сдержанного и корректного отношения ко всем участникам процесса.

Всемерное уважение к суду должно проявляться и во внешнем поведении прокурора, в его одежде, манере держаться на суде. В судебном заседании прокурор обязан быть в форме, аккуратно одетым, подтянутым. Когда прокурор обращается к суду с ходатайством, заявлением, когда дает заключение или отвечает на вопрос суда, он должен обязательно встать.

Все выступления и высказывания прокурора на суде

должны быть проникнуты чувством собственного достоинства как представителя государства и всемерного уважения к советскому суду — самому демократическому, самому справедливому в мире.

§ 2. Участие обвинителя в подготовительной части судебного заседания

Исследованию дела на суде, то есть судебному следствию предшествует так называемая подготовительная часть судебного заседания. Эта часть судебного процесса начинается с открытия судебного заседания и продолжается до того момента, когда суд приступает к оглашению обвинительного заключения. Во время подготовительной части судебного заседания суд должен выполнить ряд требований процессуального закона и произвести процессуальные действия, направленные на то, чтобы обеспечить полное и правильное проведение судебного разбирательства.

Подготовительная часть судебного заседания имеет важное значение для вынесения законного и обоснованного приговора. В этой части процесса суд проверяет, правомочен ли он в данном составе приступить к рассмотрению дела, налицо ли стороны и другие участники процесса, присутствие которых необходимо для слушания дела, соблюдены ли процессуальные гарантии, обеспечивающие право обвиняемого на защиту, приняты ли меры к тому, чтобы суд располагал всей полнотой доказательств, необходимых для всестороннего исследования всех обстоятельств дела. Отсюда вытекает обязанность прокурора активно участвовать в этой части судебного заседания, чтобы обеспечить соблюдение процессуальных норм, гарантирующих законный состав суда и полноту судебного следствия.

В этой части судебного заседания государственный обвинитель по закону обязан давать суду свое заключение о возможности слушания дела в данном составе суда, при данном наличии свидетелей, о необходимости истребования новых доказательств, об обоснованности ходатайств подсудимого и его защитника, об основательности заявленных отводов и т. п.

Все свои заключения прокурор дает на суде в строгом соответствии с законом, не допуская ни малейшего откло-

нения от закона, решительно возражая против всяких попыток нарушить закон, от кого бы они ни исходили¹.

Свои заключения прокурор должен обосновывать законом, ссылаясь каждый раз на соответствующие статьи Уголовно-процессуального кодекса.

Неправильным является мнение некоторых прокуроров о том, что подготовительная часть судебного заседания носит технический характер и поэтому активное участие прокурора должно начаться только с судебного следствия. Судебная практика показывает, что пассивное отношение прокурора к своим обязанностям в подготовительной части судебного заседания приводит в ряде случаев к необоснованному отложению дела, к вызову излишних свидетелей, загромождению дела ненужными материалами либо к существенной неполноте доказательств, необходимых для полного и всестороннего исследования дела, либо к нарушению таких процессуальных прав подсудимого, которые влекут за собой обязательную отмену приговора.

а) Проверка наличия суда, сторон, подсудимых, свидетелей и экспертов

Подготовительная часть судебного заседания складывается из процессуальных действий, для которых закон установил такую последовательность:

Председательствующий, удостоверившись, что народные заседатели и секретарь суда налицо, открывает судебное заседание и объявляет, какое будет слушаться дело, по обвинению кого и в каком преступлении. Затем председательствующий удостоверяется в самоличности подсудимого и спрашивает его, вручена ли ему копия обвинительного заключения и когда она вручена.

Самоличность подсудимого председательствующий устанавливает путем его опроса о фамилии, имени, отчестве, возрасте, роде занятий, месте рождения, местожительстве, семейном положении, партийной принадлежности, наградах, прежней судимости и т. п., сверяя ответы подсудимого с анкетными сведениями о нем, имеющимися в деле.

¹ См «Участие прокурора в судебном следствии», Методическое письмо Прокуратуры СССР, составленное М С Строговичем, под редакцией А Я Вышинского, «Социалистическая законность» 1930 г. № 8, стр. 50.

Цель этого опроса подсудимого заключается в том, чтобы суд убедился, что на скамье подсудимых находится именно то лицо, которое предано суду.

Согласно закону копия обвинительного заключения должна быть вручена подсудимому не позже чем за три дня до начала слушания дела¹.

Ответы подсудимого вносятся в протокол с указанием, когда именно была ему вручена копия обвинительного заключения.

Соблюдение этого правила разрешает обвиняемому заблаговременно подготовиться к защите и поэтому является реальным осуществлением права обвиняемого на защиту, гарантированного ему Конституцией СССР. Невручение или несвоевременное вручение подсудимому копии обвинительного заключения является поэтому существенным нарушением закона².

При исчислении срока вручения подсудимому копии обвинительного заключения не принимается в расчет день фактического вручения этого документа. Так, если копия обвинительного заключения вручена подсудимому 15 сентября, то течение срока начинается с 16 сентября и слушать дело можно лишь 19 сентября.

Если течение срока заканчивается в нерабочий день, то срок автоматически продолжается до окончания следующего рабочего дня. Так, если течение срока заканчивается 1 мая, то, поскольку 2 мая является нерабочим днем, слушание дела не может состояться 3 мая, а должно быть перенесено на 4 мая.

Прокурор следит за тем, чтобы неукоснительно соблюдались установленные процессуальным законом сроки вручения подсудимому копии обвинительного заключения. В тех случаях, когда закон не допускает рассмотрения

¹ Исключение составляют случаи, предусмотренные законом от 1 декабря 1934 г., по делам о террористических организациях и террористических актах, законом от 14 сентября 1937 г., по делам о вредительстве и диверсиях, а также дела, рассматриваемые военными трибуналами в местностях, объявленных на военном положении, или в районе военных действий, для которых закон установил сокращенный срок — 24 часа. Согласно УПК Армянской ССР (ст. 218) копия обвинительного заключения должна быть вручена подсудимому не позже чем за два дня до слушания дела.

² УПК УССР (ст. 245) и УПК БССР (ст. 264) допускают при несвоевременном вручении подсудимому копии обвинительного заключения возможность рассмотреть дело в суде в том случае, когда подсудимый изъявил согласие на слушание дела.

дела вследствие невручения или несвоевременного вручения копии обвинительного заключения подсудимому, а председательствующий сам на это не реагировал, прокурор, не дожидаясь ходатайства адвоката, сам ставит перед судом вопрос об отложении слушания дела. При этом прокурор излагает сущность нарушения закона (например, копия обвинительного заключения вовсе не вручена или вручена с таким-то опозданием против установленного законом срока) со ссылкой на то, какая именно норма закона нарушена (например, ст. 235 УПК) и просит суд об отложении слушания дела.

Однако было бы ошибочным закрыть судебное заседание немедленно после установления факта невручения или несвоевременного вручения подсудимому копии обвинительного заключения.

У сторон могут быть различного рода ходатайства об истребовании дополнительных доказательств. Эти ходатайства целесообразно заслушать и разрешить на данном судебном заседании с тем, чтобы следующее судебное заседание было подготовлено как можно лучше и больше бы не откладывалось.

В одном из народных судов слушалось дело по обвинению А. в краже. Председательствующий установил, что копия обвинительного заключения хотя и была послана своевременно, но подсудимому вручена только накануне слушания дела. Сразу после этого слушание дела было отложено. При новом судебном разбирательстве защитник подсудимого возбудил ходатайство о направлении подсудимого на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу. Это ходатайство было настолько убедительным и обоснованным, что суд его удовлетворил. Адвокат имел в виду заявить это ходатайство в первом судебном заседании, но не сумел этого сделать, так как судебное заседание было закрыто до того, как стороны смогли изложить свои ходатайства. В результате этого в суд лишний раз были вызваны стороны, свидетели.

Поэтому суду следует до закрытия судебного заседания заслушать ходатайства сторон и принять по ним решения. Разумеется, это ни в какой мере не ограничивает права сторон на новые ходатайства в подготовительной части следующего судебного заседания.

При установлении самоличности подсудимого председательствующий обязан удостовериться, владеет ли под-

судимый языком, на котором происходит судопроизводство.

В тех случаях, когда подсудимый не владеет языком, на котором происходит судопроизводство, ему на основании ст. 110 Конституции СССР должен быть предоставлен переводчик.

Предоставление переводчика подсудимому, не владеющему языком, на котором происходит судопроизводство, является обязанностью суда. Прокурор надзирает за тем, чтобы эта конституционная гарантия не нарушалась. Если прокурор во время опроса подсудимого убедится в том, что тот плохо владеет или вовсе не владеет языком, на котором ведется судопроизводство, он по собственной инициативе обязан возбудить ходатайство о вызове переводчика, а если немедленная явка переводчика невозможна, то об отложении слушания дела.

Одновременно прокурор должен надзирать за тем, чтобы не были стеснены права подсудимого выступать на суде на родном языке. Это право подсудимого предусмотрено ст. 110 Конституции СССР. Нарушение этого права является основанием к отмене приговора.

Практика показывает, что прокуроры в ряде случаев не реагируют на такое нарушение прав подсудимого. Так, один народный суд рассматривал с участием районного прокурора дело по обвинению Д. Подсудимый Д. не владел ни местным, ни русским языками, а поэтому на предварительном следствии он допрашивался через переводчика. Однако при рассмотрении дела в суде переводчик вызван не был. Судя по протоколу судебного заседания, судопроизводство велось на русском языке. Участвовавший в деле прокурор никак не реагировал на это грубое нарушение закона, хотя его присутствие в суде, казалось бы, должно было обеспечить строгое соблюдение законности.

Вызов в суд специального переводчика обязателен и в тех случаях, когда подсудимый является глухонемым.

Явка подсудимого в судебное заседание является обязательной. Если подсудимый не доставлен в судебное заседание или не явился (в случае, если он на свободе), слушание дела должно быть отложено. К неявившемуся в суд без уважительных причин подсудимому суд вправе применить принудительные меры: подвергнуть его при-

воду или избрать меру пресечения, если она ранее не была избрана, или заменить ранее избранную меру пресечения на более строгую.

Слушание дела в отсутствие подсудимого допускается при наличии его прямо выраженного согласия на заочное рассмотрение дела. Суд, однако, может признать, что присутствие подсудимого в суде является необходимым для всестороннего исследования дела и обязать подсудимого явиться в суд.

Согласие подсудимого на заочное рассмотрение его дела должно быть выражено в такой форме, чтобы не оставалось никаких сомнений в том, что подсудимый действительно просит заслушать дело заочно. Такое заявление должно быть сделано лично судье, а если оно — в письменном виде — то подпись подсудимого должна быть надлежащим образом заверена.

Не может рассматриваться как согласие подсудимого на заочное слушание дела его заявление о невозможности явиться в суд на такое-то число. В этих случаях суд должен принять меры к явке подсудимого в судебное заседание или перенести судебное заседание на другой день с заблаговременным извещением об этом всех заинтересованных лиц.

Согласие защитника на заочное рассмотрение дела не дает еще суду права на такое рассмотрение, если защитник не был уполномочен подсудимым выразить его согласие.

Заочное слушание дел возможно также, если доказано, что подсудимый умышленно уклонился от вручения повестки о вызове в суд или скрывается от суда.

Побег обвиняемого из-под стражи после направления дела в суд может служить основанием к заочному рассмотрению дела.

Так, по делу М. Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении от 23 марта 1942 г., указал, что побег обвиняемого из-под стражи при доставлении его в суд может рассматриваться как уклонение его от суда и служить основанием для заочного рассмотрения дела.

Рассмотрение судом таких дел в отсутствие подсудимых допустимо, но не обязательно. В тех случаях, когда суд сочтет возможным слушать дело в отсутствие подсудимого, необходимо вынести об этом мотивированное

определение¹. Суд, однако, может признать, что несмотря на уклонение обвиняемого, дело в отношении последнего не может быть рассмотрено заочно и в таких случаях суд приостанавливает дело и принимает меры к доставлению или розыску подсудимого.

В тех случаях, когда подсудимый находится на свободе и не явился по вызову в судебное заседание, прокурору, прежде чем дать заключение о возможности слушать дело в отсутствие неявившегося подсудимого, необходимо тщательно выяснить причины неявки. В своем заключении как о возможности, так и о невозможности слушать дело заочно прокурор подробно обосновывает свои выводы фактическими данными об обстоятельствах и причинах неявки подсудимого в судебное заседание с обязательной ссылкой на закон. Совершенно недопустимы такого рода заключения: «Я не считаю возможным слушать дело заочно», или: «Я не возражаю против слушания дела заочно». Прокурору нельзя ограничиваться таким заявлением, надо объяснить, почему он возражает или не возражает, и объяснить так, чтобы ни у суда, ни у присутствующих в суде не осталось ни малейшего сомнения в правоте прокурора. Обвинителю следует помнить, что в судебном заседании право принимать решение по всем возникающим процессуальным вопросам принадлежит суду, и прокурор обязан убедить суд в правильности своего заключения.

После разрешения связанных с подсудимым вопросов председательствующий удостоверяется в явке других сторон и представителей их интересов.

Сторонами в уголовном процессе являются: прокурор, поддерживающий на суде обвинение, потерпевший — в тех случаях, когда законом ему предоставлено право поддержания обвинения в суде, а также представитель его интересов, обвиняемый, его законные представители и защитники, гражданский истец и гражданский ответчик², а также их представители. Само собой разумеется, что, если дело рассматривается с участием государственного обвинителя, его роль, как уже указывалось

¹ В областных и вышестоящих судах, а также в военных трибуналах заочное слушание дела возможно и в случаях, когда подсудимый находится вне пределов СССР.

² Гражданским ответчиком является лицо, несущее материальную ответственность за действия обвиняемого, если к этому лицу предъявлен гражданский иск при производстве по уголовному делу.

выше, далеко выходит за пределы роли обычной стороны в процессе.

В качестве государственного обвинителя в суде могут выступать только прокуроры, их заместители и помощники. По делам, которые согласно закону возбуждаются не иначе как по жалобе потерпевшего и подлежат прекращению в случае его примирения с обвиняемым, потерпевшему предоставлено право поддержания обвинения в суде, за исключением тех случаев, когда прокуратурой будет признано необходимым вступить в дело.

Защитниками в суде могут участвовать члены коллегии адвокатов. Помимо адвокатов, закон допускает участие в деле в качестве защитников близких родственников подсудимого (мужа, жены, отца, матери, сыновей и дочерей, родных братьев и сестер) и его законных представителей (родителей, усыновителей, опекунов, попечителей и представителей тех учреждений и организаций, на попечении которых находится подсудимый). Другие лица могут быть допущены в качестве защитника по особому определению суда

В качестве представителя интересов потерпевшего в тех случаях, когда ему предоставлено право поддержания обвинения на суде, а также в качестве представителей гражданского истца и ответчика могут выступать адвокаты, близкие родственники и законные представители.

При неявке прокурора или защитника, когда они должны были участвовать в деле, и в случае невозможности заменить их другими лицами, дело откладывается слушанием. Необходимо иметь в виду, что замену защитника другим защитником закон допускает только лишь с согласия на то подсудимого.

Согласно ст. 55 УПК РСФСР участие защитника в суде является обязательным, когда в деле участвует обвинитель, если подсудимый является немым, слепым или лишен в силу других физических недостатков способности правильно воспринимать происходящее в суде.

Кроме того, участие защитника в суде обязательно, если подсудимый не достиг 16-летнего возраста. Рассмотрение дела в отношении такого несовершеннолетнего без участия защиты является существенным нарушением прав подсудимого и служит безусловным поводом к отмене обвинительного приговора.

Участие защиты также обязательно при наличии про-

тиворечий между интересами подсудимых, если один из них имеет защитника. В этом случае суд обязан допустить защитника для каждого подсудимого в отдельности. Возложение защиты нескольких подсудимых на одного адвоката, если интересы подсудимых противоречивы, недопустимо. Верховный суд СССР неуклонно отменяет обвинительные приговоры, если установлено, что в процессе участвовал защитник, на которого была возложена защита нескольких подсудимых, имеющих противоречивые интересы¹.

Подсудимый вправе отказаться от защитника. В этом случае адвокат устраняется, и защита осуществляется самим подсудимым. Отказ подсудимого от защиты, однако, не служит препятствием для участия в деле обвинителя и гражданского истца, а также защитников других подсудимых.

Отказ подсудимого от защитника должен быть представлен суду в письменном виде или заявлен суду устно с занесением в протокол.

В практике некоторых судов имеются факты, когда дело назначено к слушанию с участием прокурора и адвоката, а адвокат не явился и суд спрашивает подсудимого, согласен ли он слушать дело без защитника, с участием прокурора. Такая практика является неправильной. Пленум Верховного суда СССР разъяснил, что нельзя смешивать отказ подсудимого от защитника с его согласием слушать дело без защитника. Отказ подсудимого от защитника, говорится в постановлении Пленума, предполагает его собственную инициативу, без всякого воздействия со стороны суда. Только в случае отказа подсудимого от защитника дело может слушаться с участием прокурора и без участия защитника. Суд же не вправе даже ставить перед подсудимым вопрос — согласен ли он слушать дело без защитника, но с участием прокурора.

Подсудимый вправе сам избирать для себя защитника или ходатайствовать перед судом о назначении ему защитника. Если подсудимый сам не избрал себе защитника, суд может по своей инициативе назначить ему защитника из числа членов коллегии адвокатов. Суд не может, однако, лишать подсудимого права на приглашение за-

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 14 февраля 1945 г. по делу К.

щитника по его выбору на том основании, что по делу участвует защитник по назначению. Это явилось бы грубым нарушением прав подсудимого на защиту.

Участвуя в судебном процессе, прокурор должен следить за тем, чтобы права обвиняемого на защиту не нарушались. Некоторые прокуроры считают, что вопросы организации защиты их не касаются. Такое мнение является порочным: прокурор обязан устранять любое нарушение законности, в чем бы оно ни заключалось, тем более, когда нарушаются права подсудимого на защиту. В этих случаях ему необходимо по своей инициативе обратиться на это внимание суда, сделав мотивированное заявление со ссылкой на закон.

Закон также регламентирует последствия неявки гражданского истца и потерпевшего.

Неявка гражданского истца или представителя его интересов влечет за собою устранение от рассмотрения гражданского иска.

Практика показывает, что некоторые прокуроры, участвуя в судебных заседаниях, пассивно относятся к неявке гражданского истца и сами не поддерживают заявленный гражданский иск даже в тех случаях, когда потерпевшими являются государственные или общественные организации, предприятия или учреждения.

Прокурор выступает в суде как представитель государства и должен обеспечивать интересы государства. Прокурор должен помнить, что закон (ст. 54 УПК) предоставляет ему право при наличии в деле гражданского иска поддерживать иск во всех стадиях процесса. Но это не только право, но и обязанность прокурора. Обвинитель не может допустить, чтобы интересы государственных и общественных организаций страдали из-за нерадивости их представителей. Поэтому, если гражданский истец не явился, вследствие чего могут пострадать имущественные интересы государственных или общественных организаций, предприятий и учреждений, прокурор обязан взять на себя поддержание гражданского иска в суде и уже затем принять соответствующие меры в отношении неявившихся представителей.

В случае неявки без уважительных причин потерпевшего по делу, по которому законом ему предоставлено право поддержания обвинения, дело подлежит прекращению.

Подсудимый, однако, в этом случае вправе просить суд рассмотреть дело по существу.

Потерпевший может участвовать в уголовном процессе не только в качестве обвинителя. Чаще всего потерпевший выступает в роли свидетеля, а когда преступлением ему причинен материальный ущерб, он вправе участвовать в процессе и как гражданский истец. По общему правилу, не допускается смешение функций стороны и свидетеля. Закон прямо предусматривает, что свидетель не может быть в том же деле защитником, обвинителем или представителем интересов потерпевшего или гражданского истца. Но для потерпевшего закон делает исключение: он может одновременно быть и свидетелем и гражданским истцом.

Следующим моментом подготовительной части судебного заседания является проверка председательствующим явки вызванных в суд свидетелей и экспертов и установление причин неявки отсутствующих.

Проверка наличия вызванных свидетелей и экспертов производится следующим образом: секретарь судебного заседания докладывает суду, кто вызывался в качестве свидетелей и экспертов, кто явился, кто не явился и причины неявки.

Председательствующий разъясняет явившимся свидетелям и экспертам, что они обязаны показывать все известное им по делу и предупреждает их об ответственности за ложные показания и за отказ от дачи показаний. Свидетели должны дать подписку в том, что они предупреждены об ответственности за дачу ложных показаний. Эта подписка отбирается у них по указанию председательствующего секретарем судебного заседания. После этого председательствующий предлагает свидетелям удалиться из зала суда.

Удаление свидетелей из зала заседания до их допроса судом преследует цель устранить влияние на показания свидетелей всего того, что происходит на суде, и тем самым обеспечить наиболее объективные свидетельские показания. В отличие от свидетелей эксперты остаются в зале заседания за исключением отдельных случаев, когда суд по своей инициативе или по ходатайству какой-либо из сторон признает необходимым удалить экспертов из зала заседаний.

б) Рассмотрение вопроса о возможности слушания дела и разрешение ходатайств сторон

Суд приступает к разрешению вопроса о возможности слушания дела в отсутствие неявившихся свидетелей и экспертов. Для этого председательствующий спрашивает обвинителя, гражданского истца, подсудимого, защитника, считают ли они возможным слушать дело в отсутствие неявившихся свидетелей и экспертов. Заслушав мнения сторон, суд решает вопрос о возможности слушания дела. Решение суда о возможности слушания дела или отложения его вследствие неявки вызванных свидетелей и экспертов выносится в виде мотивированного определения, которое заносится в протокол судебного заседания либо приобщается к протоколу в виде отдельного документа.

Давая заключение по этому вопросу, прокурор должен учитывать необходимость: 1) обеспечить полное и всестороннее исследование дела; 2) не допустить волокиты в рассмотрении дела. Поэтому прокурор не может и не должен давать заключение о возможности слушания дела в отсутствие неявившихся свидетелей, если их показания имеют существенное значение для дела и не могут быть восполнены другими доказательствами. Прокурор должен при этом иметь в виду, что оглашение показаний неявившегося свидетеля далеко не всегда может заменить его допрос в суде. Личные показания свидетеля перед судом часто бывают более убедительными, чем его письменные показания, прочитываемые вслух председательствующим или секретарем. Кроме того, необходимо учесть, что подсудимый может использовать неявку свидетеля в своих интересах, чтобы опорочить эти показания и подорвать у суда доверие к ним, а свидетель не сможет опровергнуть объяснения подсудимого.

Но если факт, для установления которого был вызван отсутствующий свидетель, может быть доказан путем использования других доказательств, например, путем допроса других явившихся в суд свидетелей или путем осмотра имеющихся в деле доказательств, прокурор, руководствуясь необходимостью устранить волокиту в разрешении дела, должен дать заключение о возможности слушания дела в отсутствие неявившегося свидетеля. При

этом он должен обосновать свое заключение ссылкой на доказательства, восполняющие пробел в доказательствах, образовавшийся вследствие неявки свидетеля.

Точно так же прокурор должен подходить к вопросу о возможности слушать дело при неявке вызванного эксперта. Далеко не всегда можно ограничиться оглашением заключения эксперта, данного на предварительном следствии, так как в ходе судебного разбирательства могут возникнуть новые вопросы к эксперту или могут потребоваться разъяснения эксперта в связи с новыми доказательствами, которые были представлены в судебном заседании. В некоторых случаях присутствие эксперта в суде необходимо для того, чтобы получить от него разъяснение о методологии произведенного им исследования.

Неправильно поступил государственный обвинитель при рассмотрении 11 апреля 1950 г. в народном суде 1-го участка Кагановичского района г. Молотова дела по обвинению Горшунова и Краснова, когда он дал заключение о возможности слушания дела при неявке вызванного эксперта. Подсудимые обвинялись в том, что они преступно-халатно отнеслись к осмотру силового понтона сплочной машины и к ее подготовке к буксировке, в результате чего этот понтон был затоплен. Совершенно очевидно, что столь специфическое дело требовало участия специалиста-эксперта. Тем более участие эксперта в суде было необходимо в данном случае, так как заключение эксперта на предварительном следствии было неполным. Несмотря на это, государственный обвинитель, как указывалось выше, дал заключение о возможности слушания дела в отсутствие эксперта вместо того, чтобы возбудить перед судом ходатайство о принятии мер к его вызову. Отсутствие эксперта привело к явной неполноте исследования дела, в частности не были установлены материальные последствия преступления, что, несомненно, отрицательно повлияло на приговор суда.

Прежде чем дать заключение о необходимости отложения слушания дела вследствие неявки свидетелей или экспертов, прокурору надлежит тщательно взвесить, нет ли возможности обеспечить их явку, не откладывая слушание дела. Если для этого необходимо навести справки, прокурор просит у суда объявить непродолжительный перерыв. Если прокурор установит, что можно обеспечить явку свидетелей в данное судебное заседание, он дает заклю-

чение о возможности продолжать судебное заседание, с повторным вызовом неявившихся свидетелей и экспертов.

Необходимо подчеркнуть, что обеспечение явки в суд свидетелей, подлежащих допросу в судебном заседании, должно находиться в поле зрения прокурора еще в стадии предварительного следствия. Хотя вызов свидетелей в суд является обязанностью суда, прокурор не может стоять в стороне от этого. Намечая список свидетелей, подлежащих вызову в судебное заседание, прокурор учитывает реальную возможность явки этих свидетелей в суд. В тех случаях, когда показания свидетеля имеют существенное значение для дела, прокурору, например, необходимо дать указания руководителю организации, где свидетель работает, чтобы его на время судебного процесса не направляли в командировку, а если свидетель находится под стражей — принять меры к тому, чтобы до окончания дела его не этапировали в другое место и т. п.

Суд опрашивает стороны, не имеется ли у них ходатайств о вызове новых свидетелей и экспертов, кроме тех, которые уже вызваны судом, или об истребовании других доказательств, или о приобщении к делу доказательств, имеющихся на руках у сторон.

Прокурор, гражданский истец, подсудимый или его защитник могут представить суду новые доказательства, которые не фигурировали в материалах предварительного следствия, а также просить суд вызвать новых свидетелей, затребовать новые документы, назначить новую экспертизу.

Стороны, возбудившие такие ходатайства, обязаны указать, для чего именно, в разъяснение каких обстоятельств необходим вызов новых свидетелей, истребование нового документа и т. п.

По ходатайствам подсудимого и его защитника суд заслушивает заключение прокурора и мнение гражданского истца. По ходатайствам прокурора и гражданского истца суд заслушивает мнение подсудимого и его защитника.

Затем суд принимает решение по заявленным ходатайствам, о чем выносится определение суда. Определение суда об отклонении ходатайства должно быть мотивированным.

Если обстоятельства, о выяснении которых ходатайствуют стороны, имеют существенное значение для дела,

суд не вправе отказать в удовлетворении такого ходатайства.

Если суд отклонил ходатайство, то это не лишает стороны права вновь заявить это ходатайство в дальнейшем на протяжении судебного следствия.

Суд не может отклонить заявленное ходатайство только на том основании, что возбужденное ходатайство уже рассматривалось ранее на подготовительном заседании или что ходатайство подсудимого о дополнительных доказательствах не было им ранее заявлено по окончании предварительного следствия или на подготовительном заседании.

Верховный суд СССР в ряде своих постановлений и определений неоднократно указывал на недопустимость необоснованного отклонения ходатайств сторон и отменял приговоры, вынесенные с нарушением этого принципа.

47-й Пленум Верховного суда СССР разъяснил: «.. суды обязаны обеспечить сторонам в деле,— в частности, подсудимому,— возможность защиты своих интересов и обосновывать приговоры данными, рассмотренными в судебном заседании. Вызов и допрос в суде свидетелей является одним из основных способов наиболее полной, объективной и гарантирующей правильность судебного приговора непосредственной проверки доказательств обвинения. Поэтому суды не вправе отказывать в вызове в судебное заседание свидетелей, указанных в списке, приложенном к обвинительному заключению, а равно и по дополнительным ходатайствам сторон, если последние указывают конкретные факты и данные, выясняющие дело и могущие быть удостоверенными свидетелями, о вызове которых они просят»¹.

Удовлетворение судом ходатайств сторон о вызове новых свидетелей и экспертов, об истребовании новых доказательств в некоторых случаях может повлечь отложение дела, но в других случаях, когда, например, судебный процесс длится несколько дней или, когда свидетель находится недалеко от места слушания дела, суд, не прерывая слушания дела, может разрешить сторонам доставить дополнительные доказательства. Председательствующий в случае необходимости выдает стороне, заявившей ходатай-

¹ «Сборник действующих постановлений Пленума Верховного суда СССР», Госюриздат, 1952, стр. 80.

ство, соответствующее свидетельству на право получения документов из учреждения, повестки для вручения свидетелям или делает распоряжение о высылке документов в суд и вызове свидетелей. Само собой разумеется, что прокурору не нужно свидетельства суда для получения тех или иных документов из учреждений и организаций, поскольку требование прокурора о выдаче ему документа является для всех советских учреждений и общественных организаций обязательным.

Когда суд переходит к опросу сторон об имеющихся у них до пачала судебного следствия ходатайствах, весьма важно, чтобы прокурор использовал свое право ходатайствовать о приобщении новых документов, вызове новых свидетелей и т. п., если в этом есть необходимость. Известно, что стороны вправе заявлять подобные ходатайства и на более поздней стадии судебного разбирательства, однако в некоторых случаях целесообразно, чтобы прокурор заявил эти ходатайства до начала судебного следствия, чтобы быть вполне уверенным в своевременности явки свидетелей, экспертов.

Трудно и даже невозможно заранее определить, в каких именно случаях прокурору необходимо ходатайствовать до начала судебного следствия об истребовании новых доказательств. Это зависит от особенностей и обстоятельств каждого дела. Но все же можно назвать некоторые типичные случаи, когда такие ходатайства необходимо заявить.

Бывает, что после направления дела в суд устанавливается местонахождение свидетеля, которого не удалось обнаружить и вызвать во время предварительного следствия. Между тем показания этого свидетеля, подкрепляющие предъявленное обвинение, или, наоборот, опровергающие его, имеют существенное значение для дела, в чем прокурор убедился из поступившего к нему заявления, объяснения, сообщения. В этом случае прокурору целесообразно заблаговременно заявить ходатайство перед судом о вызове этого свидетеля в судебное заседание.

Иногда прокурору уже после направления дела в суд становится известным о наличии документа, имеющего значение для разрешения вопросов, возникающих в подготовительной части судебного заседания. Прокурор должен истребовать такой документ и ходатайствовать перед судом о приобщении его к делу.

Может быть и такой случай: прокурору перед судом доставили записку, которую подсудимый пытался передать родным или своим соучастникам, и из этой записки видно, что подсудимый подговаривает свидетелей или других подсудимых изменить свои показания. Как правило, подобные записки тактически более выгодно использовать во время допроса подсудимого. Но если в связи с этой запиской необходимо вызвать свидетелей или экспертов, или прокурор, исходя из конкретных обстоятельств дела, считает целесообразным показать подсудимому, что его попытки разоблачены, он просит суд о приобщении этой записки к делу до начала судебного следствия.

Возбуждая ходатайство о вызове новых свидетелей или о приобщении имеющихся на руках у прокурора доказательств, прокурору следует обосновать свое ходатайство таким образом, чтобы убедить суд в необходимости его удовлетворения. Для этого он должен четко указать, какой именно документ он просит приобщить и в подтверждение какого именно обстоятельства этот документ необходим суду. То же самое относится и к ходатайствам о вызове свидетелей. Обвинитель сообщает суду фамилию свидетеля, точное его местонахождение и в подтверждение каких именно обстоятельств, имеющих значение для дела, он вызывается. При этом прокурор обязательно должен сделать ссылку на закон, например, прокурор, выступающий на территории РСФСР, должен сослаться на ст. 272 УПК.

Если суд отклоняет ходатайство прокурора, он не должен вступать в пререкания с судом. Но если суд вопреки ст. 253 УПК не мотивировал своего отказа в удовлетворении ходатайства, прокурор обязан просить суд о приведении этих мотивов, а если определение вынесено в устной форме — проследить за тем, чтобы мотивировка отклонения ходатайства была занесена в протокол судебного заседания.

Прокурор по закону обязан давать свое заключение по поводу ходатайств, заявленных подсудимым и его защитником. Прокурор должен возражать против необоснованных ходатайств и своим мотивированным и обоснованным заключением решительно пресекать всякие попытки искусственно осложнить процесс или затянуть разбор дела.

Вместе с тем следует предостеречь прокуроров от огульных возражений против любого ходатайства защиты.

Так, например, адвокат возбудил ходатайство о вы-

зове дополнительных свидетелей и экспертов при рассмотрении Ленинградским городским судом дела по обвинению Шеляпиных в убийстве. Государственный обвинитель по этому ходатайству дал следующее заключение: «Я не возражаю против допроса Пилевина Николая Матвеевича и экспертов, но допрос Пилевина Владимира считаю излишним». Такое немотивированное заключение, конечно, не могло убедить суд, да и по существу оно было неправильным, так как Владимир Пилевин мог дать существенные показания по делу. Суд полностью удовлетворил ходатайство адвоката, особо подчеркнув в своем определении, что это делается «в целях наиболее объективного рассмотрения дела».

Внимательно и вдумчиво относясь к ходатайствам, заявленным подсудимыми и защитниками, обвинителю ни в коем случае не надо возражать, если удовлетворение этих ходатайств может содействовать более полному и всестороннему исследованию обстоятельств дела или опровергнуть предъявленное подсудимому обвинение или смягчить его ответственность.

Вместе с тем, соглашаясь с заявленным ходатайством, прокурор должен продумать, какие доказательства он может использовать в противовес новым доказательствам защиты, и если у него есть возможность такие доказательства представить, он должен это сделать.

В тех случаях, когда прокурор соглашается с заявленным ходатайством, он, как правило, может ограничить свое заключение кратким заявлением: «Против удовлетворения заявленного ходатайства возражений не имею». Только в некоторых случаях, когда заявленное ходатайство имеет большое значение для дела и прокурор с ходатайством согласен, — он должен мотивированно поддерживать это ходатайство, чтобы в свою очередь убедить суд в необходимости удовлетворения этого ходатайства.

Однако в тех случаях, когда прокурор с ходатайством не согласен, он всегда обязан подробно обосновать свое несогласие.

В практике встречаются многочисленные факты, когда, возражая против заявленного ходатайства, прокурор ограничивается заявлением: «Считаю нецелесообразным удовлетворить ходатайство», или «считаю заявленное ходатайство неправильным, а потому оно подлежит отклонению». Подобные заключения недопустимы. Они никого убедить

не могут. Прокурору надлежит кратко, но убедительно показать, по каким именно основаниям он считает данное ходатайство неправильным, по каким именно соображениям он просит суд отклонить заявленное ходатайство. Так, например, защитник возбуждает ходатайство о вызове в суд свидетеля Иванова. Между тем в деле имеется справка, что еще в процессе предварительного следствия принимались меры к вызову Иванова, но оказалось, что он выбыл в другой город, а по поводу обстоятельств, о которых мог дать показания Иванов, были допрошены другие свидетели, давшие исчерпывающие показания по этому вопросу. В этом случае заключение прокурора будет построено примерно так: «Я возражаю против удовлетворения ходатайства адвоката А. о вызове свидетеля Иванова по следующим соображениям: 1) свидетель Иванов вызывается для подтверждения такого-то обстоятельства (кратко указать это обстоятельство, как оно изложено в ходатайстве защитника), но по поводу этого обстоятельства допрошены свидетели Абрамов, Семенов и Федоскин. Таким образом, показания свидетеля Иванова могут только повторить уже имеющиеся в распоряжении суда доказательства; 2) как видно из имеющейся в деле справки (том I, лист дела 72), свидетель Иванов выбыл в город Н., и вызов его неминуемо должен повлечь отложение дела, а, как я уже доложил суду, Иванов не является единственным свидетелем и обстоятельства, для выяснения которых возбуждено ходатайство о его вызове, могут быть исчерпывающе выяснены при допросе вызванных в суд свидетелей Абрамова, Семенова и Федоскина. По изложенным основаниям прошу суд отклонить ходатайство адвоката А. о вызове свидетеля Иванова».

Прокурор сумеет выполнить свою обязанность и убедить суд в обоснованности или в необоснованности заявленного ходатайства об истребовании новых доказательств лишь в том случае, если он сам отлично знаком с материалами дела.

К чему приводит недостаточное знание материалов дела свидетельствует следующий факт:

Подсудимый заявил на суде ходатайство о вызове дополнительного свидетеля для подтверждения его объяснений. Государственный обвинитель поддержал это ходатайство, и суд его удовлетворил. Дело было отложено слушанием на два дня. При вручении повестки вновь вызван-

ному свидетелю выяснилось, что тот три месяца тому назад умер.

Между тем в деле имелись данные о том, что этого свидетеля нет в живых. Если бы прокурор изучил полностью дело, он убедился бы в том, что следователь в свое время интересовался этим свидетелем, но установил, что свидетель умер. Прокурор в этом случае не поддержал бы необоснованного ходатайства подсудимого, и дело не откладывалось бы. А ведь всякое откладывание дела сопряжено с повторным вызовом обвиняемых, свидетелей, экспертов, с отрывом их от работы и т. д.

в) Разъяснение прав подсудимому и разрешение отводов

Председательствующий разъясняет подсудимому его право задавать вопросы свидетелям, экспертам, другим подсудимым, если они имеются, давать объяснения по поводу всего дела или отдельных его обстоятельств в любой момент судебного следствия, независимо от того, участвует ли в деле защитник или дело слушается без участия защитника. Если в судебном разбирательстве участвует потерпевший, председательствующий обязан разъяснить потерпевшему его право на предъявление гражданского иска, если он не был раньше заявлен. В тех случаях, когда потерпевший заявляет о предъявлении гражданского иска, суд должен решить вопрос о признании его гражданским истцом и о допущении его к участию в деле в качестве стороны. Заявление потерпевшего заносится в протокол, а о признании его гражданским истцом судом выносятся определение.

Отказ подсудимого от дачи показаний в суде не может лишить его права участвовать в судебном заседании, задавать вопросы свидетелям и воспользоваться последним словом.

Затем председательствующий объявляет состав суда и сторон, разъясняет право отвода и спрашивает стороны, нет ли у них заявлений об отводе.

Судья на основании ст. ст. 43 и 45 УПК подлежит отводу в следующих случаях:

1) когда он является стороной в деле или родственником какой-либо из сторон; 2) когда он сам или его родственники являются заинтересованными в исходе дела;

3) когда он участвовал в деле в качестве лица, производившего дознание, следователя или обвинителя, защитника или представителя интересов или гражданского истца по данному делу, или в качестве свидетеля или эксперта; 4) если имеются иные обстоятельства, вызывающие сомнения в его беспристрастности.

Руководящие работники организации, являющейся гражданским истцом по делу, не могут участвовать в составе суда при судебном рассмотрении этого дела.

Не может участвовать в качестве судьи по делу бухгалтер, проверявший в силу служебного положения деятельность подотчетного лица и обнаруживший при этом данные, послужившие основанием для привлечения этого лица к уголовной ответственности.

Не может участвовать в новом рассмотрении дела судья, бывший уже однажды в составе суда, рассматривавшего это дело, но приговор которого был отменен (ст. 44 УПК). Такой судья, если его включили в состав суда, должен быть, безусловно, отведен, так как он при первом рассмотрении дела уже составил себе определенное убеждение по данному делу, ввиду чего ему трудно будет отрешиться от своей точки зрения и, как правило, его мнение при повторном рассмотрении дела будет предвзятым.

Состав суда должен быть законным. Это означает, что все судьи, входящие в состав суда, должны быть избраны в порядке, установленном Законом о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик. Если судья или народный заседатель не был избран на свой пост в законном порядке, он должен быть немедленно отведен.

В составе суда не могут участвовать лица, связанные друг с другом родственными отношениями (ст. 41 УПК), так как это создавало бы опасность для независимости их суждений. Судьи-родственники могли бы произвольно влиять друг на друга. Поэтому, если в составе суда окажутся двое родственников, то один из них должен быть отведен.

Неправильный состав суда обязательно влечет за собой отмену приговора. Это неоднократно подчеркивалось в постановлениях Пленума и определениях судебных коллегий Верховного суда СССР. Так, постановлением Пленума Верховного суда СССР от 13 апреля 1940 г. по делу С. приговор был отменен на том основании, что в его

рассмотрении участвовали народные заседатели не линейного суда, а местного народного суда.

Если имеются основания к отводу, судья сам должен себя устранить от участия в деле. Если судья сам себя не устранил от участия в деле, он подлежит отводу по заявлению сторон. Отвод должен быть заявлен стороной до начала судебного следствия. Более поздние заявления об отводе могут быть сделаны сторонами только в том случае, если основания отвода стали известны лишь после начала судебного следствия

Заявленный против судьи отвод разрешается остальными участвующими в деле судьями в отсутствие отводимого судьи. Участие отводимого судьи в обсуждении заявленного отвода влечет за собой безусловную отмену приговора, вынесенного в этом составе суда.

Если голоса разделились — один за отвод, а другой — против отвода, — судья считается отведенным.

Если отвод заявлен сразу двум судьям, он разрешается в таком же порядке последовательно в отношении каждого отводимого судьи в отдельности: двое судей решают вопрос об отводе третьего. В том случае, если отвод отклонен, этот судья вместе с тем судьей, против которого не был заявлен отвод, решают вопрос об отводе второго судьи.

В законе нет указания, в каком порядке разрешается отвод, заявленный всему составу суда. В этих случаях, исходя из сложившейся практики, отвод должен обсуждаться всем данным составом суда и разрешаться большинством голосов.

Секретарь суда может быть отведен по основаниям, установленным законом для отвода судьи, с тем исключением, что участие секретаря в рассмотрении дела, приговор по которому был отменен, не препятствует его участию при вторичном рассмотрении дела (ст. 48 УПК). Отвод, заявленный секретарю, разрешается судом.

Особенно важна роль прокурора при разрешении вопроса о законности состава суда. Прокурор обязан сам заявить отвод незаконному составу суда, а также обеспечить, чтобы отводы, заявленные другими участниками процесса, разрешались в соответствии с требованиями закона, о которых говорилось выше.

Заявляя отвод, прокурору следует подтвердить фактами его основательность и сослаться на закон, делающий

невозможным участие судьи или судей в рассмотрении данного дела. Прокурор подлежит отводу по тем же основаниям, по которым должны быть отведены судьи (ст. 49 УПК).

Однако участие прокурора в производстве дознания или предварительного следствия по делу или поддержание им обвинения при первом судебном разбирательстве не может служить основанием к его отводу.

Отвод прокурору должен быть заявлен стороной немедленно после того, как ей стало известно основание к отводу. Если основание к отводу прокурора стало известно стороне до начала процесса, отвод должен быть заявлен в подготовительной части судебного заседания после того, как председательствующим будет задан вопрос о наличии отводов.

В тех случаях, когда согласно закону прокурор подлежит отводу, он не должен ожидать, чтобы защитник или подсудимый заявили ему отвод, а должен сам себя отвести еще до начала судебного заседания. Если отвод против него был заявлен в суде и является основательным, прокурор должен присоединиться к отводу. Если отвод неоснователен, прокурор не должен давать заключения по этому вопросу и не может вступать в полемику по поводу отвода. Он должен предоставить суду самому разрешить этот вопрос и только отвечать на вопросы суда, если такие вопросы будут ему заданы в порядке выяснения оснований отвода.

Защитник, а также представители интересов потерпевшего и гражданского истца могут быть отведены лишь в одном случае — когда они участвуют в деле в качестве свидетелей, так как согласно ст. 56 УПК «лицо, участвующее в деле в качестве свидетеля, не может быть в том же деле защитником, обвинителем, а также представителем интересов потерпевшего и гражданского истца».

Отвод может быть заявлен также переводчикам и экспертам (ст. 48 УПК). Основание для отвода этих лиц и порядок разрешения отвода — такие же, как и для отвода секретаря суда. Не может участвовать в деле в качестве эксперта лицо, выводы которого основаны на сведениях, известных ему как свидетелю. Такое лицо, вызванное в суд в качестве эксперта, может быть допрошено только в качестве свидетеля, а в качестве эксперта должно быть

вызвано другое лицо, отвечающее требованиям, предъявляемым к экспертам.

Порядок подготовительной части судебного заседания изложен нами в соответствии с очередностью судебных действий, установленной Уголовно-процессуальным кодексом. Согласно этому порядку вопрос об отводе судей и сторон ставится и решается в самом конце подготовительной части судебного заседания (ст. 278 УПК). Однако судебная практика относит момент объявления состава суда и сторон и разрешение вопроса об отводах не к концу подготовительной части судебного заседания, а сразу после того, как суд удостоверился в явке сторон, личности подсудимого и разъяснил последнему его процессуальные права.

Целесообразность этого вызывается тем, что сначала следует разрешить вопрос о возможности слушать дело в данном составе суда, а только после этого должен решиться вопрос о возможности слушания дела при имеющихся источниках доказательств (явившихся свидетелях, экспертах и т. п.).

§ 3. Участие обвинителя в судебном следствии

Участвуя в судебном следствии, прокурор должен иметь в виду, что задачи судебного следствия не ограничиваются одной лишь проверкой доказательств, собранных на предварительном следствии. Суд не только может, но и обязан проявить инициативу в отыскании новых доказательств, необходимых для всестороннего исследования дела, не только может, но и должен выйти за рамки доказательств, собранных предварительным следствием, если оно было проведено неполно, и исследовать дело с исчерпывающей полнотой.

Судебное следствие должно быть произведено с такой полнотой, чтобы суд имел возможность в своем приговоре разрешить все вопросы, на которые он по закону обязан ответить, а именно:

- 1) имело ли место, когда и где, деяние, приписываемое подсудимому по обвинительному заключению;
- 2) содержит ли это деяние состав преступления;
- 3) совершил ли это деяние подсудимый;
- 4) подлежит ли применению к подсудимому мера наказания;

5) какая именно мера наказания должна быть назначена подсудимому и подлежит ли она отбытию подсудимым;

6) подлежит ли удовлетворению заявленный гражданский иск, а если иск заявлен не был, то надлежит ли принять меры обеспечения могущего быть заявленным гражданского иска.

Известно, что в результате правильно проведенного судебного следствия во многих случаях добываются дополнительные доказательства, убедительно подтверждающие и подкрепляющие материалы предварительного следствия, создающие более прочную базу для вынесения обвинительного приговора. В других случаях — новые доказательства или исследование ранее собранных доказательств в обстановке судебного процесса меняют всю перспективу дела и приводят к вынесению оправдательных приговоров, или к изменению квалификации преступления, или, наконец, к обращению дела на новое расследование в том случае, если выясняется, что подсудимый совершил иное или более тяжкое преступление.

Этим и определяется значение судебного следствия.

Прокурор должен учитывать и то большое воспитательное значение, которое имеет каждый судебный процесс.

«Всею своею деятельностью,— гласит ст. 3 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик,— суд воспитывает граждан СССР в духе преданности Родине и делу социализма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, дисциплине труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правилам социалистического общежития».

Изобличение преступника, наглядный показ присутствующим в зале суда гражданам всей опасности и вредности совершенного преступления воспитывают чувство нетерпимости к нарушителям советских законов.

В тех случаях, когда обстоятельства дела позволяют сделать выводы, выходящие за рамки установления конкретной вины подсудимых, и вскрыть причины, способствовавшие совершению преступления, прокурор обязан в ходе судебного следствия выяснить все эти обстоятельства с тем, чтобы вызвать у присутствующих сознание необходимости активно бороться против причин, способ-

ствовавших возникновению преступлений. Так, например, если установлено, что подсудимый встал на преступный путь в результате неправильного воспитания в семье или школе, прокурор должен во время судебного следствия выявить это обстоятельство с тем, чтобы присутствующие могли извлечь из него урок для себя и сделать соответствующие выводы.

Но даже в тех случаях, когда в зале суда нет посторонних граждан, прокурору необходимо провести судебное следствие таким образом, чтобы выявить все причины и обстоятельства, способствовавшие возникновению или совершению преступления. Это даст возможность суду в необходимых случаях вынести частное определение, направленное на устранение этих причин. Для этого иногда следует допросить в суде в качестве свидетелей не только лиц, показания которых помогают изобличению преступника, но и тех свидетелей, которые помогают суду уяснить обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, с тем, чтобы суд мог соответствующим образом на это реагировать в целях предупреждения аналогичных преступлений в дальнейшем.

Во время судебного следствия — этой важнейшей части судебного разбирательства, которая охватывает ряд процессуальных действий, — прокурор обязан, как и в подготовительной части судебного заседания, обеспечить неуклонное соблюдение процессуальных норм.

а) Оглашение обвинительного заключения

Судебное следствие начинается чтением обвинительного заключения по делу (ст. 279 УПК). Процессуальный закон требует чтения обвинительного заключения, и поэтому совершенно недопустимо ограничиваться оглашением выдержек из обвинительного заключения, оглашением только резолютивной части или изложением содержания обвинительного заключения. Оно должно быть оглашено полностью¹. В тех случаях, когда определением

¹ Исключение составляет УПК Узбекской ССР, согласно ст. 113 которого судебное следствие начинается с разъяснения председателем подсудимому сущности предъявленного ему обвинения. Таким образом, согласно УПК Узбекской ССР обвинительное заключение в судебном заседании может не оглашаться.

подготовительного заседания изменена квалификация преступления (например, обвинительное заключение квалифицировало преступление по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», а на подготовительном заседании суд изменил квалификацию на ст. 1 этого Указа), — председательствующий должен огласить также определение подготовительного заседания.

Действующий закон не регламентирует, кто именно оглашает обвинительное заключение — это может сделать председательствующий, члены суда или секретарь судебного заседания.

Если председательствующий допустит отступление от изложенных выше требований закона, относящихся к оглашению обвинительного заключения, прокурор обязан сделать соответствующее заявление суду. В этом заявлении прокурор в корректной форме должен обратить внимание суда на допущенное нарушение или отступление от закона и просить суд принять меры к тому, чтобы закон был соблюден.

Заявление прокурора суду должно быть облечено примерно в следующую форму: «Статья 279 УПК требует, чтобы в судебном заседании было зачитано обвинительное заключение, именно обвинительное заключение, а не часть его. В связи с этим прошу об оглашении обвинительного заключения полностью».

В случае неудовлетворения этого заявления прокурора, последний требует занесения своего заявления в протокол судебного заседания.

После того как оглашено обвинительное заключение, председательствующий опрашивает подсудимого, понятно ли ему предъявленное обвинение и в случае необходимости разъясняет подсудимому сущность обвинения в понятных для подсудимого выражениях (ст. 280 УПК). Затем председательствующий спрашивает подсудимого, признает ли он себя виновным и желает ли он дать объяснения по делу. Если по делу имеются несколько подсудимых, председательствующий обязан опросить каждого из них в отдельности, понятно ли предъявленное обвинение, признает ли данный подсудимый себя виновным и желает ли он дать объяснения.

В этот момент подсудимый еще не дает своих показа-

ний по существу обвинения, не допрашивается судом и сторонами, он только отвечает на вопрос, признает ли он себя виновным полностью или частично, или совсем не признает и желает ли он давать объяснения суду.

б) Порядок судебного следствия

Закончив опрос подсудимых по вопросу о том, признают ли они себя виновными, суд заслушивает заявления сторон — в каком порядке они предлагают вести судебное следствие: начинать ли с допроса подсудимых или свидетелей, в каком именно порядке свидетели и подсудимые должны быть допрошены и т. д. Первым заслушивается заключение прокурора, а затем мнение защитников и подсудимых.

Заслушав заявления сторон, суд выносит определение о порядке исследования доказательств. При этом суд может не согласиться с предложениями сторон и принять иной порядок.

Для государственного обвинителя имеет важное значение определение порядка судебного следствия. Далеко не безразлично, в какой последовательности будут проверяться на суде отдельные доказательства, в какой очередности будут допрашиваться подсудимые и свидетели, в какой момент судебного следствия будет произведена экспертиза и допрошены эксперты, когда будет произведен осмотр вещественных и письменных доказательств и т. д.

Порядок судебного следствия имеет важное значение для полноты и всесторонности исследования доказательств, для изобличения подсудимого в предъявленном обвинении. Когда судебное следствие проводится логически последовательно, то яснее и рельефнее раскрывается перед судом картина преступления, личность подсудимого и доказательства становятся более убедительными.

Прокурор не может упускать из виду, что обязанность доказывания или, как принято выражаться, бремя доказывания лежит на обвинителе, и поэтому обвинитель должен заранее продумать, как он использует собранные по делу доказательства и в каком порядке он их представит суду, чтобы для суда они были убедительными.

Особо важное значение приобретает тщательная подготовка плана судебного следствия в тех случаях, когда под-

судимые отрицают свою виновность, или когда рассматривается дело о группе подсудимых, или когда само дело состоит из многих эпизодов.

То, что выше было сказано о значении логического построения исследования доказательств, еще в большей степени относится к тем случаям, когда обвинитель оперирует косвенными доказательствами (уликами).

Несмотря на очевидность большого значения заранее продуманного плана судебного следствия, многие прокуроры заранее не составляют таких планов и очень часто, когда председательствующий спрашивает у прокурора его мнение относительно порядка судебного следствия, ограничиваются трафаретной фразой: «Судебное следствие прошу вести в том порядке, как указано в обвинительном заключении». Между тем к обвинительному заключению прилагается лишь список обвиняемых и свидетелей, которые вызываются в суд, но вовсе не устанавливается последовательность их допроса в суде. Обычно следователь составляет перечень обвиняемых, исходя из роли каждого из них; главный обвиняемый помещается в списке первым. На практике же часто бывает, что главный обвиняемый не признает себя виновным и изобличается в совершении преступления своими соучастниками. Совершенно естественно, что в этом случае было бы вредно для дела начать допрос с того подсудимого, который значится в списке первым: отрицая свою виновность, он может повлиять на своих соучастников, которые ранее признавали себя виновными и побудить их к отказу от своего признания. В этом случае, бесспорно, следует начать допрос с тех подсудимых, которые изобличают главного подсудимого, хотя они, возможно, значатся в перечне обвиняемых последними.

Перечень свидетелей обычно составляется следователем без учета той логической последовательности, в которой они должны быть допрошены в суде. Чаще всего свидетели указываются в перечне в той последовательности, в которой расположены в деле протоколы их допросов.

Поэтому важно, чтобы прокурор при утверждении обвинительного заключения обращал внимание на список лиц, вызываемых в судебное заседание, требуя расположения их в той последовательности, которая соответствовала бы порядку их допроса во время судебного следствия.

Однако этим ограничиваться нельзя, так как список обвиняемых и свидетелей, подлежащих вызову в судебное заседание, может быть изменен в подготовительном заседании (если в отношении кого-либо из обвиняемых суд на подготовительном заседании прекратил или приостановил дело, исключил часть свидетелей или вызвал новых и т. п.), или бывает, что в подготовительной части судебного разбирательства по ходатайству сторон вызываются новые свидетели, истребуются новые документы и т. д., что неизбежно потребует составления особого плана судебного следствия, учитывающего все изменения, происшедшие после составления и утверждения обвинительного заключения.

Если обвинителю для составления плана судебного следствия требуется время, он должен просить суд об объявлении необходимого перерыва, но ни в коем случае не идти на то, чтобы из-за недостатка времени предложить недостаточно продуманный план судебного следствия.

В некоторых случаях прокуроры ограничиваются предложением о последовательности допроса одних подсудимых, а в отношении последовательности допроса свидетелей отделяются общей фразой: «после чего (то есть допроса подсудимых в таком-то порядке) прошу перейти к допросу свидетелей». Такое предложение прокурора также является неправильным. Мало сказать, что судебное следствие должно начаться с допроса подсудимых, но необходимо точно определить последовательность допроса свидетелей.

Неконкретные, неправильные предложения о порядке судебного следствия вносят не только прокуроры, выступающие впервые в суде, но иногда и опытные прокуроры. Так, по делу Г., Б. и других, рассматривавшемуся в Московском городском суде, по которому выступал опытный прокурор, все же было дано неправильное заключение о порядке исследования судебных доказательств. Прокурор заявил: «Предлагаю начать исследование с допроса подсудимых по списку: Г., Д., Б, С., а затем допросить свидетелей». В суд было вызвано десять свидетелей. Спрашивается, кого же из этих свидетелей допросить первым, кого вторым? Каково отношение государственного обвинителя к очередности допроса свидетелей? Между тем именно по этому делу последовательность допроса свидетелей имела большое значение.

Мы так подробно останавливаемся на вопросе о заключении прокурора по поводу плана судебного следствия потому, что, как показывает практика, до сих пор существует недооценка этого вопроса.

Более того, имеются факты, когда вопреки закону заключение о порядке судебного следствия первым дает защитник. Так, при рассмотрении народным судом 1-го участка Парголово района Ленинградской области дела по обвинению Ж. и Д. по ст. 59³⁶ УК, заключение о порядке судебного следствия дали первыми адвокаты, а прокурор, видимо, считая это в порядке вещей, дал следующее заключение: «Я согласен с мнением защиты и полагаю начать судебное следствие с допроса свидетелей, а затем подсудимых (начиная с Ж.), а после допросить Д».

Необходимо подчеркнуть, что какой-либо общей обязательной схемы порядка судебного следствия, пригодной на все случаи жизни, не существует. Порядок судебного следствия зависит от конкретных особенностей каждого дела, однако могут быть приведены некоторые общие соображения. Если подсудимый полностью признал себя виновным, то судебное следствие в соответствии со ст. 280 УПК следует начать с выслушивания объяснений подсудимого. Если подсудимых несколько и все они полностью признали себя виновными, то следует сначала выслушать объяснения главных обвиняемых, а затем второстепенных. В тех случаях, когда подсудимый признал себя виновным в основном, но оспаривает отдельные второстепенные факты, судебное следствие также целесообразно начать с допроса подсудимого.

Если подсудимых несколько и часть их признает себя виновными, а часть отрицает свою виновность, следует начать судебное следствие с допроса тех подсудимых, которые признали себя виновными, причем должна быть продумана последовательность допроса того из признавших свою вину подсудимых, показания которого могут наиболее полно осветить картину всего преступления, хотя этот подсудимый может и не являться главным обвиняемым.

Так, например, Верховный суд РСФСР рассматривал дело по обвинению С., П. и Т. во взяточничестве. Суду были преданы: должностное лицо, получившее взятку, некий С., взяткодатель П. и посредник Т. С. не признал себя

виновным. Посредник Т., признавая получение денег от П., отрицал передачу денег должностному лицу С. Взяткодатель П. признал себя виновным полностью. Безусловно, в этом деле основной фигурой был подсудимый С. Однако начать допрос с него было бы неправильно. Нужно было начать допрос с взяткодателя П., затем допросить посредника Т., чтобы закрепить показания П. о том, что деньги были получены посредником Т., а затем уже допросить С. Именно так и поступил в данном случае государственный обвинитель. Такой порядок допроса подсудимых дал положительный результат.

В делах, когда часть подсудимых признает свою вину полностью, а часть не признает, иногда целесообразно начать судебное следствие с объяснений подсудимых, признавших себя виновными, затем допросить всех или часть свидетелей, и уже под конец заслушать объяснения и показания подсудимых, не признавших себя виновными, и остальных свидетелей.

Если никто из подсудимых не признает себя виновными, судебное следствие, как правило, следует начинать с допроса свидетелей и лишь затем допросить подсудимого. В отдельных случаях, когда в суд вызваны в качестве свидетелей очевидцы преступления, когда подсудимый полностью изобличается вещественными и документальными доказательствами, может оказаться целесообразным начать судебное следствие с допроса подсудимого, хотя он и отрицает свою вину. Таким построением судебного следствия достигается наиболее наглядное и полное разоблачение лживости объяснений запирающегося преступника.

В некоторых случаях подсудимый, не признавая себя виновным, в то же время не отрицает факта совершения инкриминируемого ему действия, оспаривая лишь преступный характер этого действия. Так, например, подсудимый А. признает получение от подсудимого В. 5000 руб., утверждая, что взял эти деньги взаймы, а не за сокрытие хищения, выявленного у В. во время ревизии. В. отрицает не только хищение, но и факт передачи подсудимому А. 5000 руб. В подобных случаях целесообразно начать судебное следствие с допроса подсудимого, признавшего инкриминируемый ему факт, хотя и отрицающего преступный характер этого факта.

Порядок допроса свидетелей зависит главным образом от существа тех обстоятельств, для установления которых они вызваны. Свидетели должны допрашиваться таким образом, чтобы они освещали обстоятельства дела в определенной, логической последовательности с тем, чтобы в результате их допроса была полностью развернута картина рассматриваемого дела. Поэтому, если несколько свидетелей дают показания об одних и тех же обстоятельствах, то следует их допрашивать друг за другом. В первую очередь следует допросить тех свидетелей, которые наиболее широко осведомлены об обстоятельствах дела. Затем тех, которые освещают отдельные детали. Если свидетель вызван только для характеристики подсудимых, то допрос его следует отнести в самый конец судебного следствия.

Свидетеля, вызванного для опровержения показаний другого свидетеля, полезно допросить непосредственно вслед за этим свидетелем для того, чтобы суд мог ясно сопоставить их показания и дать им правильную оценку.

Сказанное выше о последовательности допроса свидетелей относится в одинаковой мере как к свидетелям, вызванным в соответствии с обвинительным заключением, так и к свидетелям, вызванным дополнительно по определению суда.

При составлении плана судебного следствия прокурору необходимо также предусмотреть, на каком этапе судебного следствия и в какой последовательности необходимо произвести исследование вещественных и письменных доказательств, заслушать заключение экспертов и т. п. При этом следует учесть, что заслушивание заключения экспертов и их допрос во многих случаях целесообразно отнести к концу судебного следствия, поскольку экспертам часто бывает необходимо участвовать в исследовании судом доказательств, относящихся к предмету экспертизы.

Когда рассматривается сложное дело, состоящее из нескольких или многих самостоятельных эпизодов, судебное следствие целесообразно проводить по эпизодам, т. е. сначала допросить подсудимых, свидетелей и исследовать все остальные доказательства, относящиеся к одному эпизоду, а после того, как обстоятельства одного эпизода полностью исчерпаны, перейти к исследованию доказательств, связанных со следующим эпизодом, и т. д. Если имеются доказательства, относящиеся ко всем или нескольким

эпизодам, то группа этих доказательств должна исследоваться в конце.

По таким делам бывают свидетели, показания которых относятся к одному эпизоду. Но наряду с ними могут быть и такие свидетели, показания которых относятся ко многим эпизодам. В таком случае целесообразно свидетелей, показания которых относятся к нескольким эпизодам, допросить при исследовании доказательств по последнему эпизоду, к которому относятся их показания, так как в противном случае пришлось бы одного и того же свидетеля вызывать в суд и допрашивать по нескольку раз. Допросить такого свидетеля при исследовании первого эпизода было бы преждевременным потому, что его показания по дальнейшим эпизодам оказались бы изолированными от других доказательств и могли бы остаться непонятными для присутствующих в суде лиц.

В тех случаях, когда экспертиза производится по одному эпизоду, целесообразно заслушать эксперта в конце исследования данного эпизода. Если эксперт вызывается для дачи заключения по обстоятельствам, относящимся к нескольким эпизодам, то заключение эксперта и его допрос следует отнести к концу разбирательства последнего эпизода, по которому необходимо заключение эксперта.

Свое предложение суду о порядке проведения судебного следствия государственный обвинитель излагает устно, а по сложным делам он должен после устного изложения своего предложения представить суду письменный план судебного следствия, который судом приобщается к протоколу судебного заседания. Поскольку суд обязан выслушать мнение защиты и подсудимых по поводу порядка судебного следствия, предложенного прокурором, желательно, чтобы письменный план был представлен суду в нескольких экземплярах, что позволит ускорить решение вопроса о порядке судебного следствия.

В ряде случаев в протоколах судебных заседаний вообще не отражено заключение прокурора и мнение адвокатов о порядке судебного следствия. Однако прокуроры крайне редко обращают на это внимание.

Между тем обязанностью прокурора является проследить за тем, чтобы его предложение было правильно отражено в протоколе судебного заседания и чтобы принятый судом порядок исследования доказательств соблюдался.

Если в ходе судебного следствия возникнет необходимость в изменении ранее принятого порядка, то такое изменение может быть сделано только на основании особого определения суда

Закон не обязывает стороны мотивировать свои предложения о порядке исследования доказательств. Однако прокурор должен иметь в виду, что порядок судебного следствия окончательно устанавливает суд, и поэтому он в своем устном выступлении кратко обосновывает предлагаемый им порядок, чтобы убедить суд в целесообразности именно такого порядка.

в) Допрос подсудимого

Подсудимые дают объяснения в очередности, устанавливаемой судом: либо до либо после допроса свидетелей и исследования других доказательств. При этом подсудимый вправе давать объяснения по поводу отдельных обстоятельств дела или по поводу показаний свидетелей и других подсудимых во время допроса каждого свидетеля и подсудимого.

В случае противоречия в показаниях подсудимого на судебном следствии с показаниями, ранее данными им на предварительном следствии, а также при рассмотрении дела в отсутствие подсудимого или в случае смерти кого-либо из подсудимых, по усмотрению суда или по требованию какой-либо из сторон могут быть оглашены показания, данные на предварительном следствии (ст. ст. 294—295 УПК). Если подсудимый отказывается от объяснений или не желает отвечать на вопросы сторон и суда, он не может быть привлечен за это к ответственности. В этих случаях подлежат прочтению показания, данные им на предварительном следствии или дознании (примечание к ст. 294 УПК).

В отношении допроса подсудимых по делам, где участвует прокурор и защитник, уголовно-процессуальные кодексы союзных республик устанавливают два разных порядка. Один порядок, установленный УПК РСФСР (ст. 283), состоит в том, что допрос подсудимых производят сначала председатель и другие судьи, а затем прокурор, гражданский истец, защитник и другие подсудимые.

Другой порядок установлен УПК УССР (ст. 263), согласно которому допрос подсудимого начинают стороны

(сначала прокурор, затем гражданский истец, защитник и другие подсудимые) и лишь затем председательствующий и другие судьи.

Допрос подсудимого должен вестись в том объеме, который необходим для всестороннего исследования дела.

Из всего судебного следствия наиболее ответственным моментом для государственного обвинителя является допрос подсудимых и свидетелей. Поэтому к допросу прокурор должен тщательно готовиться, особенно к допросу подсудимых, помня, что и подсудимый тоже готовится к этому моменту, что обвинителю предстоит состязание, что он может столкнуться с рядом неожиданностей, а поэтому он должен по возможности предусмотреть их и заранее продумать и наметить решения по вопросам, которые могут возникнуть в ходе допроса.

Готовя вопросы, прокурор должен мысленно представить себе, какие ответы можно ожидать на тот или иной вопрос, и наметить дальнейшие вопросы, исходя из возможных вариантов ответа.

Выше уже указывалось, как обвинитель должен готовиться к участию в судебном разбирательстве и говорилось о значении заранее составленного плана допроса

Отмечая важность планирования допроса, необходимо вместе с тем подчеркнуть, что заранее составленный план допроса не может рассматриваться как нечто незыблемое, чего прокурор должен придерживаться во что бы то ни стало.

Необходимо иметь в виду, что любой план, как бы хорошо он ни был разработан, может в ходе допроса подвергнуться коренным изменениям. Поэтому важно, чтобы, составляя план допроса подсудимого, прокурор учитывал возможность изменения этого плана, дабы иметь возможность на ходу перестроить его, внести дополнения и изменения.

Так, составляя план допроса подсудимого, исходя из признания им своей вины на предварительном следствии, обвинитель должен в то же время предусмотреть возможность отказа подсудимого от своих показаний, данных на предварительном следствии, и быть готовым к тому, что подсудимый на суде будет отрицать свою вину. Такое изменение показаний подсудимого не должно застать прокурора врасплох.

В ряде случаев заранее составленный план допроса

меняется в связи с тем, что подсудимый, давая показания до допроса или отвечая на вопросы суда, уже ответил на некоторые вопросы, запланированные обвинителем и, естественно, что обвинитель не должен требовать повторных ответов, если первый ответ подсудимого его удовлетворяет.

Если прокурор почему-либо не может на ходу перестроить свой план допроса подсудимого, он не должен скомкать допрос или провести его неполноценно, а обязан испросить у суда небольшой перерыв, во время которого он сумеет переработать план допроса и формулировку вопросов.

При всех обстоятельствах план допроса должен быть строго последовательным. Каждый предыдущий вопрос должен готовить последующие, а каждый последующий вопрос должен логически вытекать из ответа на предыдущий. Весь допрос должен быть целеустремленным и добиваться одной, заранее намеченной цели.

Правильное и умелое ведение допроса в суде требует от прокурора отличного знания дела, напряженной подготовки, внутренней собранности, любви к своей работе, опыта и постоянного совершенствования. Правильно вести допрос в суде может только тот, кто умеет правильно анализировать факты, события, явления, правильно их оценивать, понимать их логическую связь, то есть диалектически мыслить. Умение вести допрос в суде — это искусство, которому нужно повседневно учиться.

В стенографических отчетах судебных процессов, на которых в качестве государственного обвинителя выступал А. Я. Вышинский¹, имеются многочисленные образцы допросов, на которых могут и должны учиться искусству проведения судебного следствия советские прокуроры.

Когда мы ссылаемся на образцы допросов, произведенных А. Я. Вышинским, мы вовсе не имеем в виду, что прокуроры должны механически копировать его допрос. Важно, чтобы, изучая стенограммы процессов, прокуроры овладевали методами допроса, которые применял А. Я. Вышинский, творчески усваивали приемы, к которым он прибегал при проведении судебного следствия.

¹ «Дело К Д Семенчука и С П Старцева», Главсевморпуть, Л., 1936, Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра, Юриздат, 1937; Судебный отчет по делу антисоветского «правотроцкистского блока», Юриздат, 1936.

Тактика допроса подсудимого не является неизменной для всех случаев жизни. Тактика допроса меняется соответственно обстоятельствам каждого дела, исходя из его конкретных особенностей и с учетом личности каждого подсудимого.

Все же имеются некоторые общие тактические приемы допроса подсудимых, которых следует придерживаться.

Допрос подсудимого должен быть максимально настойчивым. Прокурору необходимо неуклонно и решительно выяснять все обстоятельства дела, которые имеют существенное значение для дела. Нельзя удовлетвориться расплывчатым и неопределенным ответом подсудимого на поставленный ему вопрос. Закон устанавливает ненаказуемость подсудимого, отказавшегося от дачи показаний в суде, однако прокурор должен настаивать на получении четких, ясных, исчерпывающих ответов на поставленные вопросы.

Если подсудимый признал себя виновным и дал исчерпывающие объяснения, освещающие все существенные для дела обстоятельства совершенного им преступления, и эти объяснения подтверждаются другими доказательствами, государственный обвинитель не должен задавать ему вопросы лишь для того, чтобы проявить свою активность.

Но в тех случаях, когда подсудимый в своих объяснениях ограничился признанием своей вины, сделанным в общей форме, прокурору следует при его допросе уточнить, в чем именно заключается совершенное подсудимым преступление, когда и где оно было совершено, каковы обстоятельства и мотивы его совершения, кто является соучастником преступления, какова была обстановка, в силу которой подсудимому удалось совершить преступление.

Допрашивая подсудимого, обвинитель должен доводить до конца исчерпывающее выяснение каждого пункта обвинения, каждого обвинительного тезиса, не оставляя никаких неясностей и недомолвок. Выяснение должно производиться в строгой последовательности, без перебиваний с вопроса на вопрос.

Сам допрос должен вестись непременно активно, наступательно. В каждом допросе должна быть основная линия, которой прокурор должен придерживаться. Вопросы обвинителя должны быть направлены на то, чтобы

выдержать эту линию, не позволять подсудимому расплывчатыми ответами уклоняться от этой линии. Вопросы должны быть четко сформулированы, не следует делать длинных пауз для обдумывания следующих вопросов, вопросы должны следовать один за другим в хорошем темпе.

Это, конечно, не означает, что обвинитель может засыпать подсудимого вопросами, ставить новый вопрос, не выслушав ответа на предыдущий, или лишить подсудимого возможности подумать, прежде чем ответить.

Говоря о наступательности допроса, следует предостеречь государственного обвинителя против излишней придирчивости к допрашиваемому, а тем более прогив грубости, оскорблений и запугиваний. Допрос должен всегда вестись корректно, культурно.

Требование культурности допроса отнюдь не означает, что обвинитель ведет допрос в таких выражениях, когда вежливость переходит в расшаркивание перед подсудимым. Совершенно неуместно, например, при допросе подсудимого употреблять такие выражения: «не будете ли вы столь добры ответить», или «будьте любезны сказать» и т. п. Подсудимый должен чувствовать, что он держит ответ перед судом.

Вопросы прокурора, как правило, должны быть короткими и так сформулированы, чтобы ответы на них были обстоятельными и подробными. Характер самих вопросов — ясный и недвусмысленный, чтобы подсудимый мог в свою очередь дать на них четкий и недвусмысленный ответ. Однако когда подсудимый уходит от четкого ответа на поставленный ему вопрос, или когда он уклоняется от неприятных для него формулировок, обвинитель не может относиться к этому безразлично и последующими уточняющими вопросами добивается четкого ответа. В том случае, когда подсудимый заявляет, что он отказывается ответить на конкретный вопрос, прокурору следует потребовать от председательствующего занести этот отказ в протокол судебного заседания.

В тех случаях, когда выясняется тенденция подсудимого многословными и пуганными ответами затушевать существо дела и свою ответственность за совершенное преступление, либо, когда подсудимый не способен самостоятельно связно излагать обстоятельства в ответ на заданные ему вопросы, обвинитель может формулировать

вопросы таким образом, чтобы подсудимый должен был ответить «да» или «нет».

Если допрос сложный, то есть затрагивает много обстоятельств, или когда подсудимый в ходе допроса меняет свои объяснения, целесообразно в конце допроса подвести итог, сделать общий вывод и получить подтверждение подсудимого, что он в конечном итоге признает и что оспаривает. С этой целью обвинитель должен поставить подсудимому заключительные вопросы, которые суммируют сущность всех данных подсудимым ответов.

В судебной практике нередко бывает, когда подсудимые, отвечая на вопросы председательствующего о своей прошлой деятельности, занятиях, судимости и т. д., пытаются скрыть компрометирующие их факты или преуменьшить значение этих фактов, или, наоборот, приписывают себе несуществующие заслуги, незаслуженно выпячивают положительные факты своей биографии. Известно, какое значение имеют данные о личности подсудимого при определении судом меры наказания. Но не меньшее значение имеют эти данные для формирования отношения суда к оценке достоверности показаний подсудимого и степени доверия к доказательствам против него. Если, например, подсудимый обвиняется в мошенничестве и известно, что он уже до этого привлекался к ответственности за аналогичное преступление или характеризуется как человек лживый, то суд соответственно будет относиться более настороженно к его объяснениям в суде. Именно поэтому важно, чтобы при допросе подсудимого прокурор своими вопросами внес ясность в вопрос о том, что из себя представляет этот подсудимый.

Выявление в начале допроса моментов, которые пытаются скрыть подсудимый, имеет помимо всего и большое тактическое значение для всего последующего допроса подсудимого. Подсудимый убеждается, что прокурору известны факты из его прошлого, что ему не удастся ввести суд в заблуждение и таким образом ему становится невозможным придерживаться зарачес продуманной им линии поведения на суде. Но поскольку подсудимый все же не знает, что именно прокурору известно о нем, он начинает либо говорить правду, либо наспех придумывает новую линию поведения на суде и тогда прокурору трудно его изобличить во лжи.

При слушании дела Т., преданного суду за посредничество в передаче взяток, он не скрыл при допросе на суде факта осуждения его до этого по ст. 107 УК к десяти годам лишения свободы. Однако было важно показать суду, за что конкретно был осужден Т., а еще более важно было дать Т. понять, что прокурору известны абсолютно все детали предыдущего дела, поскольку эти обстоятельства устанавливали его связь с работниками, которым он передавал в последующем взятки. Государственный обвинитель поставил ему несколько вопросов, в результате которых была раскрыта его конкретная спекулятивная деятельность, а вместе с тем подсудимому Т. было дано понять, что прокурор знает о нем гораздо больше, чем записано в материалах рассматриваемого судом дела по обвинению его в передаче взяток.

Прокурор поставил Т. следующие вопросы:

— Вы свою фамилию никогда не меняли?

На это последовал отрицательный ответ.

Прокурор: У Вас была кличка?

Подсудимый: Нет, не было.

Прокурор: Известен ли Вам гражданин С.?

Подсудимый: Да, известен.

Прокурор: Допрашивался ли С. по поводу обвинения Вас в спекуляции?

Подсудимый: Да, допрашивался.

Прокурор: Помните ли Вы его показания?

Подсудимый: Да, помню.

Прокурор: Но С. говорил, что Вы были известны под кличкой «Иван Динамо». Это правильно?

Подсудимый: Да, правильно.

Прокурор: Значит, у Вас была кличка?

Подсудимый: Да, была.

Конечно, то обстоятельство, что у подсудимого была кличка, само по себе не имело значения. Но в результате допроса суд мог убедиться, что Т. способен отрицать даже такие факты, которые, казалось бы, не могут иметь влияния на его ответственность по рассматриваемому делу.

Иногда государственный обвинитель сталкивается с отказом подсудимого от признания своей вины, хотя на предварительном следствии обвиняемый полностью признавал себя виновным. Зачастую таким отказом отдельные адвокаты пользуются в качестве предлога для

возбуждения ходатайства о направлении дела на исследование, а некоторые прокуроры сразу же теряются и соглашаются с такими ходатайствами.

Между тем сам по себе отказ подсудимого от ранее данных показаний не должен поколебать основу обвинения и не может служить серьезным основанием для отложения дела. Ни прокурор, ни суд не должны ставить себя в какую бы то ни было зависимость от признания подсудимого, ибо, как правило, в каждом деле имеются другие доказательства, изобличающие подсудимого в совершенном преступлении. Известно, что во многих случаях подсудимый прибегает к голословному отказу на суде от показаний, данных на предварительном следствии, в надежде на то, что ему удастся ввести суд в заблуждение и избежать ответственности за совершенное преступление.

Встречаются и более хитроумные виды отказа подсудимых от ранее данных показаний. Так, иные преступники, полностью изобличенные в совершении тяжких преступлений, умышленно признаются на предварительном следствии не только в фактически совершенных преступлениях, но и в таких, которых они никогда не совершали. А некоторые легковверные следователи принимают эти признания за чистую монету и не проверяют их. Пользуясь этим, эти обвиняемые принимают на себя вину в таких преступлениях, свою непричастность к которым им легко доказать в суде.

В суде они отказываются от всех ранее сделанных признаний, без труда доказывают несостоятельность их обвинения в преступлениях, которых они не совершали, и тем самым подрывают доверие к предварительному следствию в целом, ко всем предъявленным им обвинениям.

Иногда такие подсудимые прибегают на суде к провокационным заявлениям о необъективности ведения следствия, незаконных методах расследования и т. п.

Государственному обвинителю следует все это иметь в виду и быть готовым к такого рода неожиданностям в судебном процессе.

Конечно, признание подсудимым своей вины на суде, если это признание находится в соответствии со всеми другими доказательствами, облегчает роль государственного обвинителя в судебном процессе, однако, если подсудимый не признал себя виновным ни на предварительном, ни на судебном следствии, или когда подсудимый на суде отка-

зался от ранее сделанного признания, это еще не означает, что суд не в состоянии разобраться в деле и вынести законный и обоснованный приговор. Отказ подсудимого от признания усложняет положение государственного обвинителя, но отнюдь не означает, что вслед за изменением показаний обвиняемого дело надлежит обратить к доследованию.

Государственный обвинитель должен помнить, что показания подсудимого являются только одним из видов доказательств, а вовсе не решающим доказательством, и что не случайно в системе доказательств по советскому уголовному процессу (ст. 58 УПК) показания (личные объяснения) обвиняемого отнесены на самое последнее место.

Именно поэтому, в случае отказа подсудимого от ранее сделанного признания, обвинителю необходимо сопоставить отказ подсудимого со всеми другими доказательствами, имеющимися в деле, причем сделать это наглядно, чтобы доказать суду необоснованность отказа. Иногда это нужно делать сразу после отказа подсудимого, в иных случаях целесообразно перейти к допросу остальных подсудимых и свидетелей, а к допросу подсудимого, изменившего свои показания, перейти позднее, после исследования уличающих его доказательств. Разумеется, прокурор успешно справится с этой задачей только тогда, когда он будет вести допрос активно, используя для этого все материалы дела, изобличающие подсудимого.

Однако не всегда обвинители проявляют должную активность в изобличении подсудимого, отказавшегося от своих показаний. В качестве примера можно привести дело по обвинению группы работников Саратовского коопторга Р., С. и др. в хищениях, рассмотренное Саратовским областным судом. По предложению государственного обвинителя первым допрашивался подсудимый Р., который начал свои объяснения с отказа от показаний, данных им на предварительном следствии. Р. заявил, что он давал на следствии ложные показания, но о причинах он сейчас сказать не может и просит объявить перерыв.

Государственный обвинитель вместо того, чтобы сразу же активным допросом установить действительные мотивы отказа Р. от показаний, тем более, что еще в ходе предварительного следствия была перехвачена записка другого подсудимого, предлагавшая Р. отказаться от своих пока-

заний, и эта записка имелась в деле,— дал следующее заключение: «Я считаю целесообразным объявить перерыв и дать подсудимому Р. возможность подумать перед дачей своих показаний».

Характерно, что государственный обвинитель даже не поставил перед судом вопроса об изоляции Р. от других подсудимых, хотя бы на время перерыва, чтобы лишить его возможности договориться по поводу отказа от показаний. За прокурора это сделал адвокат, а прокурору ничего не оставалось, как заявить: «Я поддерживаю ходатайство адвоката и в свою очередь прошу отделить подсудимого Р. от других подсудимых».

После перерыва Р. объяснил, что отказался от своих показаний, данных им на предварительном следствии, под воздействием подсудимого Ф., который угрожал ему во время доставки подсудимых из тюрьмы в суд. Государственный обвинитель должен был закрепить это заявление Р. рядом вопросов к Р., подсудимому Ф. и другим подсудимым, а также путем ходатайства об оглашении упоминавшейся выше записки. Но он этого не сделал, что дало возможность подсудимому Р. впоследствии отказаться от заявления об угрозах подсудимого Ф., снова отрицать свои показания, данные на предварительном следствии, и согласовать свои ложные показания на суде с показаниями других подсудимых.

Безусловно, не исключены отдельные случаи, когда следствие ведется неправильно и когда признание обвиняемым на предварительном следствии своей вины не соответствует фактическим обстоятельствам дела. Поэтому прокурор не может уклоняться от тщательного выяснения, чем вызвано изменение подсудимым своих показаний, установления подлинных мотивов и причин отказа от показаний, данных на предварительном следствии. Только в том случае, когда новые показания подсудимого являются убедительными, но не могут быть полностью проверены в ходе судебного следствия, особенно в тех делах, когда помимо признания обвиняемого не собрано достаточно других доказательств его виновности, государственный обвинитель вправе и обязан ставить вопрос об отложении дела слушанием и возвращении его на исследование, а если этот вопрос был поставлен защитой,— поддержать ее ходатайство.

В ходе допроса подсудимого, в тех случаях, когда он отрицает свою вину и пытается оправдаться ложными ответами, обвинитель должен его изобличить в этом. В зависимости от обстоятельств дела обвинитель либо изобличает такого подсудимого сразу, либо делает это на дальнейших этапах судебного следствия.

В тех случаях, когда подсудимый на предварительном следствии признавал свою вину, а на судебном следствии отрицает ее, либо когда в деле имеются документальные доказательства, прямо изобличающие подсудимого, либо когда имеются очевидцы преступления и они находятся в зале суда,— обвинителю следует, не откладывая, тут же при допросе подсудимого, ходатайствовать об оглашении показаний подсудимого, данных на предварительном следствии, либо об оглашении отдельных документов, либо о производстве очных ставок с допрошенными свидетелями или подсудимыми.

Если же в деле нет документов, прямо изобличающих подсудимого в совершенном преступлении, или когда другие подсудимые и свидетели, изобличающие этого подсудимого, еще не допрошены, целесообразно отложить разоблачение лживости показаний подсудимого и сделать это либо в ходе допроса других подсудимых и свидетелей, либо в конце судебного следствия, а если судебное следствие ведется по эпизодам — то в конце исследования данного эпизода.

В отдельных случаях тактически будет правильно при допросе подсудимого попутно задавать вопросы и другим подсудимым, а также ранее допрошенным в суде свидетелям в целях изобличения подсудимого, когда он дает ложные или уклончивые показания, либо в целях проверки и закрепления его показаний. Таким образом, к допросу одного подсудимого привлекаются другие подсудимые и даже свидетели. Такая тактика допроса неоднократно весьма успешно применялась государственным обвинителем А. Я. Вышинским на ряде крупнейших судебных процессов. Однако надо иметь в виду, что попутные вопросы подсудимым или свидетелям не должны прерывать нить основного допроса.

Подчеркивая необходимость ведения государственным обвинителем активного, целеустремленного допроса подсудимого в целях получения от него исчерпывающих показаний в подтверждение предъявленного ему обвинения,

следует наряду с этим со всей решительностью предупредить обвинителей о недопустимости одностороннего, необъективного исследования обстоятельств дела.

Во время допроса иногда выясняются такие обстоятельства, которые говорят в пользу подсудимого, а не в пользу обвинения.

Прокурор не вправе обходить такие обстоятельства. Являясь представителем государственного обвинения, прокурор раньше всего и прежде всего заинтересован в том, чтобы найти истину по делу. Отсюда вытекает, что если при допросе выявляются обстоятельства, оправдывающие подсудимого, или уменьшающие степень его ответственности, прокурор должен тщательно выяснить, проверить эти обстоятельства до конца и сделать в дальнейшем из этого соответствующие выводы.

Иногда в качестве обстоятельства, исключаящего виновность, подсудимый ссылается на свое алиби, то есть на то, что в момент приписываемого ему преступления он находился в другом месте и физически не мог совершить этого преступления.

Подтвержденное алиби является убедительным доказательством невиновности подсудимого. Наоборот, опровергнутое алиби в ряде случаев превращается в общей цепи доказательств в очень серьезную улику против обвиняемого. Поэтому ни в каком случае нельзя оставлять без проверки ссылку подсудимого на свое алиби.

Необходимо при этом учесть, что опытные преступники зачастую заранее создают искусственно доказательства своего алиби, подготавливают свидетелей, подтверждающих нахождение преступника в момент совершения преступления в другом месте.

Обвинителю следует иметь в виду, что как бы тщательно подсудимый ни подготовил искусственные доказательства своего алиби, он не в состоянии договориться со всеми свидетелями по всем деталям, и ему не удастся обмануть правосудие, если прокурором будет умело произведен допрос подсудимого и свидетелей и если им будут своевременно пресечены попытки подсудимого соответственно проинструктировать свидетелей.

Особенно большое значение это обстоятельство имеет тогда, когда ссылка на алиби не была проверена на предварительном следствии, или когда вопрос об алиби впервые возникает на судебном следствии.

Когда подсудимый в своих объяснениях ссылается на алиби, обвинитель при допросе подсудимого должен допросить его самым тщательным образом о мельчайших подробностях обстоятельств алиби и о свидетелях, которые могут подтвердить эти объяснения подсудимого. В отношении свидетелей, видевших подсудимого в момент его нахождения вне места совершения преступления, необходимо допросить подсудимого, во что эти свидетели были одеты, что делали в тот момент, о чем разговаривали и т. п. Прокурор должен проследить за тем, чтобы ответы подсудимого были полностью зафиксированы в протоколе судебного заседания.

Тут же, не дожидаясь ходатайства подсудимого или его защитника о вызове свидетелей в подтверждение алиби, обвинитель сам должен поставить перед судом вопрос о немедленном вызове этих свидетелей и просить суд принять меры к тому, чтобы не дать возможность вызываемым свидетелям узнать о деталях в показаниях подсудимого, например, через родственников, которые присутствовали в зале суда.

Если алиби надуманное, неизбежно выявятся существенные противоречия в описании деталей, которые помогут опровергнуть алиби.

Нельзя, конечно, дать исчерпывающей схемы допроса по поводу алиби. Но все же при допросе следует выяснить следующие вопросы:

1) где именно находился подсудимый в исследуемый период времени;

2) чем он занимался;

3) в силу какой необходимости подсудимый оказался в том месте, которое он указывает, именно в то время, на которое он ссылается;

4) с кем и в связи с чем встречался подсудимый в течение указанного им времени;

5) чем в это время занималось каждое из встреченных им лиц;

6) во что в это время был одет подсудимый и каждое из встреченных им лиц;

7) дать подробное описание обстановки места, где подсудимый, по его объяснениям, находился (расстановка мебели в комнате, цвет абажура на лампе, наличие занавесок и цветов на окнах и т. д.).

При допросе о деталях обстоятельств алиби обвини-

телю следует учитывать личность подсудимого, его профессиональные навыки и задавать ему вопросы именно о таких обстоятельствах и фактах, которые он в силу своей профессии должен был лучше запомнить. Например, маляр или обойщик скорее должны запомнить цвет стен, подоконников, обоев, обивки на мебели и т. п. У сапожника, несомненно, должна была лучше запечатлеться в памяти обувь, у портного — одежда, у электромонтера — проводка и т. д.

г) Допрос свидетелей

Свидетели допрашиваются порознь, в отсутствие других, еще не допрошенных свидетелей. Допросу предшествуют вопросы для установления личности свидетеля, его отношения к делу и сторонам с целью выявления, не является ли он заинтересованным в деле, не состоит ли он в родственных, приятельских или неприязненных отношениях с подсудимым, потерпевшим и т. д. (ст. 284 УПК). Эти вопросы ставятся свидетелю председательствующим. Однако стороны, когда они впоследствии будут допрашивать свидетеля, могут в порядке дополнения или разъяснения задавать вопросы, уточняющие отношение свидетеля к делу и сторонам.

Допрос свидетеля начинается с предложения рассказать все лично ему известное по делу. Свидетель не должен приводить в своих показаниях сведений, источник которых он не может указать (ст. 285 УПК). Такое требование закона преследует цель избежать недостоверных показаний, которые не могут быть проверены и не должны приниматься судом в качестве доказательств.

После изложения свидетелем своих показаний, председательствующий предлагает сторонам задавать свидетелю вопросы. Прокурор допрашивает первым свидетелей, вызванных в суд согласно списку, приложенному к обвинительному заключению, а также вызванных дополнительно по ходатайству прокурора или по инициативе суда. Свидетели, вызванные в суд по ходатайствам подсудимого и его защитника, допрашиваются сначала адвокатом и его подзащитным. Затем свидетель допрашивается противной стороной.

Каждая из сторон вправе ставить свидетелю дополнительные вопросы в разъяснение или развитие тех ответов, которые были даны на вопросы другой стороны.

Что касается порядка допроса свидетеля судом, то кодексы союзных республик устанавливают различные правила, которые могут быть сведены к двум системам, установленным уголовно-процессуальными кодексами РСФСР и Украинской ССР. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (ст. 289) предусматривает, что председательствующий и члены суда могут задавать вопросы свидетелю как до, так и по окончании допроса свидетеля сторонами в любой момент допроса.

Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР, (ст. 269) устанавливает, что председательствующий и члены суда могут задавать свидетелю вопросы только после окончания его допроса всеми сторонами.

При допросе сторонами свидетелей председательствующий имеет право устранять вопросы, не имеющие отношения к делу (ст. 286 УПК).

Допрошенные свидетели не могут без особого разрешения суда удаляться из зала суда до окончания судебного следствия и при том не иначе, как с согласия сторон (ст. 291 УПК).

В тех случаях, когда в деле участвует эксперт, у последнего часто возникает необходимость в постановке вопросов подсудимому и свидетелям. В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР нет прямого указания о возможности допроса экспертом свидетелей и подсудимых. Уголовно-процессуальный кодекс УССР предусматривает такое право эксперта. Согласно ст. 276 УПК УССР эксперт вправе задавать те или иные вопросы подсудимому и свидетелям, однако Уголовно-процессуальный кодекс УССР строго ограничивает пределы прав эксперта: во-первых, вопросы могут задаваться лишь в тех случаях, когда это необходимо эксперту для полноты экспертизы; во-вторых, эксперт может задавать вопросы каждый раз лишь с разрешения председательствующего. Таким образом, вопросы экспертов к подсудимым и свидетелям должны иметь ограниченный характер, относясь лишь к предмету экспертизы.

Судебная практика допускает постановку экспертом вопросов подсудимым и свидетелям в тех случаях, когда эксперту необходимы дополнительные сведения для дачи заключения. Такая практика является правильной. Присутствуя на суде, эксперт участвует в исследовании всех доказательств, относящихся к предмету экспертизы.

Оглашение показаний свидетеля, данных на предварительном следствии, может иметь место в следующих случаях: при наличии противоречий в показаниях свидетеля на судебном следствии с показаниями, данными им на предварительном следствии; в случае забывания свидетелем каких-либо обстоятельств, о которых он свидетельствовал на предварительном следствии; в случае неявки свидетеля, вызывавшегося на судебное заседание. Оглашение показаний свидетелей в этих случаях может быть произведено как по усмотрению суда, так и по ходатайству сторон.

Допускается также оглашение показаний свидетелей, не вызывавшихся в судебное заседание, если это необходимо для полноты исследования дела. Об этом должно быть вынесено мотивированное определение суда (ст. ст. 296—297 УПК).

Тактика допроса свидетелей заключается в том, чтобы путем постановки свидетелю коротких, четких и ясных вопросов получить определенные, ясные и исчерпывающие ответы об обстоятельствах, для выяснения которых вызван свидетель.

При допросе свидетеля обвинитель не ограничен рамками допроса этого свидетеля на предварительном следствии. Если выясняется, что свидетелю известны обстоятельства или факты, которые имеют значение для дела, но по поводу которых он почему-либо не был допрошен следователем, обвинитель вправе его допросить и об этих фактах и обстоятельствах. Обвинитель должен при этом иметь в виду, что закон допускает допрос свидетеля исключительно о фактах, подлежащих установлению по рассматриваемому делу, а также о характеристике личности подсудимого. Поэтому совершенно недопустимо, когда обвинитель ставит свидетелю вопросы, которые не имеют прямого отношения к делу. Закон обязывает председательствующего устранять такие вопросы, и государственный обвинитель не может вступить в пререкания с председательствующим, если заданный им вопрос действительно не имеет отношения к делу. Но в том случае, когда обвинитель считает устраненный вопрос существенным для дела, он должен возбудить мотивированное ходатайство о допущении судом этого вопроса, и привести доводы, свидетельствующие, что факт, на установление которого направлен вопрос, имеет прямое отношение к делу.

Если, невзирая на это, суд отклонит ходатайство прокурора, он должен потребовать, чтобы его мотивированное ходатайство и отказ суда были занесены в протокол судебного заседания.

Как известно, показания свидетелей в суде распадаются на два этапа: вначале свидетель сам излагает в форме свободного рассказа все известное ему по делу, а затем суд и стороны задают ему вопросы.

Допрос свидетелей сторонами называется в юридической литературе *перекрестным допросом*. Сущность этого допроса заключается в том, что свидетелю ставятся вопросы по поводу одних и тех же обстоятельств и фактов одной стороной, затем другой стороной, а затем обе стороны могут задавать ему дополнительные вопросы по поводу тех же обстоятельств и фактов. Таким образом, вопросы перекрещиваются, будучи заданными с разных позиций, и обеспечивают наиболее полное и всестороннее исследование всех обстоятельств дела на суде.

Перекрестный допрос применим не только к свидетелю, но и к подсудимому и эксперту. Однако основное назначение перекрестного допроса — это допрос свидетелей.

Обвинителю необходимо вести перекрестный допрос спокойно, с большим тактом и умением, иначе этот допрос может сбить свидетеля и привести к искажению его показаний даже в том случае, когда свидетель добросовестно желает показать правду.

Хотя процессуальный закон и теория советского уголовного процесса не делят свидетелей на свидетелей обвинения и свидетелей защиты, но практически прокурору в суде приходится считаться с тем, что свидетели, вызванные по ходатайству подсудимого или его защитника, будут, как правило, давать показания в пользу подсудимого. Государственный обвинитель ни в коем случае не должен пренебрегать допросом свидетелей, вызванных защитой. Наоборот, он должен особо тщательно готовиться к их допросу, имея в виду, что в результате умелого допроса так называемые «свидетели защиты» нередко превращаются в «свидетелей обвинения». Особенно часто это случается со свидетелями, вызванными подсудимым для подтверждения его алиби. В результате тщательного допроса таких свидетелей государственным обвинителем алиби подсудимого не только не подтверждается, но опровергается в том случае, когда оно ложно.

При допросе государственным обвинителем свидетеля, вызванного по ходатайству подсудимого или его защитника, необходимо, если этого не сделал председательствующий, в самом начале допроса детально выяснить отношение свидетеля к подсудимому, не является ли он ему родственником, близким другом и т. п., не заинтересован ли свидетель в исходе дела. Установление этих обстоятельств имеет существенное значение для оценки показаний такого свидетеля: в одних случаях — для доказательства незаинтересованности этого свидетеля, в других — для подтверждения естественной необъективности такого свидетеля, который в силу своих взаимоотношений с подсудимым невольно освещает тот или иной факт в благожелательном для подсудимого свете.

Совершают серьезную ошибку те прокуроры, которые, возбудив ходатайство о вызове нового свидетеля, выпускают из рук инициативу допроса этого свидетеля, а иногда и вовсе его не допрашивают. Так, по делу П., рассматривавшемуся в народном суде 1-го участка Ленинского района г. Свердловска, по ходатайству прокурора был вызван в качестве свидетеля технолог завода. Вызов этого свидетеля был важен, так как П. совершал хищения, используя особенности технологического процесса этого завода. Тем не менее прокурор этого свидетеля совершенно не допрашивал, а вопросы ему задавал подсудимый.

Как указывалось, свидетелю на судебном следствии могут задаваться вопросы для дополнения и уточнения его показания лишь после того, как он сам изложил все, известное ему по делу. Однако бывает, что свидетель не в состоянии самостоятельно изложить свои показания и тогда приходится начинать его допрос с постановки ему вопросов.

Умение вести допрос свидетеля (это в одинаковой мере относится и к допросу подсудимого) является большим искусством, которым должны овладеть все прокуроры, так как без этого невозможно хорошо провести судебное следствие.

Для того чтобы хорошо провести допрос, от прокурора в первую очередь требуется правильно сформулировать вопросы свидетелям.

Вопросы должны быть сформулированы четко и кратко в понятных для допрашиваемого выражениях с таким расчетом, чтобы получить от допрашиваемого обстоятельные

ответы. Нет ничего вреднее, чем постановка расплывчатых вопросов, неясных или не совсем ясных для того, кому они заданы, так как на такие неясные и расплывчатые вопросы, как правило, будут получены ответы, носящие характер общих рассуждений.

Нельзя задавать громоздкие вопросы, сочетая в одном вопросе несколько вопросов, охватывающих несколько разрозненных фактов или обстоятельств, так как при сложном, громоздком вопросе допрашиваемый неизбежно упустит в ответе какое-либо обстоятельство, которое может иметь существенное значение для дела.

Ни в коем случае нельзя допускать постановку ненужных вопросов, лишь засоряющих судебное следствие.

Недопустимо ставить свидетелю наводящие вопросы, то есть такие вопросы, в формулировке которых уже заранее содержится желательный ответ. Такие вопросы недопустимы потому, что они подсказывают, внушают свидетелю ответ, и свидетель в этих случаях иногда говорит не о том, что он сам видел, знает или помнит, а часто повторяет то, что ему было подсказано наводящим вопросом. Разумеется, что такие показания не могут иметь доказательственной ценности.

Прокурору, например, необходимо установить при допросе свидетеля, во что был одет подсудимый Иванов в тот момент, когда свидетель его встретил в день совершения преступления. Прокурор должен поставить свидетелю вопросы в следующей форме: «Скажите, свидетель, видели ли Вы Иванова?». Получив утвердительный ответ, прокурор должен поставить следующий вопрос: «Когда Вы его видели?» — и только после ответа свидетеля и на этот вопрос задать окончательный вопрос, интересующий прокурора: «Во что был одет Иванов?». Это будет правильная формулировка вопроса.

Но, если прокурор сформулирует вопрос так: «Скажите, свидетель, видели ли Вы Иванова в воскресенье и был ли он одет в темносиний костюм?» или: «Скажите, свидетель, Вы видели Иванова в воскресенье. Он был тогда одет в темносиний костюм?» — то такая формулировка вопроса будет неправильной. Во-первых, вопрос является сложным. Он содержит два самостоятельных вопроса о двух разных обстоятельствах — о времени, когда свидетель видел Иванова, и о цвете костюма, в который Иванов был одет. Постановка свидетелю такого сложного

вопроса рассеивает его внимание и может привести к тому, что при ответе свидетель упустит одно из обстоятельств или ответит на него неточно.

Во-вторых, такой вопрос является наводящим, так как он подсказывает свидетелю, что свидетель видел Иванова в воскресенье и что Иванов был тогда одет в темносиний костюм. Утвердительный ответ свидетеля на такой наводящий вопрос не имел бы доказательственной ценности, поскольку этот ответ мог быть ему внушен. Лишь отрицательный ответ на такой вопрос (например: «Нет, я видел Иванова не в воскресенье, а в субботу, и был он одет не в темносиний, а в серый костюм») может иметь доказательственную ценность для суда.

Прокурор не только сам не должен задавать наводящих вопросов, но и обязан обращать внимание суда на недопустимость таких вопросов, если они задаются другими сторонами. Когда защитник задает наводящий вопрос, обвинитель обязан возбудить перед судом ходатайство об устранении такого вопроса. Между тем нередко прокуроры на это не реагируют.

Так, по одному делу об убийстве, рассматривавшемся Ленинградским областным судом, адвокат неоднократно задавал свидетелям наводящие вопросы. Председательствующий его несколько раз предупреждал устно, а затем суд вынес специальное определение, осуждающее поведение адвоката при допросе. Это определение было вынесено не по инициативе государственного обвинителя, хотя по делу выступал квалифицированный прокурор, который в целом умело поддерживал обвинение по этому делу.

Иногда свидетель в ответ на заданный ему вопрос заявляет, что он не помнит какого-либо факта или обстоятельства. Между тем показание этого свидетеля могло бы явиться единственным источником доказательства этого факта. В этом случае обвинитель должен поставить свидетелю напоминающие вопросы, которые помогли бы ему вспомнить забытые им обстоятельства или факты. Однако такие напоминающие вопросы не должны быть поставлены в форме наводящих вопросов. Они должны быть заданы свидетелю о других фактах и обстоятельствах, связанных с фактом или обстоятельством, которое свидетель запомнил. Вопросы могут быть заданы по поводу фактов, происходящих одновременно с забытым фактом, или предшествовавших ему, или следовавших за ним.

Воспоминания о сопутствовавших, предшествовавших или последовавших обстоятельствах или фактах могут по ассоциации восстановить в памяти свидетеля забытые обстоятельства, факты, детали.

Так, например, если необходимо выяснить, встречал ли свидетель подсудимого в последних числах декабря или в начале января, а свидетель не может точно ответить на вопрос, заявляя, что он этого не помнит, — государственный обвинитель может задать ему вопрос, встречал ли он с друзьями новый год. Если свидетель ответит утвердительно, то обвинитель может задать новый вопрос, видел ли свидетель подсудимого до встречи нового года или после нового года. В некоторых случаях упоминание о встрече нового года может помочь свидетелю восстановить в памяти дату встречи с подсудимым, особенно в том случае, если между ними был какой-либо разговор о встрече нового года.

Особенно важным является умелая постановка напоминающих вопросов в тех случаях, когда свидетель вызван по ходатайству подсудимого для подтверждения его алиби. Так, например, подсудимый, обвиняемый в убийстве, совершенном около 20 часов 18 марта, утверждал, что именно в этот день и в эти часы он со свидетелем Х. был в ресторане и, следовательно, никак не мог быть на месте совершения преступления.

Вызванный в суд в качестве свидетеля Х. подтвердил, что действительно в средних числах марта он вместе с подсудимым в 20 часов был в ресторане. Часы он запомнил потому, что в ресторан они пошли сразу после работы, а работа кончается в 19 часов 30 минут. Однако дату посещения ресторана он вспомнить никак не мог.

Тогда обвинитель задал напоминающий вопрос — было ли это до выдачи заработной платы или после. Этот вопрос помог свидетелю восстановить в памяти ряд деталей, относившихся к посещению ресторана. Он показал, что с подсудимым они были в ресторане в день выдачи заработной платы, что об этом посещении они договорились еще накануне.

После этого обвинитель спросил у свидетеля, какого числа у них выдается заработная плата. Свидетель Х. ответил, что заработная плата всегда выдается 2 и 17 числа.

Обвинитель тут же возбудил ходатайство перед судом об истребовании справки из учреждения, где служили под-

судимый и свидетель Х. Такая справка была получена и было документально подтверждено показание свидетеля Х., что заработная плата была выдана 17 марта. Таким образом, было установлено, что в ресторане подсудимый и свидетель Х. встречались именно 17 марта, то есть за день до убийства, а не 18, как утверждал подсудимый.

В данном случае в результате умело поставленного напоминающего вопроса свидетель защиты, вызванный для подтверждения алиби, превратился в свидетеля обвинения и своими показаниями опроверг алиби подсудимого.

В ряде случаев свидетель не может точно воспроизвести цифровые данные. Напоминающий вопрос в этих случаях не может помочь свидетелю восстановить в памяти эти данные, так как такой напоминающий вопрос неизбежно превратится в наводящий.

Закон (ст. 292 УПК) разрешает свидетелю иметь при себе письменные заметки, которыми он может пользоваться при даче показаний. Однако свидетель может пользоваться заметками только в том случае, если его показания относятся к каким-либо вычислениям или другим данным, которые трудно удержать в памяти (например, математические, химические формулы). Государственный обвинитель обязан следить за тем, чтобы свидетель пользовался заметками в строгом соответствии с законом. Для этого он, основываясь на ст. 292 УПК, должен просить суд, чтобы заметки, которыми пользуется свидетель, были представлены ему для обозрения. Если обвинитель убедится в том, что в письменных заметках свидетеля помимо вычислений, формул и т. п. содержатся записи о фактах, датах, для подтверждения которых вызван свидетель, он должен потребовать, чтобы эти заметки были изъяты у свидетеля и чтобы в протокол судебного заседания было занесено, что данный свидетель давал показания по заранее составленным записям. Это необходимо для того, чтобы прокурор мог сослаться на это обстоятельство в своей речи при анализе доказательств, а суд — дать соответствующую оценку показаниям свидетеля.

Закон также разрешает свидетелям при даче показаний зачитывать в суде имеющиеся у них письменные документы, относящиеся к даваемым показаниям, которые по постановлению суда могут быть приобщены к делу (ст. 293 УПК)

Однако не всегда можно ограничиться оглашением такого документа для того, чтобы этот документ был принят судом в качестве доказательства. Если, например, при даче показаний свидетель оглашает письмо третьего лица, которое могло бы быть вызвано в суд в качестве свидетеля, то наряду с приобщением этого письма необходимо вызвать в суд автора письма и допросить его в качестве свидетеля. Если свидетель огласил официальный документ, а подсудимый его оспаривает, суд должен проверить подлинность и правильность этого документа. Прокурор, знакомясь в суде с такими документами, должен подходить к ним критически и возражать против их приобщения к делу, если правильность документов вызывает сомнения.

Надо иметь в виду, что могут быть случаи, когда недобросовестный свидетель по наущению подсудимого пытается проташить сомнительный документ для выгораживания подсудимого или для смягчения его ответственности.

Обвинителю следует решительно пресекать такие попытки.

Выше говорилось о напоминающих вопросах. Существует еще одна форма вопросов, так называемые контрольные вопросы, которые должны ставиться свидетелю в целях проверки правильности данных им показаний.

Когда свидетель сообщает в своих показаниях о каком-либо факте, ему следует поставить вопрос об источниках, откуда он получил сведения о факте, о котором он дает показания, каким образом ему стало известно о том, о чем он показывает, сам ли он видел или услышал от кого-нибудь, кто может подтвердить его показания и т. д. Такие контрольные вопросы позволяют, во-первых, судить о степени достоверности показания свидетеля и, во-вторых, проверить его показания.

Той же цели служат контрольные вопросы об обстоятельствах, при которых свидетель видел или слышал те или иные факты. Свидетелю, видевшему то или иное событие, задается вопрос, с какого места он наблюдал это событие. Свидетелю, слышавшему те или иные слова подсудимого, ставится вопрос, где он находился в тот момент, когда эти слова были произнесены, на каком расстоянии от говорившего, в одном помещении с ним или в разных помещениях и т. п.

Проверка таких показаний свидетеля возможна при

помощи опыта. Например, суд может при осмотре места происшествия или путем экспертизы воспроизвести обстановку, о которой показывает свидетель и установить, мог ли свидетель видеть или слышать то, о чем он показывает.

Разумеется, что эти контрольные вопросы ставятся не всегда. Если показания свидетеля исчерпывающе полно и четко излагают обстоятельства, для подтверждения которых он вызван в суд, государственный обвинитель ограничивает свой допрос лишь самым минимальным количеством вопросов, задаваемых исключительно с целью закрепления основных положений, содержащихся в показаниях этого свидетеля. И, наоборот, если свидетель дает расплывчатые, уклончивые, неполные показания, то обвинитель путем настойчивого и последовательного допроса обязан добиться, чтобы свидетель восполнил свои показания и в тех случаях, когда свидетель дает неправильные показания, — разоблачить ложность этих показаний.

При допросе свидетеля ему могут быть зачтены показания другого свидетеля, имеющиеся в деле документы, а в необходимых случаях документы могут быть предъявлены свидетелю. Это целесообразно в тех случаях, когда показания свидетеля расходятся с показаниями других свидетелей или с документами, имеющимися в деле, противоречат им и необходимо для того, чтобы свидетель либо уточнил свои показания, либо подтвердил свои показания, либо отказался от них. Иногда это делается для изобличения свидетеля в даче ложных показаний.

Когда допрашиваемый свидетель дает сбивчивые и противоречивые ответы на задаваемые ему вопросы, следует в конце допроса внести ясность в то, что же в конце концов показывает свидетель. В этих случаях допускается постановка вопросов, содержащих изложение показаний этого свидетеля с требованием подтвердить или опровергнуть изложенное в вопросе. На такой вопрос, как правило, может последовать ответ только в форме «да» или «нет». Назначение этих вопросов — устранить неопределенность и противоречивость свидетельского показания, сделать его максимально четким и доходчивым. Однако формулировать такие вопросы следует очень осторожно, так как в противном случае свидетель может подтвердить и то, чего он не говорил.

Не во всех случаях возможно требовать от свидетеля ответа в форме «да» или «нет». Иногда свидетель не

может категорически ответить ни утвердительно, ни отрицательно, но это еще не означает, что он уклоняется от дачи показаний. Надо дать такому свидетелю возможность свободно изложить свой ответ в той форме, в какой он найдет это нужным.

Некоторые прокуроры допускают при допросе свидетелей оскорбительные выражения вроде «не вливайтесь», «не врете» и т. п. Такие выражения абсолютно недопустимы. Они непристойны для государственного обвинителя. Грубость может только уронить достоинство последнего. Покрикивание на свидетеля, одергивание его — чужды природе советского уголовного процесса. Неправильное поведение прокурора в отношении свидетелей отнюдь не способствует установлению объективной истины, в которой прокурор заинтересован как представитель государства.

Свидетель может добросовестно заблуждаться, и в этих случаях обязанность прокурора является путем умелого допроса помочь свидетелю восстановить в памяти то, что было в действительности.

Но даже в тех случаях, когда свидетель вследствие своей заинтересованности в исходе дела дает ложные показания, государственный обвинитель, разоблачая такого свидетеля, должен сделать это в корректной форме.

При допросе государственным обвинителем свидетеля иногда выясняются обстоятельства, которые оправдывают подсудимого или смягчают его вину; тем самым показания такого свидетеля как бы колеблют позиции обвинения. Прокурор должен себе ясно представить, что в качестве блюстителя законности он прежде всего заинтересован не в обвинении, а в выяснении истины. Поэтому он не должен пытаться затушевать показания свидетелей, показывающих в пользу подсудимого; наоборот, он должен провести допрос свидетеля со всей четкостью, чтобы внести полную ясность в обстоятельства, о которых показывает свидетель, и выяснить правду, а в дальнейшем сделать необходимые выводы из этих показаний.

Закон (ст. 290 УПК) предусматривает возможность передопроса свидетеля в присутствии других свидетелей или путем очной ставки с ними.

Очной ставкой называется одновременный допрос ранее допрошенных лиц в присутствии друг друга по поводу одних и тех же обстоятельств

Назначением любой очной ставки является устранение противоречий в показаниях допрошенных лиц. В некоторых случаях очная ставка действительно устраняет противоречия в показаниях, помогая запомнить свидетелю восстановить в памяти, как дело происходило в действительности и исправить свое ошибочное показание. В других случаях очная ставка приводит к изобличению одного из допрошенных лиц во лжи. Бывает, что на очной ставке каждый из допрошенных отстаивает свои прежние показания. Но и в этом случае очную ставку нельзя считать безрезультатной, так как она позволяет судить о степени достоверности, правдивости и убедительности показаний и помогает суду дать надлежащую оценку этим показаниям.

Как и при любом допросе, допрос на очной ставке должен вестись прокурором с использованием всех имеющихся доказательств для изобличения подсудимого или свидетеля, дающих неправильные показания, для устранения имеющихся в показаниях противоречий.

Помимо очных ставок между свидетелями в суде могут производиться одновременные допросы ранее допрошенных подсудимых, а также одновременные допросы подсудимых и свидетелей.

Так, если один подсудимый, отрицая показания другого, заявляет, что тот его оговаривает, прокурор не может этим ограничиться, а выясняет от подсудимого мотивы оговора и тут же проверяет, насколько эти объяснения обоснованы. Для этого прокурор по мере необходимости вовлекает в допрос и других подсудимых и свидетелей, ставя им вопросы в этой связи.

К очной ставке и одновременному допросу подсудимых и свидетелей следует прибегать лишь в тех случаях, когда в показаниях по одному и тому же обстоятельству или факту устанавливаются противоречия, имеющие существенное значение для дела; не следует прибегать к такому допросу, когда нет противоречий в показаниях или когда противоречия в показаниях несущественны, или когда сами обстоятельства, по которым имеются противоречивые показания, не представляют существенного значения для дела. Такие очные ставки и одновременные допросы только затягивают судебное следствие без пользы для всестороннего исследования обстоятельств дела.

В случае необходимости провести очную ставку или одновременный допрос государственный обвинитель обращается к председательствующему с ходатайством разрешить задать вопросы соответствующему подсудимому или свидетелю в связи с имеющимися в их показаниях противоречиями. Особой мотивировки такого ходатайства не требуется. Обвинитель должен лишь указать, что его ходатайство вызвано наличием противоречий в показаниях.

Выше указывалось, что при допросе свидетелей иногда выясняется, что свидетель давал заведомо для него ложные показания. В этих случаях такой лжесвидетель должен быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 95 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик.

Уголовно-процессуальный закон устанавливает, что суд, усмотрев в показаниях кого-либо из допрошенных свидетелей наличие лжесвидетельства, должен внести в протокол судебного заседания по возможности дословно показания этого свидетеля и, заслушав заключение прокурора, вынести мотивированное определение о привлечении свидетеля к ответственности. Определение суда объявляется свидетелю, в отношении которого такое определение принято, после чего материалы направляются для расследования и предания лжесвидетеля суду в общем порядке.

Суд не вправе, вынося определение о привлечении свидетеля к ответственности за лжесвидетельство, в том же судебном заседании осудить лжесвидетеля, даже в том случае, если он полностью признал себя виновным и все обстоятельства дела ясны.

Государственный обвинитель не должен, однако, ждать, пока суд проявит инициативу в возбуждении уголовного преследования против лжесвидетеля. В тех случаях, когда прокурор в ходе допроса изобличит свидетеля в даче заведомо ложных показаний, ему необходимо по собственному почину заявить ходатайство о том, чтобы суд привлек такого лжесвидетеля к законной ответственности, а в случае необходимости избрал для него меру пресечения.

При этом, однако, государственному обвинителю не следует проявлять излишней поспешности. Прокурору надо учесть, что далеко не всякое неправильное показа-

ние может рассматриваться как лжесвидетельство. Для того чтобы суд привлек к уголовной ответственности за лжесвидетельство, должны быть веские доказательства того, что свидетель заведомо из-за заинтересованности в исходе дела дал ложные показания. Если же свидетель показал неправду потому, что он добросовестно заблуждался или запамätовал обстоятельства, очевидцем которых он был, он не может быть привлечен к уголовной ответственности как лжесвидетель. Поэтому прежде чем возбудить ходатайство о привлечении к уголовной ответственности за лжесвидетельство, прокурор путем проверки других доказательств должен убедиться в том, что свидетель давал неправильные показания умышленно, будучи заинтересованным в искажении истины перед судом.

Кроме того, далеко не всегда в начале судебного следствия бывает ясным, какие показания свидетелей являются правильными и какие ложными. Иногда показания свидетеля, кажущиеся в начале судебного следствия ложными, в дальнейшем при проверке других доказательств полностью подтверждаются. И, наоборот, свидетельские показания, казавшиеся в начале искренними и правдивыми, в ходе дальнейшего судебного следствия опровергаются и разоблачаются как лжесвидетельство. Поэтому целесообразно, чтобы ходатайство о привлечении к ответственности за лжесвидетельство, как правило, возбуждалось на более позднем этапе судебного следствия, когда доказательства уже проверены. Если по делу исследуется несколько эпизодов, то такое ходатайство следует возбудить после исследования всех доказательств по эпизоду, по которому давалось ложное показание. Если исследование доказательств ведется не по отдельным эпизодам, — то в конце судебного следствия.

Во всяком случае ходатайство прокурора о привлечении свидетеля к ответственности за лжесвидетельство не должно носить характера запугивания свидетеля с целью понуждения его к изменению своих показаний. Ходатайство о привлечении свидетеля к ответственности может быть возбуждено лишь тогда, когда свидетель полностью разоблачен в лжесвидетельстве и суду представлены достаточные доказательства того, что свидетель умышленно искажил истину в своих показаниях.

Лишь в редких случаях, когда, например, государственный обвинитель сталкивается с организованным

сговором между подсудимыми и свидетелями об отказе от показаний, данных на предварительном следствии, или о даче заведомо ложных показаний и когда прокурору удалось это установить в начале судебного следствия он, не откладывая, возбуждает ходатайство о привлечении избобличенного лжесвидетеля к ответственности. Удовлетворение такого ходатайства может иметь тактическое значение, так как может повлиять на других участвующих в сговоре свидетелей и побудить их давать суду правдивые показания.

д) Постановка вопросов экспертам и их допрос

Как правило, экспертиза по делу там, где она необходима, производится в стадии предварительного следствия. Только в редких случаях вопрос об экспертизе впервые возникает во время судебного разбирательства. Таким образом, в распоряжении государственного обвинителя при подготовке к судебному следствию обычно имеются уже сформулированные вопросы, поставленные перед экспертом на предварительном следствии, и соответствующие ответы эксперта на эти вопросы.

Однако необходимо иметь в виду, что роль прокурора вовсе не сводится к механическому повторению вопросов, поставленных ранее эксперту, точно так же, как и роль эксперта на суде отнюдь не сводится к механическому повторению заключения, данного им на предварительном следствии. В зависимости от результатов судебного следствия прокурор может задать эксперту вопросы, совпадающие с вопросами следователя на предварительном следствии, но прокурор может задать и другие вопросы, сверх поставленных на заключение экспертов на предварительном следствии, а также полностью или частично видоизменить эти вопросы. В некоторых случаях вопросы прокурора могут заставить эксперта изменить, расширить свою аргументацию или дополнить ее в связи с новыми данными, установленными в результате судебного следствия.

В других случаях прокурор должен заявить ходатайство о вызове в суд новых экспертов или о назначении новой экспертизы, вовсе не производившейся на предварительном следствии.

Из сказанного вытекает, что ошибаются те прокуроры, которые недооценивают значения тщательной подготовки к постановке вопросов экспертам и к их допросу. Такие прокуроры считают, что экспертиза на судебном следствии является третьестепенным делом, так как эксперт уже давал заключение на предварительном следствии и у обвинителя имеются готовые вопросы экспертам и заранее известны их ответы. Подобный взгляд является порочным и вредным. Обвинители должны усвоить, что умелая постановка вопросов экспертам, правильная формулировка этих вопросов, обстоятельный и целеустремленный допрос экспертов имеют существенное значение. К этому нужно заранее тщательно подготовиться.

Готовясь к судебному следствию, обвинитель должен продумать возможные варианты дополнительных вопросов экспертам с учетом возможного изменения тактики подсудимых на судебном следствии, изменения показаний свидетелей и т. п.

В ходе судебного следствия государственный обвинитель обязан постоянно учитывать все новое, что вносит в дело проверка судом доказательств и исследование новых доказательств. В результате судебного следствия могут оказаться излишними некоторые из заранее намеченных вопросов экспертам или, напротив, может возникнуть необходимость в постановке новых вопросов или в изменении формулировки намеченного вопроса.

При производстве предварительного следствия по одному делу было выяснено, что группа преступников, маскируясь вывеской промышленной артели, получали от государственного учреждения по твердой цене грузовые автомобили, требующие капитального ремонта, ремонтировали их с помощью рабочих, труд которых оплачивали по нормальным ставкам, а затем отремонтированные автомашины перепродавали колхозам по цене в 20 раз дороже, чем они сами платили за автомашины и за их ремонт. На предварительном следствии эксперту-бухгалтеру был поставлен вопрос: сколько колхозных средств было потрачено на незаконную покупку автомашин? Эксперт, основываясь только на расходных документах колхозов, подсчитал общую сумму, потраченную колхозами на приобретение автомобилей, и дал заключение с указанием этой суммы.

В ходе судебного следствия стало ясным, что для дела имеет значение не общая сумма, потраченная колхозами на приобретение автомашин, а сумма незаконного обогащения преступников, обманывавших государство и колхозы. Дело в том, что колхозы приобрели ценности в виде отремонтированных грузовых автомашин и нельзя было зачесть им в убыток все суммы, израсходованные на приобретение этих машин. От этого также зависела сумма гражданского иска, подлежащего удовлетворению. Соответственно этому эксперту-бухгалтеру были на суде поновому поставлены вопросы. Вопрос о незаконно потраченных колхозных средствах был государственным обвинителем расчленен на три вопроса: 1) сколько денег было потрачено колхозами на приобретение автомашин; 2) какова фактическая стоимость проданных колхозам автомашин с учетом стоимости их ремонта; 3) каковы размеры убытков, понесенных колхозами.

Перед производством экспертизы в суде стороны оглашают вопросы экспертам, по которым они считают необходимым получить от них заключение, и предоставляют эти вопросы суду в письменном виде. Подсудимый может такие вопросы задавать устно, и в этом случае его вопросы формулирует в письменном виде суд. Суд может отвести те или иные вопросы сторон, если он считает их не имеющими отношения к делу, и по своему усмотрению ставить перед экспертами новые вопросы. Окончательно сформулированный перечень вопросов суд передает экспертам.

Экспертам должна быть предоставлена возможность ознакомиться с вещественными и письменными доказательствами и в необходимых случаях произвести их исследование. Если экспертиза касается вопросов о состоянии здоровья подсудимых или свидетелей (потерпевших), экспертам должна быть дана возможность произвести соответствующее освидетельствование, для чего в необходимых случаях объявляется перерыв судебного заседания.

Эксперты удаляются для составления заключения в специально отведенное для них помещение, где они производят необходимые исследования. Заключение составляется в письменном виде в форме мотивированных ответов на поставленные вопросы. Если экспертов несколько и они пришли к единогласному мнению, ими составляется одно общее заключение. В случае разногласия между

экспертами пишутся отдельные заключения. Эксперты должны составить заключения независимо от того, что они по тем же вопросам уже давали заключение на предварительном следствии.

После составления заключения эксперты возвращаются в зал судебного заседания и по предоставлении им председательствующим слова оглашают свои заключения и представляют их суду для приобщения к делу.

Заключение экспертов для суда не обязательно, однако несогласие суда с экспертизой должно быть подробно мотивировано в приговоре или в особом определении (ст. 298 УПК).

Суд, получив письменное заключение экспертов, знакомится с ним и предоставляет сторонам возможность ознакомиться с этим заключением. После того как суд и стороны ознакомились с заключением экспертов, последние могут быть подвергнуты допросу.

Нельзя смешивать допрос экспертов с постановкой им вопросов для дачи заключения.

Допрашивать эксперта можно только по существу его заключения с целью проверки правильности этого заключения и уточнения ответов эксперта. Если в связи с заключением эксперта возникают новые вопросы, по которым эксперт заключения еще не делал, то ему следует эти вопросы задать в порядке дополнительной экспертизы. В зависимости от характера этих вопросов эксперт может либо ответить на них сразу же, либо вправе попросить у суда перерыва для производства необходимых исследований и подготовки заключения.

При допросе экспертов им, например, можно задать вопрос о методологии произведенного им исследования. Так, если эксперт-криминалист был вызван для производства графической экспертизы и дал заключение о том, что текст заподозренного документа исполнен подсудимым, не пояснив при этом, на основании каких признаков он пришел к такому выводу, государственный обвинитель должен допросить эксперта, задав ему вопрос: «На основании каких данных Вы пришли к выводу, что документ исполнен подсудимым?». Ответ эксперта позволит судить о достоверности его заключения и, следовательно, о доказательственной ценности этой экспертизы.

Государственный обвинитель прибегает к допросу экспертов далеко не во всех случаях. Если эксперт четко,

мотивированно и исчерпывающе дал заключение на все поставленные ему вопросы, то нет нужды допрашивать такого эксперта. Однако если защитник при допросе эксперта своими вопросами и полученными на них ответами эксперта поколебал или изменил ранее полученное заключение, то государственный обвинитель в этих случаях не может оставаться безучастным. Он включается в допрос эксперта, чтобы своими вопросами внести в это дело полную ясность для того, чтобы суд мог правильно оценить экспертизу.

Порядок допроса экспертов в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР не предусмотрен. Исходя из общих процессуальных норм, следует считать, что суд может допрашивать экспертов в любое время, то есть и до допроса их сторонами.

Уголовно-процессуальный кодекс УССР (ст. 276) устанавливает для допроса экспертов тот же порядок, который существует для допроса свидетелей, то есть эксперт допрашивается сначала прокурором, а затем защитником и подсудимым. После того как какой-либо из сторон или всеми сторонами вопросы исчерпаны, допрос эксперта производится судом.

В случае признания судом заключения экспертизы недостаточно ясным или неполным и при невозможности данным экспертам восполнить эти пробелы, а также в случае разногласия между экспертами, суд по собственной инициативе или по ходатайству кого-либо из сторон может назначить производство новой экспертизы, пригласив для этой цели новых экспертов. При этом в случае надобности дело может быть отложено слушанием (ст. 300 УПК).

е) Участие обвинителя в исследовании
вещественных и письменных
доказательств
и в осмотре места происшествия

Большое значение для судебного следствия имеет правильное исследование вещественных и письменных доказательств.

Когда к делу приобщены вещественные доказательства, их осмотр является обязательным и производится судом по собственному усмотрению или по ходатайству

сторон в любой момент судебного следствия в зависимости от хода его (ст. 299 УПК).

Практика показывает, что в ряде случаев вещественные доказательства, приобщенные к делу во время предварительного следствия, в судебном следствии не подвергаются исследованию, а иногда даже не доставляются в суд. Между тем внимательное исследование вещественных доказательств на судебном следствии имеет иногда решающее значение для дела. Иногда в результате исследования вещественных доказательств меняется перспектива дела, получают иное освещение другие доказательства.

О значении исследования вещественных доказательств свидетельствуют следующие факты из судебной практики.

По делу, рассматривавшемуся в Московском городском суде, фигурировал такой эпизод: подсудимый А. как на предварительном, так и на судебном следствии утверждал, что дал подсудимому П. в виде взятки серый костюм, который был им сшит по заказу для себя. А. указывал, что костюм был почти новый, так как он его одевал только несколько раз. П. же утверждал, что изъятый у него серый костюм был им куплен в комиссионном магазине, а не получен от А. Изъятый при обыске костюм предъявлялся на суде подсудимому А., который в категорической форме опознал его за тот самый костюм, который он передал П., и при этом утверждал, что костюм не перешивался. Складывалось мнение, что правду говорит подсудимый А., но не подсудимый П.

Между тем когда подсудимому А. было предложено одеть на себя фигурировавший в качестве вещественного доказательства костюм, то суд убедился в том, что этот костюм ему узок и короток, а, следовательно, версия подсудимого А. сомнительна. Убедившись в провале первоначально выдвинутой версии, подсудимый А. стал выдвигать новую версию, но доверие к нему уже было поколеблено.

Л. был предан суду за мошенничество. Его обвиняли в продаже трех фальшивых бриллиантов, которые были обнаружены и приобщены к делу в качестве вещественных доказательств. Л. в прошлом уже привлекался за аналогичные мошеннические действия и хотя он отрицал продажу этих трех бриллиантов, он был предан суду. Во время судебного разбирательства потерпевшие опознавали

в подсудимом Л. продавца трех фальшивых бриллиантов. Подсудимый же, не отрицая, что он подобными аферами занимался, настаивал на том, что именно этим потерпевшим он ничего не продавал.

При исследовании вещественных доказательств оказалось, что в пакете имеются не три, а пять фальшивых бриллиантов. Поскольку на судебном следствии не представилось возможным установить, почему в пакете с вещественными доказательствами оказалось пять фальшивых бриллиантов, в то время как по делу фигурировали только три, суд правильно обратил дело к доследованию. Доследование выявило ряд новых обстоятельств, приведших к привлечению к ответственности еще двух лиц, задерживавшихся одновременно с Л. Таким образом, исследование вещественных доказательств в данном случае изменило перспективу дела.

По делу Б., преданного суду за убийство, фигурировал в качестве вещественного доказательства изъятый при обыске на квартире подсудимого Б. мужской ботинок, следы которого были зафиксированы на месте убийства. Б. как на предварительном, так и на судебном следствии признавал себя виновным в убийстве и его виновность подтверждалась и другими доказательствами. Однако при исследовании вещественного доказательства на суде государственный обвинитель обратил внимание на явную несоответственность ботинка росту и комплекции подсудимого Б.: ботинок был размера № 38, а подсудимый Б. был рослым человеком, плотного телосложения. Государственный обвинитель в порядке исследования вещественных доказательств возбудил ходатайство перед судом предложить подсудимому Б. примерить ботинок. Как и предполагал государственный обвинитель, ботинок оказался явно малым. На основании этого государственный обвинитель возобновил допрос подсудимого Б., в результате чего выяснилось, что ботинок принадлежит младшему брату Б., участвовавшему в убийстве, и что подсудимый Б. ранее неправильно показывал о принадлежности ему обнаруженного при обыске ботинка, так как не хотел выдавать своего сообщника. Суд по ходатайству прокурора в порядке ст. 315 УПК обратил дело к доследованию.

Последний пример весьма поучителен по двум причинам. Во-первых, он наглядно показывает значение исследования вещественных доказательств, которое дало делу

иное направление. Во-вторых, он показывает, как иногда подсудимые «охотно» принимают всю вину на себя, признавая даже такие факты, которых в действительности не было, для того чтобы выгородить своих сообщников. Прокурор в процессе обязан иметь это в виду.

Исследование вещественных доказательств на судебном следствии производится судом путем предъявления их сторонам. При этом стороны представляют суду свои соображения и замечания по каждому вещественному доказательству, обращая внимание суда на отдельные характерные особенности, имеющие значение для дела, а также внося предложения о дополнительных действиях для проверки тех или иных обстоятельств в связи с исследованием вещественных доказательств, как это, например, имело место в приведенных выше делах подсудимых А. и Б.

Если вещественные доказательства сторонам не предъявлялись или судом не были заслушаны соображения сторон по поводу вещественных доказательств, то по существу нельзя говорить об исследовании вещественных доказательств на судебном следствии, и поэтому ни суд, ни стороны не могут делать из имеющихся вещественных доказательств никаких выводов.

Государственный обвинитель должен проследить за тем, чтобы не ущемлялись права подсудимого, который по закону вправе по поводу каждого вещественного доказательства дать свои объяснения.

Выбор момента для исследования вещественных и письменных доказательств зависит от конкретных особенностей каждого дела. Если подсудимый признал себя виновным и его виновность подтверждается свидетельскими показаниями, заключением эксперта и нет расхождений между этими доказательствами и вещественными доказательствами,— исследование вещественных доказательств целесообразно произвести в конце судебного следствия. В случаях, когда подсудимый вовсе отрицает свою вину либо преуменьшает ее, целесообразно исследовать вещественные доказательства в начале судебного следствия или в ходе допроса подсудимых, свидетелей. Если по поводу вещественного доказательства требуется заключение эксперта, то исследование этого вещественного доказательства в суде должно предшествовать постановке вопросов эксперту.

Теми же соображениями следует руководствоваться

при выборе момента для оглашения письменных доказательств. Оглашение документов иногда целесообразно производить в ходе допроса подсудимых и свидетелей и в том случае, если нет противоречий между их показаниями и письменными доказательствами для того, чтобы подкрепить показания, сделать их более убедительными для суда или для того, чтобы получить подтверждение допрашиваемых о правильности документа, имеющего значение для дела.

По некоторым делам бывает целесообразно огласить письменное доказательство в целях опровержения или ослабления значения другого доказательства, только что приведенного защитой в интересах подсудимого. В других случаях полезно огласить письменное доказательство в тот момент, когда у суда возникает сомнение по поводу обстоятельств, устанавливаемых этим доказательством.

Обвинитель может просить суд огласить тот или иной документ или с разрешения суда огласить документ сам. Если документ слишком большой и текстуальное оглашение его затруднительно, обвинитель должен просить суд удостоверить, что в деле имеется документ соответствующего содержания. Ходатайство об этом нужно сформулировать, примерно, следующим образом: «Прошу суд удостоверить, что в томе 2 на листе дела 67 имеется акт ревизии, в выводах которого написано...» (далее передается содержание выводов путем цитирования или своими словами).

Государственный обвинитель, сам цитируя выдержки из документов, не может допускать, чтобы цитаты были искусственно выдернуты из контекста или искажали общий смысл документа. Он должен следить, чтобы и цитируемые защитником или подсудимым выдержки из документов строго соответствовали действительному содержанию документов и не искажали их смысла. Если это имеет место, государственный обвинитель обязан немедленно реагировать на это путем соответствующего заявления суду.

Так, если подсудимый или его защитник, оглашая с разрешения суда документ, вследствие небрежности или умысла пропускают несколько строк, содержание которых является важным для дела и пропуск которых меняет смысл прочитанного, прокурор обращается к суду с заявлением, в котором просит суд обратить внимание на то,

что при цитировании такого-то документа, подлинник которого находится на таком-то листе дела, были пропущены такие-то строки, вследствие чего искажено содержание документа в целом. В своем заявлении прокурор должен указать, что «так как содержание этих строчек имеет значение для дела, необходимо повторно огласить эту часть документа без сокращения».

В случае необходимости в интересах полноты исследования доказательств произвести осмотр места совершения преступления, суд может выехать для осмотра в полном составе либо поручить производство осмотра одному из членов суда. По прибытии на место, подлежащее осмотру, председательствующий открывает судебное заседание, после чего производится осмотр. При этом стороны имеют право обращать внимание суда и требовать занесения в протокол всего того, что они считают существенным для дела. Такое же право предоставляется сторонам при производстве осмотра одним из членов суда (ст. 301 УПК).

Государственный обвинитель должен проявлять инициативу и требовать производства осмотра судом места преступления тогда, когда это имеет значение для дела. Возбуждая соответствующее ходатайство перед судом, прокурор обосновывает необходимость осмотра и вносит на рассмотрение суда свои предложения — провести ли этот осмотр в полном составе суда или одним членом суда, с участием ли подсудимых или без их участия, произвести ли только осмотр или наряду с осмотром следует произвести опыт, то есть воспроизвести обстановку того события, к которому относится проверяемое доказательство.

При производстве самого осмотра с выездом на место государственный обвинитель активно в нем участвует, обращая внимание суда (или члена суда, если осмотр производится неполным составом суда) на особенности и детали места происшествия, имеющие значение для дела.

При рассмотрении Московским городским судом дела по обвинению Г. и других было чрезвычайно важно точно установить, с какого этажа выбросилась потерпевшая Ф., которую подсудимые пытались изнасиловать. По материалам предварительного следствия Ф. выбросилась с четвертого этажа. Между тем в истории болезни Ф., с ее слов, было записано, что она выбросилась из окна третьего этажа. Допрошенный в судебном заседании врач боль-

ницы, заполнявший историю болезни, подтвердил, что Ф. по доставлении ее в больницу заявила ему, что она выбросилась из окна третьего этажа.

По обстоятельствам данного дела необходимо было, чтобы суд непосредственно ознакомился с обстановкой места происшествия. Государственный обвинитель правильно поступил, заявив ходатайство о выезде на место. Суд удовлетворил это ходатайство и произвел осмотр места происшествия всем составом суда, и это дало возможность суду правильно оценить обстоятельства дела и имеющиеся доказательства. Оказалось, что Ф. выбросилась из окна с лестничной площадки между третьим и четвертым этажами. В результате осмотра места происшествия выявилась необходимость в допросе дополнительного свидетеля — дворника В. По ходатайству государственного обвинителя был допрошен этот свидетель, который дал показания, имевшие весьма важное значение для изобличения подсудимых.

Таким образом, активное участие государственного обвинителя в осмотре места происшествия не только помогает суду в проверке имеющихся доказательств по делу, но иногда способствует выявлению новых доказательств.

ж) Поддержание гражданского иска и его обеспечение

В тех случаях, когда прокурор принял на себя поддержание гражданского иска, он должен иметь в виду, что наряду с выяснением обстоятельств и мотивов преступления в его обязанность входит также доказать нанесение потерпевшему материального ущерба и помочь потерпевшему установить точный размер этого ущерба.

При допросе подсудимых и свидетелей, при исследовании вещественных и письменных доказательств, при постановке вопросов эксперту государственный обвинитель предусматривает выяснение всех обстоятельств, относящихся к гражданскому иску, для того чтобы он мог обосновать и поддержать.

По делам, по которым в судебном заседании участвует гражданский истец, функция прокурора состоит в осуществлении надзора за тем, чтобы права гражданского истца были полностью соблюдены, чтобы меры обеспечения гражданского иска были своевременно приняты и

чтобы суд одновременно с рассмотрением уголовного дела исследовал все обстоятельства, относящиеся к гражданскому иску

Если в ходе судебного следствия будет установлено, что потерпевшему нанесен материальный ущерб, прокурор ставит перед судом вопрос об обеспечении будущего гражданского иска. Особая обязанность возлагается на прокурора в тех случаях, когда потерпевшими являются государственные или общественные организации, учреждения, предприятия. В этих случаях прокурор не только должен поставить вопрос перед судом об обеспечении будущего гражданского иска, но и осуществлять надзор за тем, как уполномоченные на то органы будут исполнять определение суда об обеспечении гражданского иска.

з) Дополнение судебного следствия

После допроса подсудимых и вызванных в суд свидетелей и экспертов, а также проверки всех иных доказательств, имеющихся в деле (документы, вещественные доказательства), председательствующий спрашивает прокурора, защитника и подсудимых, чем они могут дополнить судебное следствие. При желании сторон дополнить судебное следствие председательствующий предоставляет им возможность дополнительного допроса подсудимых и свидетелей, приобщения новых документов, оглашения материалов дела и т. д. В процессе дополнения судебного следствия стороны могут возбудить новые ходатайства (ст. 303 УПК). Если реализация решений, принятых судом по этим ходатайствам, не требует отложения слушания дела, председательствующий после выполнения всех определений суда объявляет судебное следствие законченным.

Практика показывает, что многие прокуроры не уделяют должного внимания этой заключительной части судебного следствия. Между тем этот момент судебного разбирательства является весьма важным.

Даже в тех случаях, когда в процессе судебного следствия дело достаточно выяснено, бывает, что тот или иной документ, находящийся в деле, то или иное письменное показание, имеющее существенное значение, не были оглашены. В этом случае ни прокурор в своей обвинительной речи, ни суд в своем приговоре не смогут на них сослаться, так как процессуальный закон не допускает ссылки на

доказательства, которые не были рассмотрены во время судебного следствия (ст. ст. 305 и 319 УПК). Поэтому для того чтобы обвинитель мог в своей речи сослаться на такой документ или на такое показание, для того чтобы суд мог реализовать такое доказательство при постановлении приговора, государственный обвинитель должен в порядке дополнения судебного следствия ходатайствовать об оглашении таких письменных доказательств.

Но дополнение судебного следствия имеет еще большее значение тогда, когда после допросов подсудимых, свидетелей, экспертов и т. д. все же остались некоторые невыясненные вопросы, имеющие значение для дела, остались некоторые неустраненные существенные противоречия между доказательствами.

Суд вправе вынести приговор только в том случае, если все обстоятельства дела исчерпывающе выяснены.

Поэтому государственный обвинитель должен восполнить пробелы, устранить неясность путем постановки дополнительных вопросов свидетелям и подсудимым, оглашения имеющихся в деле иных доказательств, а иногда и путем заявления новых ходатайств о вызове дополнительных свидетелей и приобщении новых документов. Само собой разумеется, что прокурору следует ходатайствовать об истребовании только таких новых доказательств, без которых суд не в состоянии вынести приговор. Если эти доказательства не могут быть представлены суду немедленно, прокурор ставит вопрос либо о перерыве, либо об отложении судебного заседания.

Для того чтобы реально воспользоваться своим правом дополнения судебного следствия, обвинитель к концу судебного следствия должен сам подвести итог и проанализировать, исчерпан ли план судебного следствия, полностью ли он использовал обвинительные доказательства и насколько полно и убедительно он опроверг неполноценные доказательства защиты. Именно под этим углом зрения он и должен дополнить судебное следствие.

Суд имеет право оставить открытыми ходатайства, заявленные сторонами до начала или во время судебного следствия, с тем, чтобы принять решение по этим ходатайствам в конце судебного следствия. Обычно решения по этим ходатайствам суд принимает, когда он переходит к дополнению судебного следствия. Обвинителю необходимо проследить за тем, чтобы

суд вынес определения по всем заявленным ходатайствам, а если суд этого не сделал, напомнить об этом председательствующему в корректной форме. Например, подсудимый до начала судебного следствия заявил ходатайство о вызове дополнительного свидетеля Н. Суд определил решить это ходатайство в зависимости от хода судебного следствия. Подсудимый и его защитник больше не возвращались к этому ходатайству, а суд никакого решения не вынес. В этом случае государственный обвинитель во время дополнения судебного следствия обращается к суду примерно с таким заявлением: «Подсудимый возбудил ходатайство о вызове свидетеля Н. Окончательного решения по этому ходатайству суд не принял. В связи с этим прошу суд обсудить это ходатайство и принять по нему решение. Со своей стороны полагаю, что, поскольку допрошенные судом свидетели Д. и Л. полностью осветили обстоятельство, в подтверждение которого подсудимый ходатайствовал вызвать Н., и что подсудимый не отрицал показаний допрошенных в судебном заседании свидетелей Д. и Л., — заявленное ходатайство подлежит отклонению».

Если остались нерассмотренными ходатайства обвинителя, прокурор напоминает суду о необходимости принятия решения по этим ходатайствам. При этом прокурор должен критически подойти к ранее заявленным ходатайствам и заявить, что он снимает ранее заявленные ходатайства, если в результате судебного следствия отпала необходимость в их удовлетворении. И, наоборот, прокурор обязан вновь повторить ранее заявленное ходатайство, если он придет к выводу, что удовлетворение этого ходатайства имеет существенное значение для дела.

Повторяя свое ходатайство, государственному обвинителю надлежит его обосновать, чтобы убедить суд в необходимости удовлетворить заявленное ходатайство.

Если у прокурора ничем дополнить судебное следствие и когда не осталось неразрешенных ходатайств сторон, обвинитель ограничивается кратким ответом на вопрос председательствующего: «Дополнить судебное следствие ничем не имею».

В порядке дополнения судебного следствия могут заявить ходатайства и подсудимый и его защитник, а госу-

дарственный обвинитель обязан давать заключения по этим ходатайствам. Давая заключения по таким заявлениям, прокурор должен проявлять бдительность и пресекать попытки искусственно затянуть разбор дела, исказить перспективу дела, извратить то или иное доказательство.

О необходимости критического отношения к документам, представляемым подсудимым или его защитником, полученным ими внесудебным путем, свидетельствует следующий факт: при рассмотрении в одном из народных судов г. Москвы дела И., обвиняемого в незаконном отпуске пряжи, его защитником при дополнении судебного следствия были представлены суду ряд справок и писем, реабилитирующих И. В том числе была представлена справка, смысл которой сводился к тому, что пряжа, выделяемая «Главтрикотажу» с предприятий текстильной промышленности, не соответствует требованиям трикотажной промышленности (?).

Абсурдность такой справки была совершенно очевидна. Тем не менее она была приобщена к делу. Впоследствии при доследовании дела было выяснено, что защитник воспользовался заведомо недоброкачественными документами.

Вместе с тем государственный обвинитель не должен допускать нарушения процессуальных прав подсудимого, неправильного сужения рамок судебного следствия, одностороннего исследования доказательств. Если ходатайство подсудимого или его защитника о дополнении судебного следствия имеет значение для дела, государственный обвинитель не только должен не возражать против его удовлетворения, но и поддерживать такое ходатайство.

Прокурор, как представитель органа надзора за соблюдением законности, наряду с председательствующим несет полную ответственность за нарушение процессуальных норм, если он своевременно не возражал против этих нарушений.

Участвуя в судебном процессе, прокурор выступает не только как представитель обвинения, его задача не исчерпывается тем, что он докажет суду виновность подсудимого и по делу будет вынесен обвинительный приговор. Участие прокурора в суде должно обеспечить вынесение судом законного и обоснованного приговора.

§ 4. Разрешение некоторых специальных вопросов, возникающих на судебном следствии

а) Обращение дела к исследованию

Признав, что дело недостаточно выяснено и что могут быть собраны новые доказательства, суд вправе по собственной инициативе или по ходатайству какой-либо из сторон отложить дело слушанием и истребовать новые доказательства либо направить дело на исследование (ст. 302 УПК).

Судебная практика свидетельствует о том, что в ряде случаев суды неосновательно обращают к исследованию дела вместо того, чтобы восполнить имеющиеся пробелы или неясности в ходе судебного следствия путем вызова дополнительных свидетелей, истребования новых документов, назначения повторной экспертизы и т. п. Чаще всего это происходит в результате того, что государственный обвинитель недостаточно знаком с делом и не сумел опровергнуть неосновательные доводы об обращении дела к исследованию.

Конечно, обращение дела к исследованию в некоторых случаях может и должно иметь место, но только по тем делам, когда действительно имеются такие пробелы и неясности, которые не могут быть восполнены в ходе судебного следствия. В этих случаях государственный обвинитель не только может поддержать обоснованное ходатайство защитника, но обязан сам, по собственной инициативе, ставить вопрос перед судом об обращении дела к исследованию.

Во всех же остальных случаях прокурор должен убедить суд в отсутствии оснований для обращения дела к исследованию и доказать, что пробелы предварительного следствия могут быть восполнены на суде без обращения дела к исследованию.

Так, например, в ряде случаев защитник возбуждает ходатайство об обращении дела к исследованию «для устранения противоречий в показаниях свидетелей, данных на предварительном следствии и на суде», а прокуроры не возражают против такого ходатайства и мирятся с обращением дела к исследованию по этим основаниям. Между тем при правильном и активном ведении судеб-

ного следствия противоречия в показаниях могут быть устранены или объяснены во время судебного разбирательства путем допроса свидетелей о причинах расхождений в их показаниях, очных ставок между свидетелями и подсудимыми и т. п. Вполне очевидно, что даже в случае действительной неустранимости противоречий на судебном следствии направление дела на доследование только по этим мотивам является бесцельным. Эти противоречия останутся и на предварительном следствии. Именно суд и только суд на основе совокупности всех доказательств должен решить, какое из противоречивых доказательств является правильным, какому из показаний свидетеля можно верить.

К каким недопустимым приемам прибегают иногда, чтобы сорвать рассмотрение дела и заволокитить его путем необоснованного возвращения на доследование, свидетельствует следующий факт из практики Московского городского суда. Несложное по содержанию дело по ст. 109 УК слушалось в разных судах 14 раз, неоднократно обращалось к доследованию по ходатайству подсудимого. Характерно, что в качестве «оснований» для обращения к доследованию выдвигались и такие аргументы, как: нарушение ст. 116 УПК (следователь не возбуждал ходатайства о продлении срока следствия по делу); ознакомление обвиняемого с заключением экспертизы, допрос обвиняемого и выполнение ст. 206 УПК произведены в один день; неправильное указание в обвинительном заключении о том, что обвиняемый был ранее судим, в то время как его судимость якобы была погашена давностью и т. п.

В ряде случаев на суде возникает сомнение в психической полноценности подсудимого и на этом основании с согласия прокурора дело обращается на доследование для производства психиатрической экспертизы. Направление дела на доследование по таким основаниям является неправильным. Если возникли сомнения в психической полноценности подсудимого, прокурор возбуждает ходатайство о вызове эксперта-психиатра в суд для дачи заключения, а если эксперт даст заключение о необходимости стационарного исследования подсудимого, прокурор дает заключение об отложении дела.

Как должен поступить государственный обвинитель в тех случаях, когда суд отклонил его обоснованное хода-

тайство об обращении дела к доследованию? Как он должен вести себя в прениях сторон?

Прокурор должен исходить в этих случаях из двух основных принципов: 1) он должен действовать строго в соответствии со своими убеждениями, не поступаясь своей совестью; 2) он должен проявлять всемерное уважение к советскому суду и ни при каких обстоятельствах не подрывать его авторитет в глазах участников процесса и присутствующих в суде граждан.

Поэтому, не имея права вступать в пререкания с судом по поводу отклонения его ходатайства об обращении дела к доследованию, а тем более отказаться от дальнейшего участия в процессе, прокурору в зависимости от конкретных обстоятельств дела в своей речи необходимо:

а) поддерживать обвинение, если собраны доказательства, убеждающие прокурора в том, что несмотря на отдельные неясности, относящиеся к деталям или второстепенным вопросам, подсудимый виновен в совершении преступления;

б) полностью или частично отказаться от обвинения, если в результате судебного следствия у прокурора сформулировалось убеждение в недоказанности обвинения;

в) в тех случаях, когда из-за неполноты собранных доказательств у прокурора не сложилось определенного убеждения в виновности или невиновности подсудимого, в обвинительной речи еще раз подвергнуть тщательному анализу все доказательства, попытаться убедить суд в том, что этих доказательств недостаточно для вынесения обвинительного или оправдательного приговора, и в заключение еще раз подтвердить свой вывод о том, что при сложившихся обстоятельствах существует только один законный выход — обратить дело на доследование.

При необоснованном определении суда о возвращении дела к доследованию прокурор в самом судебном заседании не вступает в пререкания с судом и в необходимых случаях приносит частный протест в вышестоящий суд.

б) Возобновление судебного следствия

По закону допускается возобновление судебного следствия в следующих случаях: а) когда во время прений сторон возникает необходимость в предъявлении новых дока-

зательств (ст. 305 УПК); б) когда в последнем слове подсудимый раскрывает новые обстоятельства, имеющие существенное значение для дела (примечание к ст. 309 УПК); в) когда суд во время совещания для постановления приговора признает необходимым выяснить какое-либо обстоятельство путем передопроса свидетелей, подсудимых и т. п. (ст. 325 УПК).

Статья 305 УПК запрещает сторонам во время прений представлять новые доказательства, не рассмотренные во время судебного следствия. Но на практике может случиться, что прокурору или адвокату после окончания судебного следствия, когда уже начались прения сторон, становятся известными факты или обстоятельства, имеющие существенное, а иногда решающее значение для вынесения законного и обоснованного приговора. Эти новые факты или обстоятельства стороны не вправе сообщить суду в прениях. Однако было бы неправильным лишить стороны возможности представлять новые доказательства, если они имеют значение для дела. Поэтому закон предоставляет сторонам право возбудить ходатайство о возобновлении судебного следствия и от суда зависит удовлетворение этого ходатайства.

Если необходимость в возобновлении судебного следствия возникает у государственного обвинителя, он должен заявить суду ходатайство примерно такого содержания: «После окончания судебного следствия мне как государственному обвинителю стали известны такие-то факты, (следует краткое изложение этих фактов). Эти факты устанавливаются такими-то доказательствами (следует краткий перечень доказательств). Считая эти факты существенными для дела (следует краткая мотивировка), прошу суд на основании ст. 305 УПК возобновить судебное следствие».

Аналогичное ходатайство государственный обвинитель обязан возбудить и в тех случаях, когда адвокат в нарушение ст. 305 УПК сообщил в своей защитительной речи новые факты и обстоятельства или сослался на новые доказательства, не бывшие предметом судебного разбирательства во время судебного следствия.

Если ходатайство о возобновлении судебного следствия заявляет подсудимый или его защитник, прокурор не вправе в своем заключении возражать против возобновления судебного следствия, если оно действительно вызы-

вается необходимостью. И, наоборот, прокурору необходимо возражать, если ходатайство о возобновлении судебного следствия является необоснованным.

Возобновление судебного следствия в практике встречается весьма редко. Тем не менее государственный обвинитель должен учитывать такую возможность и быть подготовленным к этому.

Народный суд 6-го участка Москворецкого района г. Москвы рассматривал дело по обвинению В. и других по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». По этому делу выступал адвокат (суд вынес специальное определение о недобросовестном поведении этого адвоката в суде), который после речи прокурора возбудил ходатайство о возобновлении судебного следствия по мотивам, что у него имеются новые данные, но эти данные он сообщит только после возобновления судебного следствия. Необоснованность такого ходатайства была очевидна, так как адвокат не указал, какие именно новые данные у него имеются, чем они подтверждаются и какое значение имеют для дела; такое «ходатайство» не давало материала для суждения о том, насколько возобновление судебного следствия действительно является необходимым.

Однако выступавший по делу прокурор вместо того, чтобы своим мотивированным заключением показать всю необоснованность заявленного «ходатайства», растерялся и ничего не противопоставил попытке сорвать слушание дела.

Статья 309 УПК предусматривает, что после окончания прений сторон, перед тем, как суд удаляется для постановления приговора, подсудимым предоставляется последнее слово.

Содержание последнего слова не регламентировано законом. В законе лишь сказано, что во время последнего слова ни суд, ни стороны не могут задавать подсудимому вопросы. Отсюда следует, что подсудимый в последнем слове может говорить все, что он считает нужным изложить суду в свою защиту. Однако это вовсе не означает, что подсудимый может использовать трибуну суда и свое право на последнее слово в целях, противоречащих задачам правосудия. Так, совершенно недопустимо, когда в последнем слове вместо защиты подсудимый наносит

оскорбления суду и сторонам, а тем более, когда он позволяет себе выпады против Советского государства. В этих случаях председательствующий, безусловно, должен прервать подсудимого и если он этого не сделал, то прокурор обязан обратить внимание суда и потребовать, чтобы подсудимый был призван к порядку.

В том случае, когда подсудимый в последнем слове раскрывает новые обстоятельства, имеющие существенное значение для дела, суд вправе как по своей инициативе, так и по ходатайству сторон возобновить судебное следствие.

Так, если подсудимый в последнем слове раскрывает новые обстоятельства, которые меняют перспективу дела (усиливают, смягчают или вовсе исключают ответственность подсудимого), либо такие обстоятельства, в результате проверки которых могут быть привлечены новые лица или исключена ответственность кого-либо из ранее привлеченных лиц, то судебное следствие должно быть возобновлено.

При всех условиях судебное следствие должно быть возобновлено, когда подсудимый, отрицавший на судебном следствии свою вину, заявит в последнем слове, что он признает себя виновным, и в связи с его признанием какая-либо из сторон заявит о своем желании задать подсудимому дополнительные вопросы.

Если же такое заявление сторон не последовало, то не всякое признание в последнем слове своей вины должно влечь обязательное возобновление судебного следствия.

Так, например, если подсудимый, признав в последнем слове свою вину, не приводит никаких новых обстоятельств, ранее суду неизвестных, и, таким образом, его признание не требует дополнительной проверки, поскольку его виновность уже была доказана, то нет необходимости возобновлять судебное следствие.

Возобновление судебного следствия производится мотивированным определением суда, после чего начинается исследование вновь выявленных обстоятельств: могут быть вызваны новые свидетели, эксперты, могут быть передопрошены ранее допрошенные свидетели, подсудимые и т. д. В этих случаях дальнейшее судебное разбирательство происходит в обычном порядке.

Наконец, на основании ст. 325 УПК судебное следствие может быть возобновлено по инициативе суда во время

постановления приговора в совещательной комнате. Судебное следствие возобновляется в тех случаях, когда суд во время совещания признает необходимым выяснить какое-либо обстоятельство, которое может быть установлено только путем какого-либо судебного действия. В тех же случаях, когда выяснение этого обстоятельства невозможно в самом суде, то суд, не возобновляя судебного следствия, обращает дело к доследованию.

в) Изменение обвинения на суде
и привлечение к суду новых лиц

Статья 311 УПК устанавливает, что разбирательство дела в суде производится лишь в отношении лиц, преданных суду до открытия судебного заседания, и лишь в отношении обвинения, которое было предъявлено обвиняемому и по которому обвиняемый был предан суду. Таким образом, суд связан рамками обвинительного заключения, а если формула обвинения подверглась изменению в подготовительном заседании, то и рамками определения подготовительного заседания суда.

Вменение в вину подсудимому в суде иных преступлений, кроме изложенных в обвинительном заключении, или изменение квалификации, усиливающее ответственность подсудимого за ранее вмененное ему преступление, явилось бы существенным нарушением прав подсудимого на защиту, а потому недопустимо.

Однако судебное следствие не является механическим повторением предварительного следствия. Поэтому судебное следствие может внести существенные изменения в выводы предварительного следствия и установить новые обстоятельства, значительно меняющие картину дела: некоторые пункты обвинения могут вовсе отпасть и, наоборот, могут выявиться факты совершения других, ранее неизвестных преступлений, совершенных подсудимым или другим лицом; может выявиться непричастность к преступлению некоторых подсудимых и, наоборот, может быть установлено, что в совершении преступления участвовали другие лица, помимо преданных суду. Наконец, в ходе судебного следствия могут выявиться иные мотивы преступления и другие обстоятельства, влекущие изменение квалификации преступления.

Закон допускает возможность дополнения и изменения

обвинения, а также привлечения к ответственности новых лиц, но лишь при условии соблюдения установленных законом правил (ст. ст. 312—316 УПК), которые обеспечивают процессуальные гарантии для подсудимого.

Всякое новое обвинение против подсудимого, которое возникло во время судебного процесса, не может быть рассмотрено в том же судебном заседании. Выяснив, что подсудимым совершено еще одно преступление кроме того, которое является предметом судебного разбирательства, суд обязан выделить дело о новом преступлении в особое производство и направить его органам дознания или предварительного следствия.

Так, например, если подсудимый обвиняется в хищении, а на суде выяснилось, что он, кроме того, совершил и убийство, то дело о хищении продолжается слушанием, а дело об убийстве выделяется в особое производство и направляется для производства предварительного следствия.

Если это новое преступление находится в тесной связи с преступлением, рассматриваемым судом, и по этой причине дела об этих двух преступлениях не могут рассматриваться отдельно одно от другого, суду надлежит отложить дело слушанием и направить его на следствие для предъявления нового обвинения, производства следствия и предания суду на общих основаниях.

Так, если выяснилось, что хищение и убийство тесно связаны одно с другим, суд направляет на следствие все дело.

Если в ходе судебного процесса выявится необходимость изменить формулировку первоначально предъявленного обвинения, суд должен руководствоваться нижеследующим.

Не допускается вынесение приговора в том же судебном заседании, когда в ходе судебного следствия выяснилось, что подсудимым совершено иное преступление, чем то, за которое он был предан суду, если это преступление влечет за собою более тяжелое наказание, чем предусматривало ранее предъявленное ему обвинение, или если существенно меняется характер преступления, вменяемого в вину подсудимому. Так, если подсудимый был предан суду за неосторожное убийство, а в суде выяснилось, что это убийство было умышленным, то суд не вправе в этом же судебном заседании вынести приговор, даже если подсудимый признал себя виновным в умышленном убийстве.

Или: подсудимый был предан суду за умышленное убийство. На судебном следствии было установлено, что подсудимый действительно был на месте убийства, но самого убийства не совершал, а только снял с убитого часы. Таким образом, его действия должны квалифицироваться как кража личного имущества. Хотя наказание за это преступление не превышает наказания за то преступление, за которое он был предан суду (умышленное убийство), все же нельзя вынести приговор в том же судебном заседании, поскольку характер совершенного преступления существенно отличается от того преступления, за которое обвиняемый был предан суду.

Хотя ст. 313 УПК и обуславливает отложение дела и направление его на следствие наличием ходатайства о том какой-либо из сторон¹, однако установившаяся судебная практика требует безусловного отложения дела и направления его на следствие во всех случаях, когда новая квалификация влечет более тяжкую ответственность.

Изменение формулировки обвинения и вынесение приговора по новой формулировке обвинения в том же судебном заседании допускается в тех случаях, когда новая формулировка обвинения не влечет за собой более тяжкого наказания и притом когда характер нового обвинения является однородным или, в крайнем случае, смежным. Так, например, подсудимый был предан суду по обвинению в умышленном убийстве. В суде выяснилось, что убийство действительно было им совершено, но подсудимый действовал не умышленно, а неосторожно. В этом случае новое обвинение является однородным с ранее предъявленным, и поскольку законом за него установлено более легкое наказание, суд вправе вынести приговор, не возвращая дела на следствие. Или: подсудимый был предан суду за хищение государственного имущества. В суде выяснилось, что хищение действительно имело место, но не государственного, а личного имущества. В этом случае суд, не откладывая дела, может вынести приговор, поскольку преступления однородны и поскольку фактически совершенное преступление влечет за собою менее

¹ Статья 291 УПК УССР предусматривает, что дело откладывается при наличии ходатайства подсудимого и в случае возражений прокурора против дальнейшего слушания дела.

тяжкое наказание, чем то, которое угрожало обвиняемому по предъявленному обвинению.

Допустимо также вынесение приговора в том же судебном заседании, когда действия подсудимого квалифицировались по аналогии с какой-либо статьей Уголовного кодекса, а суд пришел к выводу, что преступление нужно квалифицировать по той же статье, но без аналогии.

В тех случаях, когда на основании материалов судебного следствия необходимо изменить формулировку или сущность обвинения и ввиду этого изменения дело не может быть рассмотрено в том же судебном заседании, государственный обвинитель по своей инициативе заявляет ходатайство перед судом об отложении дела с направлением его на следствие. В своем ходатайстве прокурор должен обосновать собранными доказательствами необходимость изменения формулировки обвинения, указать, какие последствия такое изменение влечет для подсудимого, и, ссылаясь на соответствующую статью Уголовно-процессуального кодекса (312 или 313 УПК), просит суд об обращении дела к следованию. Прокурор излагает суду свои соображения по поводу меры пресечения. Если подсудимый находится на свободе, а новое обвинение влечет за собою более тяжкую меру наказания, или если имеются опасения, что подсудимый может повлиять на ход следствия при рассмотрении дела, или если имеются основания предполагать, что подсудимый может скрыться, прокурор обязан внести предложение об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей.

Когда в суде выясняется, что по данному делу должны быть привлечены к уголовной ответственности новые лица, кроме ранее привлеченных, суд выносит определение о привлечении этих лиц и выделяет материалы о них в особое производство, которое направляет для расследования в общем порядке, а рассматриваемое дело продолжает слушать. В тех случаях, когда обвинение вновь привлеченных лиц тесно связано с рассматриваемым делом и раздельное рассмотрение не представляется возможным, суд должен отложить слушание дела и направить его на следствие в полном объеме. Суд вправе принять меры пресечения к вновь привлеченным лицам.

Закон предусматривает, что суд должен вынести мотивированное определение о привлечении новых лиц к ответственности, причем предварительно заслушивает заклю-

чение прокурора. Однако обвинителю не следует ждать, пока суд поставит вопрос о привлечении к ответственности новых лиц и предложит прокурору дать свое заключение, а по собственной инициативе, как только в суде выяснится, что помимо преданных суду уголовной ответственности подлежат и другие, непривлеченные лица, заявить ходатайство перед судом о привлечении к ответственности новых лиц, а в случае необходимости — об отложении слушания дела и направлении его на исследование.

Заключение или ходатайство прокурора о привлечении к уголовной ответственности новых лиц должно быть обоснованным и мотивированным. Прокурор приводит доказательства, служащие основанием для привлечения к ответственности новых лиц, указывает квалификацию преступления, излагает свои соображения о возможности продолжить слушание дела и предложения о мере пресечения в отношении вновь привлеченных лиц. Ходатайство прокурора излагается примерно следующим образом: «На судебном следствии выяснилось, что помимо подсудимого Я. в хищении пшеницы с тока колхоза «Красная Заря» принимал участие сторож колхоза С. Это обстоятельство устанавливается показаниями допрошенных на суде свидетелей К., Л., М., П., а также показаниями подсудимого Я. В соответствии со ст. 315 УПК ходатайствую о привлечении к уголовной ответственности сторожа колхоза «Красная Заря» С. (приводятся полностью фамилия, имя, отчество) по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Так как преступление С. тесно связано с преступлением подсудимого Я. и не может быть рассмотрено отдельно, прошу суд направить все дело для исследования. Принимая во внимание, что С. обвиняется в тяжком преступлении — хищении социалистической собственности, а также, что он, находясь на свободе, может помешать ходу следствия, прошу в качестве меры пресечения для него избрать заключение под стражу».

г) Изменение меры пресечения в суде

Статья 263 УПК устанавливает, что подсудимый, находившийся на свободе, может быть взят под стражу при открытии судебного заседания или в ходе его, если суд

признает необходимым избрать в виде меры пресечения заключение подсудимого под стражу. Закон подчеркивает, что в данном случае суд при этом выносит мотивированное определение.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР специально не регламентирует оснований, по которым суд может избрать в качестве меры пресечения содержание под стражей, однако, бесспорно, что суд должен исходить из общих оснований для заключения под стражу в качестве меры пресечения, то есть из оснований, указанных в ст. 158 УПК. Статья 244 УПК УССР прямо указывает, что подсудимый может быть взят судом под стражу при открытии судебного заседания или в ходе его при наличии оснований, указанных в ст. 156 УПК УССР.

Государственный обвинитель осуществляет надзор за тем, чтобы определение о заключении подсудимого под стражу выносилось судом мотивированно и только в тех случаях, которые по Уголовно-процессуальному кодексу служат основанием для избрания содержания под стражей в качестве меры пресечения. Если таких оснований нет или если суд свое определение о заключении подсудимого под стражу не мотивировал, государственный обвинитель должен обратить внимание суда на допущенное нарушение закона. Если несмотря на это суд все же не устранит допущенного нарушения, прокурор, не вступая в пререкания с судом, требует занесения в протокол своего заявления с тем, чтобы после судебного процесса реагировать на это путем соответственного частного протеста или представления.

Однако этим не исчерпываются обязанности государственного обвинителя. Он должен проявлять инициативу и в необходимых случаях сам ходатайствовать перед судом об изменении подсудимому меры пресечения. Само собой разумеется, что такое ходатайство должно быть мотивированным, с указанием оснований, указанных в законе.

Так, например, если государственному обвинителю стало известно, что подсудимый, находящийся на свободе, влияет или может повлиять на свидетелей, вызванных в суд, или совершает действия, свидетельствующие о его намерении скрыться,— он незамедлительно возбуждает ходатайство о заключении подсудимого под стражу.

В отдельных случаях прокурор может ставить перед судом вопрос об изменении меры пресечения подсудимому, находящемуся под стражей. Такое ходатайство должно заявляться, когда прокурору становится совершенно очевидным, что ему придется отказаться от обвинения. К такому выводу прокурор обычно приходит лишь к концу судебного следствия, когда его предложение об освобождении подсудимого уже не имеет большого практического значения. Но в некоторых случаях, когда рассматривается групповое дело и судебное следствие ведется по эпизодам, а подсудимый, подлежащий освобождению из-под стражи, обвиняется только по одному эпизоду, необходимость в изменении меры пресечения может возникнуть задолго до окончания всего судебного следствия в целом.

Так, например, по групповому делу, заслушанному Московским городским судом, одна из подсудимых — некая Г., содержащаяся под стражей, обвинялась только по одному эпизоду. После исследования этого эпизода выяснилось, что она неосновательно была привлечена к ответственности. Для государственного обвинителя было ясно, что ему придется отказаться от обвинения Г. и что дальнейшее исследование дела никаких новых доказательств виновности Г. дать не может. Было также очевидно, что судебное следствие по остальным эпизодам займет не менее 15—20 дней. Исходя из этого, государственный обвинитель возбудил перед судом ходатайство об изменении в отношении подсудимой Г. меры пресечения на подписку о невыезде. Это действие прокурора было совершенно правильным.

д) Прекращение дела в суде

Обычно рассмотрение дела в суде оканчивается приговором обвинительным или оправдательным либо определением о направлении дела на доследование.

Однако в некоторых случаях дело может закончиться и прекращением в суде. Суд прекращает дело в том случае, когда:

- 1) подсудимый во время судебного разбирательства умер;
- 2) устанавливается, что в отношении подсудимого уже имеется вступивший в законную силу приговор именно за то преступление, которое рассматривается судом;

3) суд признает, что подсудимый во время совершения приписываемого ему деяния находился в состоянии невменяемости или позднее заболел неизлечимым расстройством душевной деятельности;

4) на суде будет установлено, что к моменту совершения преступления подсудимый не достиг возраста, начиная с которого устанавливается уголовная ответственность (то есть 14 лет, а для преступлений, предусмотренных законом от 7 апреля 1935 г. и указом от 10 декабря 1940 г., — 12 лет).

При наличии одного из перечисленных оснований к прекращению дела прокурор по предложению председательствующего дает свое заключение или по собственной инициативе возбуждает ходатайство о прекращении дела.

е) Замена обвинителя в суде

В практике случается иногда, что в ходе судебного процесса выбывает государственный обвинитель. Такие случаи могут быть тогда, когда обвинитель заболевает или когда суд удовлетворяет ходатайство какой-либо из сторон об отводе государственного обвинителя.

В таких случаях руководитель соответствующей прокуратуры должен назначить другого государственного обвинителя. Конечно, если заболевший — обвинитель по крупному судебному процессу — через один-два дня сможет приступить к исполнению своих обязанностей, нецелесообразно его заменять, так как назначенный вместо него обвинитель должен будет потратить не меньше времени на ознакомление с делом. Но в тех случаях, когда болезнь обвинителя может затянуться, он должен быть заменен другим во избежание длительной задержки в рассмотрении дела.

Право руководителя соответствующей прокуратуры своим единоличным распоряжением заменить одного обвинителя другим является бесспорным. Это право вытекает из основного принципа организации прокуратуры как строго централизованного органа. Закон (ст. 8 УПК) возлагает поддержание обвинения на прокуратуру, то есть на специальный государственный орган, а не на отдельных лиц — прокуроров. Поэтому все представители прокурорского надзора вправе осуществлять каждый в пре-

делах своей компетенции все функции, возложенные на прокуратуру, заменять друг друга, в частности при выполнении такой важнейшей функции, как поддержание государственного обвинения в суде.

Сама процедура замены одного обвинителя другим происходит следующим образом: вновь назначенный государственный обвинитель является в судебное заседание и вручает председательствующему выданное ему прокуратурой предписание заменить выбывшего обвинителя. Председательствующий объявляет о замене обвинителя и спрашивает у сторон, нет ли отводов новому обвинителю.

При отсутствии отвода новый государственный обвинитель вступает в процесс, о чем делается запись в протоколе судебного заседания.

Однако при замене одного государственного обвинителя другим следует считаться с тем, что не по всякому делу замена возможна без перерыва судебного заседания.

Если вновь назначенный обвинитель ранее с делом не был знаком, а дело является сложным, естественно, он сразу не может включиться в судебное разбирательство и должен ходатайствовать перед судом об объявлении перерыва, во время которого он сумеет ознакомиться с материалами предварительного и судебного следствия.

Если прокурор был ранее знаком с делом и его предшественник выбыл до начала или в самом начале судебного следствия, он может обойтись и без специального перерыва.

В случае замены заболевшего обвинителя другим судебное разбирательство продолжается с того момента, когда оно было прервано в связи с выбытием государственного обвинителя.

Вновь вступивший в процесс государственный обвинитель в случае надобности вправе ходатайствовать перед судом о перепроверке отдельных доказательств, о повторном допросе отдельных свидетелей, подсудимых и т. д.

В случае замены государственного обвинителя вследствие удовлетворения судом отвода против него судебное разбирательство должно начинаться с самого начала.

Если по обстоятельствам дела замена государственного обвинителя невозможна, то применительно к ст. 268 УПК дело должно быть рассмотрением отложено.

ж) Замечания на протоколы судебных заседаний

Протокол судебного заседания имеет большое значение. Он фиксирует весь ход судебного разбирательства. В соответствии с требованиями ст. 80 УПК в нем отмечаются состав суда и сторон, время и место судебного заседания, все действия суда и сторон, все определения суда, все ходатайства и заявления сторон, излагается содержание показаний подсудимых, свидетелей, экспертов. В протоколе далее указываются требования обвинителя, гражданского истца, защитников и гражданских ответчиков, изложенные в прениях сторон.

Наконец, в протоколе отражается содержание последнего слова подсудимого.

Иными словами, протокол является зеркалом того, что происходило в судебном процессе.

Обоснованность и законность судебного приговора проверяется вышестоящим судом на основе протокола судебного заседания.

Поэтому элементарной обязанностью прокурора является ознакомление с протоколом судебного заседания по делу, по которому он выступал в качестве государственного обвинителя.

При обнаружении в протоколе каких-либо неправильностей, неточностей или пробелов прокурору надлежит в соответствии со ст. 81 УПК подать свои замечания на протокол и обеспечить законное рассмотрение этих замечаний.

Между тем приходится нередко констатировать, что прокуроры пренебрегают этой своей обязанностью, что зачастую в дальнейшем приводит к нежелательным последствиям — отмене приговора из-за нарушений требований ст. 80 УПК или же из-за неполноты судебного следствия, поскольку данный протокол не отразил всех действий, фактически имевших место в судебном процессе, и т. п.

РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ

§ 1. Общая характеристика

Обвинительной речью и в случае надобности репликой прокурора завершается работа государственного обвинителя в судебном процессе. Речь прокурора — итог всей его работы по делу, рассмотренному судом. Уже это обстоятельство определяет особое положение обвинительной речи в судебном процессе. Обвинитель вновь возвращается к доказательствам, исследованным на судебном процессе, и приводит их в систему. При этом обвинитель не просто перечисляет суду доказательства, но критически оценивает их, объясняя — почему одни доказательственные факты, добытые на судебном следствии, он считает имеющими решающее значение для установления материальной истины, а другие — имеющими второстепенное значение или вообще не могущими влиять на решение суда.

Но исследованием доказательств и приведением их в стройную систему отнюдь не ограничиваются задачи государственного обвинителя, произносящего обвинительную речь.

Всякая обвинительная речь прокурора — это публичное выступление с судебной трибуны от имени Советского социалистического государства, от имени советского народа, представителем интересов и выразителем воли которого является государственный обвинитель. В обвинительной речи прокурор формулирует те политические и правовые положения, которые определяют его позицию по данному делу. Предложению прокурора о наказании предшествуют политическая оценка событий, правовой анализ, характеристика личности преступника.

Обвинительная речь прокурора — это всегда, независимо от характера дела и его объема, ответственное политическое выступление. Воспитательное значение этого выступления и степень воздействия его на слушателей тем более велики, что речь государственного обвинителя всегда конкретна, общие выводы и положения, содержащиеся в ней, вытекают из конкретных обстоятельств, из фактов, рожденных жизнью.

Советский прокурор, произносящий обвинительную речь, не бесстрастный юрист-аналитик, более или менее искусно исследующий факты и ограничивающий свои последующие задачи вопросами юридической квалификации, но всегда и по любому делу представитель Советского государства, выступающий с судебной трибуны во имя осуществления социалистической справедливости, во имя искоренения преступности, никогда не забывающий о предупредительном значении своей судебной работы.

Это определяет наступательность обвинительной речи, ее активность. Произнося обвинительную речь, государственный обвинитель выступает как активный борец с преступностью, как борец, обладающий не только доброй волей и стремлением к борьбе, но освоивший искусство изобличения преступника, сложную и многообразную технику публичного выступления в суде.

Нельзя думать, что овладение этим искусством может прийти только в результате изучения одного или нескольких методических пособий. Любые методические пособия, посвященные вопросам составления и произнесения обвинительной речи, могут иметь для государственного обвинителя лишь вспомогательное значение, они могут облегчить работу по овладению искусством публичного выступления в суде, но, конечно, никогда не заменят этой работы.

На белорусском совещании работников прокуратуры в 1938 году А. Я. Вышинский справедливо указывал, что «Прокуроры наши очень часто боятся публичных судебных заседаний именно потому, что не уверены в своих силах... Если прокурор будет пассивно ждать, пока он созреет и сумеет безболезненно для себя принимать участие в состязательном процессе, можно смело сказать, что этот счастливый момент прокурорской зрелости никогда в его жизни не наступит.

Прокурор созревает на практический работе, когда он выступает в суде»¹.

Эти замечания А. Я. Вышинского, совершенно правильные для любой части выступления прокурора в судебном процессе, особенно правильны для обвинительной речи. Стать судебным оратором можно только в результате ряда судебных выступлений, в результате судебной борьбы, в результате практического преодоления многих трудностей как объективного, так и субъективного порядка, с которыми связано публичное выступление прокурора в суде.

Однако изучение прежнего опыта государственных обвинителей и особенно лучших образцов публичных выступлений в судах может существенно облегчить работу прокурора, стремящегося овладеть искусством обвинительной речи, и помочь ему избежать ряд ошибок.

Для того чтобы правильно построить обвинительную речь, необходимо прежде всего уяснить особенности обвинительной речи как публичного выступления.

§ 2. Особенности обвинительной речи как публичного выступления

Главная особенность обвинительной речи как публичного выступления заключается в том, что эта речь всегда посвящена конкретному судебному делу и обстоятельства дела составляют ее основное содержание.

Поэтому обвинительная речь всегда должна быть конкретна. Общие положения могут быть выдвинуты государственным обвинителем или для оценки конкретных обстоятельств дела или как выводы из этих конкретных обстоятельств.

Однако сама природа обвинительной речи отвергает не связанные с судебным делом общие рассуждения или злоупотребления абстрактными цитатами.

По справедливому выражению А. Я. Вышинского, уже вследствие того, что «речь прокурора на суде — это судебная речь», в основе ее должен лежать «пафос фактов», «анализ фактов, прошедших перед судом, должен лежать юридический анализ доказательств и связанная с этим критика или критический разбор всех доводов, которыми

¹ «Социалистическая законность» 1938 г. № 7, стр. 94.

подсудимый пытается оправдаться, опровергнуть предъявленное ему обвинение».

Но, как уже указывалось выше, это не значит, что речь государственного обвинителя может быть аполитичной. Наоборот, сама конкретность обвинительной речи, ее направленность против конкретного преступления и преступников придают ей величайшую убедительность и политическую заостренность.

Выдающийся советский государственный деятель и замечательный пропагандист марксизма-ленинизма — М. И. Калинин в своих советах агитаторам не переставал требовать от них овладения искусством конкретной агитации, агитации фактами.

Природа обвинительной речи такова, что обвинитель, доказывая обвинение и характеризуя преступников, идет от отрицательных фактов, идет, как говорят иногда, «по следам преступления». Но именно эта конкретность фактов, являвшихся предметом судебного исследования и прошедших на судебном следствии перед находившимися в зале суда слушателями, дает возможность прокурору создать вокруг преступников ту атмосферу «общего морального бойкота и ненависти окружающей публики», которую требовал создать вокруг воров и расхитителей народного добра И. В. Сталин.

Советский прокурор, выступающий в суде, должен уметь поднять гнев народа против преступления и его исполнителей — именно в этом важнейшая политическая задача обвинительной речи. Однако этой цели государственный обвинитель должен уметь достигать, не произнося абстрактный доклад «по поводу преступления» с тощими ссылками на фабулу дела, а стоя на почве конкретных обстоятельств дела, конкретных доказательственных фактов и характеристик лиц, уже известных суду по материалам судебного следствия.

Отсюда вытекает вторая важнейшая особенность обвинительной речи как публичного выступления — ее доказательность.

Нельзя не согласиться с выдающимся судебным деятелем прошлого — А. Ф. Кони, что «в основании судебного красноречия лежит необходимость доказывать и убеждать, т. е. необходимость склонять слушателей присоединиться к своему мнению»¹.

¹ А. Ф. Кони, На жизненном пути, т. I, М., 1914, стр. 125.

В строгой доказательности обвинительной речи, в глубоком знании прокурором доказательств по делу и в умении сделать свои выводы очевидными для суда и находящихся в зале суда слушателей — важнейшая задача государственного обвинителя.

Для государственного обвинителя совершенно недостаточно выдвинуть утверждение о виновности и без ссылок на доказательства описать обстоятельства дела «в общем виде» так, как они представляются прокурору по формуле обвинительного заключения.

Между тем эту ошибку весьма часто совершают не имеющие достаточного опыта государственные обвинители. Из присланных в Прокуратуру СССР многочисленных речей начинающих государственных обвинителей видно, что зачастую исследование конкретных доказательств подменяется описанием обстоятельств дела «в общих чертах», своеобразным дублированием в обвинительной речи формулы обвинения, после чего обвинитель заявляет о том, что «все это вполне доказано прошедшими перед судом доказательствами» или «доказательства эти свежи в памяти суда, и я не считаю нужным их повторять», и переходит к вопросу о юридической квалификации или о мере наказания.

Так, один из районных прокуроров Алтайского края, повторив в обвинительной речи по делу о нарушении Устава сельскохозяйственной артели весьма пространно, но без всяких ссылок на доказательства формулу обвинения, ограничил затем весь раздел речи, озаглавленный им «анализ доказательств», следующими замечаниями:

«В какой степени доказаны предъявленные пункты обвинения подсудимым?»

Я думаю, что вы, товарищи судьи, в своем приговоре ответите на этот вопрос положительно. Да, доказано! Во-первых, это доказано актом ревизии, во-вторых, это доказано свидетельскими показаниями, в-третьих, это доказано теми документами, которые вы имеете в своем распоряжении, а также частичными признаниями самих подсудимых».

Понятно, что произвести подобный «анализ доказательств» куда как просто и если суд «положительно ответил» на вопрос о виновности подсудимых, поставленный прокурором, то это объясняется отнюдь не достоинствами речи государственного обвинителя.

Совершенно правильно подчеркивается в методическом письме Прокуратуры СССР «Методика подготовки обвинительной речи на суде» (составлено членом-корреспондентом Академии наук СССР С. А. Голунским под редакцией академика А. Я. Вышинского), что обвинение убедительно только тогда, когда оно основано на фактах. «Никакими ораторскими приемами, никакими общими рассуждениями нельзя заменить отсутствие в речи прокурора твердого фактического обоснования.

Установить, что именно доказано по делу в отношении каждого обвиняемого,— важнейшая задача прокурора. От того, как будет разрешена эта задача, зависит и качество всех последующих частей прокурорской речи.

В частности, совершенно недопустимо подменять тщательный разбор доказательств общими рассуждениями об опасности преступления.

Дать оценку общественной опасности преступления необходимо и обязательно, но лишь тогда, когда доказан факт преступления и доказано, что совершено оно именно обвиняемым»¹.

Пренебрежение этой важнейшей особенностью обвинительной речи влечет наиболее тяжкие ошибки государственного обвинителя. При недоказанности преступления и неустановленности вины преступника повисают в воздухе самые правильные общие положения, выдвинутые в обвинительной речи. Не доказав преступления и не разрешив вопроса о виновности, обвинитель не может выполнить и всех остальных стоящих перед ним задач.

Наконец, особенность обвинительной речи заключена в ее наступательности, в активной направленности судебного выступления прокурора на разоблачение преступления и изобличение преступника, в ее боевом характере.

Обвинительная речь рождается, как правило, в напряженной судебной борьбе. Анализируя доказательства, ведя допрос на судебном следствии, полемизируя по отдельным вопросам с защитой, прокурор изобличает преступника, в подавляющем большинстве случаев активно сопротивляющегося.

Суммируя в речи доказательства, оценивая степень опасности преступления, выдвигая требования о мере наказания, прокурор произносит не отвлеченный доклад по

¹ «Социалистическая законность» 1938 г № 10, стр. 20.

поводу судебного дела, не своеобразное напутствие членам суда перед их уходом в совещательную комнату, а обвинительную речь. Прокурор не имеет права оставаться беспристрастным, когда речь идет о нарушениях интересов государства. По этому поводу очень хорошо сказал А. Я. Вышинский в речи по делу ленинградских судебных работников

«Мы, стороны,— обращаясь к суду, говорил А. Я. Вышинский, обязаны в процессе быть наиболее осторожными, мы обязаны быть наиболее объективными, мы не должны забывать того, что наша роль есть роль помощников ваших... С этой точки зрения подходя к своей задаче, я должен сказать, что первое требование, которое я сам, как государственный обвинитель, ставлю себе,— это полное спокойствие, полная объективность, беспристрастность, но не бесстрастность. Я должен заранее сказать, я должен заранее перед Вами, товарищи судьи, повиниться,— беспристрастным в этом деле быть нельзя, невозможно.

Всякий суд должен найти истину... В борьбе за истину мы и защита встретимся еще в схватках. Мы еще поборемся и истина восторжествует» (разрядка наша.— Л. С.)¹.

Произнося обвинительную речь, прокурор добивается не только изобличения и осуждения преступника, но и осуждения самого преступления. Речь государственного обвинителя является орудием мобилизации общественного мнения; речь эта произносится не только для суда, но и для всех присутствующих в зале суда.

В 1934 году на заседании судебно-прокурорских работников, посвященном десятилетию Верховного суда СССР, М. И. Калинин говорил:

«Мы мало учитываем, что суд оказывает огромное влияние как на тех, которые привлекаются к ответственности, так и на присутствующих». Поэтому М. И. Калинин ставил задачу так вести судебный процесс, чтобы «все присутствующие на суде разобрались в этом деле и поняли правильность вынесенного судом решения»².

Речь государственного обвинителя подготавливает

¹ А. Я. Вышинский, Судебные речи, Госюриздат, 1953, стр. 52.

² «История советской прокуратуры в важнейших документах». Госюриздат, 1947, стр. 464—465.

присутствующих в зале суда к правильному пониманию приговора.

Показывая неотвратимость наказания, мобилизуя общественное мнение на борьбу с преступностью, государственный обвинитель в своей речи не может оставаться на позициях пассивного объективизма, бесстрастности, терпимости к преступлению. Обвиняя от имени государства преступника и клеймя позором преступление, он проявляет величайшую обвинительную энергию, наступательность, активность.

Но это не значит, что советский прокурор, обвиняя в суде, уподобляется буржуазным прокурорам, обвиняющим «при всех условиях и несмотря ни на что» добивающимся обвинительного приговора даже путем сознательного искажения фактических обстоятельств дела.

Советский государственный обвинитель должен выступать с обвинительной речью, только будучи убежден в доказанности обвинения. Обвинительной речи предшествует судебное следствие, в результате которого у прокурора складывается определенное мнение о виновности, определенная оценка доказательства. Во время судебного следствия обвинитель разрешает возникшие у него сомнения по поводу ценности отдельных доказательств, и к обвинительной речи он может приступить, только проникнувшись твердым убеждением в виновности подсудимых и определив внутренне роль каждого из них в событиях, явившихся предметом судебного исследования.

Строгая индивидуализация наказания, требование о назначении наказания в соответствии с содеянным, с учетом обстоятельств, характеризующих личность преступника, с учетом доказательств, не только устанавливающих виновность, но и смягчающих вину,— являются обязательными для государственного обвинителя в советском суде.

Придя к убеждению в невиновности подсудимого, государственный обвинитель не может, а должен отказаться от обвинения.

Строго индивидуализировать следует не только требования о наказании, но характеристики, эпитеты и сравнения, к которым прибегает прокурор, выступая с обвинительной речью. Одними будут эти характеристики, если речь идет о сознательных врагах Советского государства, расхитителях социалистической собственности или преступниках-рецидивистах, и совсем иначе будет звучать

речь государственного обвинителя применительно к «случайным преступникам», для исправления которых не нужно назначать сурового наказания.

Но используя с предельной добросовестностью только проверенные и соответствующие действительности материалы дела, не замалчивая обстоятельств, смягчающих вину подсудимого, а если и не принимая во внимание эти обстоятельства, то каждый раз объясняя, почему он поступает именно так,— прокурор, выступая с обвинительной речью, не имеет права превращаться в бесстрастного «докладчика дела».

Наступательность обвинительной речи не имеет ничего общего с крикливостью, фразерством, употреблением тех «громких и жалких» фраз, которым не место в советском суде.

Однако, убедившись в том, что перед ним находится преступник, сознательно нарушающий советские законы, хапуга, расхищающий социалистическую собственность, или разложившийся хулиган, терроризирующий население, прокурор не может ограничиться изложением «фактической стороны дела» и закончить речь тем, что он «считает вполне установленным в действиях подсудимого состав преступления, предусмотренный такой-то статьей Уголовного кодекса, и предлагает применить такую-то меру наказания». Подобное построение будет правильно для кассационного или надзорного протеста, для обвинительного заключения, но произнесенная таким образом речь не удовлетворит ни суд, ни особенно присутствующих в зале суда. В борьбе с врагами Советского государства, опасными преступниками, подрывающими основы социалистического общежития, прокурор не может не использовать оружия беспощадных характеристик, оружия обличительного пафоса, иронии и даже сарказма. Важно только, чтобы каждая такая характеристика основывалась на фактических обстоятельствах дела, а не являлась плодом воображения государственного обвинителя.

Замечательные образцы наступательности, боевой активности обвинительной речи государственные обвинители найдут в «Судебных речах» А. Я. Вышинского.

Когда речь идет о врагах народа или о спекулянтах, нэпманах и жуликах, подкапывающихся под экономические основы пролетарского государства, А. Я. Вышинский

прибегает к воистину беспощадным сопоставлениям и характеристикам.

Говоря в речи на процессе ленинградских судебных работников об уничтожении следователями-взяточниками «дела лаборантов», А. Я. Вышинский так характеризовал этот эпизод:

«Жило-было дело, называлось «дело лаборантов» за № 2504. Жило-было — и его не стало. Есть «дело» — и нет «дела». Правда, его не съела свинья, как у Гоголя, но его съели свиньи, по предварительному между собою соглашению на общей для них платформе»¹.

Беспощадно разоблачая классово-чуждых социалистическому государству людей, А. Я. Вышинский часто использует оружие сарказма.

Однако совсем иными становятся характеристики подсудимых, сравнения и эпитеты, к которым прибегает государственный обвинитель в тех случаях, когда на скамье подсудимых находятся не враги советской власти, а так называемые «случайные преступники», способные вернуться к честной трудовой жизни.

По другому судебному делу, так называемому «делу ГУКОН», А. Я. Вышинский, характеризуя подсудимого Позигуна, говорил:

«На основании имеющегося в деле объективного материала и на основании показаний ряда свидетелей и обвиняемых я прихожу к выводу о виновности Позигуна.

Конечно, в этом позорном и печальном деле, где бесвестные мародеры пытались наживаться и наживались на несчастье наших братьев, на страданиях детей, на разорении народного хозяйства, первая роль принадлежит не Позигуну. Эта роль принадлежит Топильскому. Но Позигун был в числе мародеров и должен нести за это ответственность.

Я кончаю. Я не могу в заключение не напомнить Вам, товарищи-судьи, об одном моменте судебного следствия. Это было тогда, когда перед Вами пронесли картины гражданской войны, картины героической борьбы наших славных красногвардейских партизанских отрядов, пролетарских отрядов против колчаковщины.

Перед Вашим умственным взором прошла картина колчаковской тюрьмы, куда белогвардейскими палачами были

¹ А. Я. Вышинский, Судебные речи, Госюриздат, 1953, стр. 59

брошены наши братья, борцы за советскую власть, за дело рабочего класса. В этой ужасной колчаковской тюрьме томился в те дни и Позигун, честно боровшийся с нашими врагами, отдавая свою жизнь за наше общее дело. Этого не вспомнить нельзя. Нельзя не вспомнить этого сейчас, когда Позигун сидит перед нами с низко опущенной головой, ожидая решения своей участи, стора от стыда и позора. Я не сомневаюсь, что Вы вспомните в совещательной комнате и эту страницу жизни Позигуна и учтете это при определении ему меры наказания»¹.

Характеризуя Позигуна, А. Я. Вышинский не перестает быть обвинителем, активным борцом с преступностью. Речь его не теряет своей обличительной силы, он непримирим к преступлению. Но государственный обвинитель несмотря на то, что «Позигун был в числе мародеров и должен нести за это ответственность», считает необходимым восстановить в памяти суда обстоятельства, не только обличающие Позигуна, но и смягчающие его вину.

В этой части речи (ему предшествовал детальный анализ доказательственного материала в отношении Позигуна) обвинитель говорил о человеке, случайно вставшем на путь преступления. Поэтому так убедительно, ничуть не ослабляя силы обвинения, но, наоборот, еще более укрепляя ее, звучат заключительные слова этой речи А. Я. Вышинского:

«Пролетарская революция, беспощадная к врагам, великодушна к тем, кто случайно встал на путь преступлений и кто способен сойти с этого пути, кто способен вернуться к честной жизни, к благородным подвигам, к творческому труду»².

Произнося обвинительную речь, прокурор никогда не должен терять чувства меры, давая событиям и людям именно те обозначения и характеристики, которых они действительно заслуживают.

В одном из народных судов Московской области нам пришлось услышать не в меру ретивого помощника районного прокурора, который, обвиняя группу подростков, в первый раз совершивших мелкую квартирную кражу, всерьез назвал подсудимых «врагами народа».

¹ А. Я. Вышинский, Судебные речи, Госюриздат, 1953, стр. 44—45

² Там же.

Ничего кроме досадного недоумения такая «характеристика», разумеется, вызвать не может.

Однако плох будет тот прокурор, который, обвиняя группу матерых расхитителей социалистической собственности, причинивших значительный ущерб государству, подкапывавшихся под экономическую основу советского строя, не назовет преступников тем точным термином, которым обозначает их Конституция СССР — «врагами народа», если по такому делу государственный обвинитель замкнется в скорлупу «чисто юридического анализа» и перечисления доказательственных фактов, не сделав политических выводов из дела, не мобилизовав против преступников и преступления общественного гнева и презрения.

Глубоко неправ будет государственный обвинитель, который по такому делу не сумеет во всеоружии доказательственных фактов перед всеми разоблачить и заклеймить преступление, а ограничится тем, что языком заключения бухгалтерской экспертизы подсчитает убытки и перейдет «к вопросам юридической квалификации».

Речь государственного обвинителя — боевое политическое выступление с судебной трибуны. Тщательно взвесив все отягчающие и смягчающие обстоятельства и убедившись в виновности преступника и его опасности для общества, прокурор не может во имя «корректности и сдержанности» лишить свою речь обличительной силы и политического пафоса, превратив ее в копию обвинительного заключения или даже судебного приговора.

Но, как справедливо указывается в Методическом пособии Прокуратуры СССР, посвященном «Методике подготовки обвинительной речи на суде», величайшая политическая заостренность, максимальная обвинительная энергия в речи прокурора должны комбинироваться с абсолютной точностью и полнотой в изложении фактических обстоятельств дела.

Основная задача прокурора состоит в том, чтобы доказать факт преступления и виновность обвиняемого, а не в том, чтобы голословно, хотя и очень решительно, требовать его осуждения.

Только при этом условии речь прокурора будет иметь то значение, которое она должна иметь, как одна из важнейших стадий судебного процесса.

Вопрос о доказательности обвинительной речи нераз-

рывно связан с вопросом о форме, в которую она должна быть облечена.

Государственный обвинитель сможет выполнить свои задачи, то есть убедить слушателей в правильности своих выводов, доказать преступление, изобличить преступника, создать вокруг него атмосферу общественного порицания только в том случае, если все доводы прокурора будут правильно поняты судом и находящимися в судебном зале.

Требование ясной, доходчивой и понятной речи (следует добавить к этому — речи образной и впечатляющей) должно быть предъявлено к любому публичному выступлению — будет ли это доклад, выступление на собрании или обвинительная речь. Подробно о стиле обвинительной речи будет сказано ниже.

Тем не менее, говоря об особенностях обвинительной речи прокурора, мы считаем необходимым с самого начала рядом с конкретностью, доказательностью и активной направленностью речи на изобличение преступника поставить непременно условием публичного выступления государственного обвинителя ясность и точность этой речи.

Готовясь к выступлению в суде, составляя план речи, приводя в систему доказательства и, конечно, выступая в суде, прокурор в качестве вопроса первостепенной практической важности должен поставить вопрос о том, как расположить материал, в какую форму его облечь, чтобы быть правильно понятым слушателями, чтобы после его выступления не могло остаться места для двояких толкований или неясностей, чтобы подчеркнуто было и в сознании суда и слушателей отложено как главное именно то, что государственный обвинитель считал нужным особо выделить.

Эту особенность судебной речи понимали лучшие судебные ораторы прошлого «.. В стремлении к' тому, что кажется правым, глубочайшая мысль должна сливаться с простейшим словом... на суде надо говорить все, что нужно, и только то, что нужно, и научиться, что лучше ничего не сказать, чем сказать ничего», — писал А. Ф. Кони¹.

Об этом же говорил в не потерявшем до сих пор известного практического значения (но в ряде разделов

¹ А. Ф. Кони, На жизненном пути, т. II, СПб., 1912, стр. 425.

безнадёжно устаревшем) пособии «Искусство речи на суде» П. Сергееч (П. С. Пороховщиков). Он писал:

«В чем заключается ближайшая, непосредственная цель всякой судебной речи? В том, чтобы ее поняли те, к кому она обращена. Каждое слово оратора должно быть понимаемо слушателями совершенно так, как понимает он. Бывает, что оратор почему-либо находит нужным высказаться неопределенно по тому или иному поводу; но ясность слога необходима в этом случае не менее чем во всяком другом, чтобы сохранить именно ту степень освещения предмета, которая нужна говорящему; иначе слушатели могут понять больше или меньше того, что он хотел сказать. Красота и живость речи уместны не всегда: можно ли щеголять изяществом слога, говоря о результатах медицинского исследования мертвого тела, или блистать красивыми выражениями, передавая содержание гражданской сделки? Но быть не вполне понятным в таких случаях — значит говорить на воздух.

Но мало сказать нужна ясная речь; на суде нужна необыкновенная, исключительная ясность»¹.

Фактически в условиях буржуазного суда это провозглашенное автором требование «необыкновенной, исключительной ясности» судебной речи, как признает сам Сергееч, непрерывно нарушалось. Дореволюционные прокуроры, за редкими исключениями, говорили языком тяжеловесным, засоренным иностранными словами, витиеватым и трудно понимаемым. Достаточно вспомнить полное сарказма описание выступления прокурора в суде, которое дал в «Воскресении» Л. Н. Толстой. В этом отношении А. Ф. Кони являлся исключением в дореволюционной прокуратуре.

Для советского прокурора требование максимальной ясности и точности судебной речи является совершенно обязательным

Слово — основное оружие государственного обвинителя. Для того чтобы судебная речь была действенной, для того чтобы государственный обвинитель мог выступать на суде как настоящий борец с преступностью, как действительный «глашатай правовых идей» социалистического государства, — он должен прежде всего быть правильно понят судом и слушателями. Без этого непременного условия не мыслится обвинительная речь. Эта

¹ П. Сергееч, Искусство речи на суде, СПб, 1910, стр. 11.

речь может быть построена лучше или хуже в зависимости от индивидуальных особенностей обвинителя, она может произвести большее или меньшее впечатление на слушателей, но любая обвинительная речь должна быть прежде всего точна и ясна.

Не достигнув ясности и точности речи, государственный обвинитель окажется неспособным выполнить стоящие перед ним большие государственные задачи.

Вот почему важнейшей задачей государственного обвинителя является повседневная работа над языком, над обогащением своего словарного запаса, над изучением тех замечательных образцов могучей, приводящей в движение миллионы людей речи, которые содержатся в выступлениях выдающихся деятелей революционного рабочего движения, и в первую очередь в гениальных произведениях В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Речи и выступления В. И. Ленина и И. В. Сталина являются для советских государственных обвинителей замечательными образцами живого слова, предельно ясного и точного, безукоризненно верно передающего любые оттенки и, когда это нужно, — насмерть разящего врага.

Великие вожди пролетариата глубоко знали и всегда высоко ценили классическую русскую литературу.

Следует подчеркнуть, что без знания русской литературы, без тщательного ее изучения государственный обвинитель никогда не достигнет того владения языком, которое необходимо ему для того, чтобы успешно выступать в суде.

Повседневно государственные обвинители используют оружие живого слова для борьбы с преступниками, пытающимися протащить в наш сегодняшний день, день победоносного строительства величественного здания коммунизма, традиции старого, отжившего капиталистического общества. Однако далеко не всегда прокурор, выступающий на суде, полностью осознает, какие возможности открывает перед ним в этой напряженной борьбе наш великий язык — язык Пушкина и Толстого.

В стремлении найти наиболее совершенную форму для выражения своих мыслей государственный обвинитель должен использовать все то лучшее, что дала на протяжении своего развития великая русская литература, революционная публицистика, судебная практика.

Наконец, для успешного выступления в суде государ-

ственный обвинитель должен изучать лучшие образцы судебных выступлений как в речах современных судебных ораторов, в первую очередь в речах лучшего советского обвинителя А. Я. Вышинского, так и в речах выдающихся судебных ораторов прошлого.

К выступлениям старых русских судебных ораторов нужно, разумеется, относиться критически. Рассчитанные на суд присяжных заседателей, отделенные от наших дней более чем полувеком выступления таких представителей «стихийного судебного красноречия», как Плевако или Андреевский, при попытке перенести их в советский суд прозвучали бы попросту комично.

Забирая с собой все лучшее, что дала нам старая культура, в том числе судебная мысль и практика прошлого, мы не можем пройти мимо судебных речей А. Ф. Кони, Громницкого, Жуковского, Урусова и других выдающихся представителей школы русских судебных ораторов.

В свое время в статье «Приемы и задачи обвинения» А. Ф. Кони писал о том, что уже на заре гласного суда в России, несмотря на «зловещие опасения» по поводу отсутствия судебных ораторов, «люди нашлись... Быстро и с запасом неожиданных сил появились у нас в первые же месяцы после преобразования судов судебные ораторы... И не слепыми подражателями французскому образцу явились они. Самостоятельно пошли они своей дорогой, еще раз доказав способность духовной природы русского человека»¹.

Определяя отличительные черты судебных выступлений лучших русских судебных ораторов, Кони говорит о том, что «за исключением редких, но печальных уклонений в область бездушной риторики» такими чертами являлись «спокойствие, отсутствие личного озлобления против подсудимого, опрятность приемов обвинения, чуждая к возбуждению страстей и искажению данных дела, и, наконец, что весьма важно, полное отсутствие лицедейства в голосе, в жесте и в способе держать себя на суде. К этому надо прибавить простоту языка, свободного в большинстве случаев от вычурности и «жалких слов»².

Эта характеристика сильно преувеличена и справед-

¹ А. Ф. Кони, На жизненном пути, т. 1, М., 1914, стр. 102.

² Там же, стр. 103.

дива только применительно к лучшим представителям судебной практики прошлого. Наоборот, в этой же статье сам Қони приводит значительно большее количество отрицательных примеров, чем положительных образцов.

Но мы не имеем никаких оснований не использовать лучшее, что дала юридическая практика прошлого и это относится в первую очередь к судебным выступлениям самого А. Ф. Қони.

а) О полноте обвинительной речи

В практике возникает вопрос о полноте обвинительной речи. Зачастую, выступая в суде, прокурор не считает нужным останавливаться на обстоятельствах, которые, по его мнению, являются ясными для суда.

В условиях публичного процесса такая точка зрения не может быть признана правильной. Обычно лишь часть слушателей, особенно в крупных процессах, продолжающихся по несколько дней, присутствует на всем процессе, знакома со всеми установленными на судебном следствии обстоятельствами. Но, кроме того, обстоятельства, которые, по мнению прокурора, «вжившегося» в дело, знакомого со всеми его деталями, ясны суду, могут не представляться такими слушателям в зале суда.

Поэтому в речи государственного обвинителя необходимо отразить все существенные для дела обстоятельства.

Присутствующие на суде должны получить полное представление о деле. Уже в силу того что речь государственного обвинителя дает оценку доказательственных фактов, подготавливает присутствующих в зале суда к правильному пониманию приговора, в ней необходимо отразить все то, что может помочь присутствующим в зале суда правильно разобраться в деле.

Вообще, выступая в суде, прокурор зачастую склонен переоценивать ясность и установленность доказательственных фактов. Считая «самими собою разумеющимися» факты, «вполне установленные», по его мнению, на судебном следствии, и замалчивая эти факты или ограничиваясь беглой ссылкой на них в обвинительной речи, государственный обвинитель иногда по собственной вине создает неясности, с трудом исправляемые в реплике. Часто приходится слышать в реплике прокурора о его удивлении по поводу того, что адвокат «ломится в открытую дверь»,

придавая выгодную для подсудимого окраску фактам, «вполне установленным на судебном следствии», о которых прокурор поэтому не упоминал в речи, что они «совершенно ясны». Однако лишь в редких случаях «недоумение» государственного обвинителя по этому поводу является обоснованным, в большинстве же случаев умолчание в речи даже о вполне установленных фактах является ошибкой прокурора.

«Для того, чтобы обсуждение преступления было возможно,— говорит А. Ф. Кони,—...надо исследовать все обстоятельства дела до мельчайших подробностей, сопоставить и сгруппировать их, пояснить одно за другим, и из всего этого сделать вывод о виновности известного лица... Обвинитель шаг за шагом идет по пути, пройденному преступлением, проверяет все свои наблюдения и выводы и, придя к убеждению в виновности подсудимого, обязывается высказать вам это убеждение»¹. В этих замечаниях есть много правильного. Речь государственного обвинителя уже в силу ее доказательности и точности можно сравнить с картиной, выписанной во всех деталях и подробностях, а не с небрежным штриховым рисунком. Поэтому требование полноты является обязательным для обвинительной речи.

Иное дело, что, произнося обвинительную речь, прокурор должен избегать ненужных деталей, лишь затрудняющих восприятие. Однако все существенное должно найти отражение в обвинительной речи.

Повторяем, что это общее правило особенно обязательно для речи, произносимой в публичном процессе, где прокурор выступает не только для суда, но и для всех присутствующих в судебном зале. Невозможно переоценить воспитательного значения обвинительной речи — важнейшего политического выступления прокурора. Однако оказать правильное политическое воздействие на слушателей обвинительная речь сможет, лишь опираясь на совокупность доказательственных фактов, на правильное понимание присутствующими всех обстоятельств судебного дела.

б) О полемичности обвинительной речи

Существует точка зрения, согласно которой в обвинительной речи прокурора не может быть места полемике с

¹ А. Ф. Кони, На жизненном пути, т. 1, М., 1914, стр. 118.

защитой. Придерживающиеся этой точки зрения считают, что основная речь прокурора посвящается только лишенному полемичности, позитивному изложению доказательств, что же касается полемики с защитой, то ей должна быть посвящена реплика обвинителя.

Таким образом, выступление обвинителя в суде оказывается искусственно разделенным на две части: основную речь, в которой нет места полемике, и реплику обвинителя, сплошь полемическую.

Нам кажется, что подобная точка зрения глубоко ошибочна.

Каждый государственный обвинитель-практик знает, что в подавляющем большинстве дел позиция защиты становится достаточно ясной в ходе судебного следствия. Это обусловлено уже тем, что сравнительно редко защитник в выдвигаемой им версии расходится с подсудимым. Значительно чаще защитник стремится укрепить доводы обвиняемого, обосновать их дополнительными фактами, опорочить или снизить доказательственную ценность фактов, подтверждающих позицию обвинения.

Из того, на каких именно моментах защитник стремится в ходе судебного следствия задержать внимание суда, какие свидетели или документы вызывают наиболее придирчивое отношение со стороны защиты, какие доказательства привлекает он в дополнение к судебному следствию, в подавляющем большинстве случаев оказывается возможным составить правильное представление о линии поведения защиты во время прений сторон.

Оставлять без внимания в обвинительной речи эту выяснившуюся в ходе судебного следствия позицию защиты было бы совершенно неправильным. Понятно, что обвинитель не может в своей речи говорить за защитника. Поэтому неуместны такие выражения, как «адвокат утверждает», «в речи защитника мы услышим», «одной из тем защиты будет» и т. д., но возможные доводы адвоката должны быть опровергнуты в речи государственного обвинителя.

Это хорошо понимают государственные обвинители-практики, справедливо утверждающие, что «всегда бывает полезным продумать дело не только с позиции обвинения, но и защиты».

Такое «продумывание дела» с позиций защиты мы считаем обязательным для государственного обвинителя, го-

товящегося к произнесению обвинительной речи в суде.

Продумывая дело не только с позиций обвинения, но и с позиций защиты, обвинитель еще раз проверяет силу привлекаемых им в подтверждение обвинения доказательств. Результаты этой проверки будут сообщены им суду в обвинительной речи, может быть, вообще без ссылок на позицию защиты, уже определившуюся в ходе судебного следствия. Однако, продумав дело с позиции защиты, с точки зрения ее возможных возражений и доводов, государственный обвинитель, даже если бы он захотел этого, уже не сможет отрешиться от полемики с защитой по существу, и речь его неизбежно будет полемична.

Поэтому вполне уместно такое, например, заявление прокурора в обвинительной речи: «В ходе судебного следствия защита пыталась доказать алиби подсудимого. Посмотрим, насколько основательны доказательства, привлеченные в подтверждение этого».

Также уместен такой, например, полемический оборот: «В ходе допроса свидетеля Морозова защита пыталась подорвать доверие к его показаниям. Попробуем, однако, восстановить в памяти суда этот эпизод судебного следствия и посмотрим, чего достиг адвокат, с пристрастием допрашивавший этого, вполне добросовестного, по нашему мнению, свидетеля».

Зачастую обвинитель, полемизируя с защитой, должен восстанавливать доказательственную ценность документа, который пыталась опорочить защита.

Такие полемические моменты (многообразие их невозможно предусмотреть) являются не только возможными, но необходимыми, обусловленными самой природой обвинительной речи, ее наступательностью, тем, что обвинительная речь является в значительной части итогом борьбы сторон на судебном следствии.

Пренебрежение этим превратит прокурора в пассивного «докладчика дела» и во многом лишит его речь той активности в изобличении преступника, той наступательности, которые являются неотъемлемым свойством, отличительной особенностью всякой правильно построенной обвинительной речи.

Прокурор полемичен в обвинительной речи и тогда, когда он разбирает доводы и объяснения подсудимого,

когда он в результате этого разбора убеждает суд в том, что подсудимый пытался повести его по ложному пути.

Но доказательственной стороной дела не ограничивается полемичность обвинительной речи. Зачастую в ходе судебного следствия становятся ясны позиции защиты по вопросу о квалификации преступного деяния или по вопросу об установлении обстоятельств, исключающих ответственность или снижающих ее. Не соглашаясь с этим, прокурор обязан предусмотреть возможность подобных возражений и опровергнуть их уже в обвинительной речи, не дожидаясь реплики.

Повторяем, сама природа обвинительной речи такова, что, произнося речь, прокурор обязан не только обосновать свои доводы, но и опровергнуть возможные возражения, исключить выдвинутые противоулики.

Поэтому речь государственного обвинителя полемична. Для прокурора перед выступлением в суде совершенно необходимо продумать дело не только с позиций обвинения, но и с позиций защиты. Это придаст речи новую силу, сделает ее еще более доказательной, еще более повысит наступательность речи.

в) О соотношении судебного следствия и обвинительной речи

До сих пор приходится иногда слышать вопрос: «Что важнее — судебное следствие или обвинительная речь», и до сих пор еще находятся иногда прокуроры, считающие для себя возможным быть пассивными во время судебного следствия, в расчете «взять свое» в обвинительной речи.

Нет ничего опаснее последней «установки». Обвинительная речь органически вырастает из судебного следствия. Доказательства, исследованные на судебном следствии, составляют основное содержание обвинительной речи — уже это показывает всю неправильность противопоставления судебного следствия обвинительной речи с целью оправдания пассивности прокурора во время судебного следствия, ибо никаких оправданий этому быть не может.

Но совершенно неправильна и противоположная точка зрения, которой иногда придерживаются государственные обвинители, утверждая, что после хорошо проведенного

судебного следствия им уже нечего делать в обвинительной речи.

Даже в том случае, если по делу «все ясно» в итоге судебного следствия и нет ни малейших оснований сомневаться в справедливом приговоре, прокурор не может считать, что он свою роль полностью выполнил, ибо, ставясь на подобную точку зрения, он упускает из виду большое политическое и воспитательное значение обвинительной речи.

Однако не так часты в судебной практике дела, настолько ясные в результате судебного следствия, что прокурору остается только поддержать обвинение и выдвинуть требование о наказании.

Обвинительная речь является в руках обвинителя сильнейшим оружием для изобличения преступника и разоблачения преступления, для организации общественного мнения на борьбу с преступностью, для правильной политической и юридической оценки событий.

Поэтому прокурор должен быть одинаково активен, настойчив и добросовестен как во время судебного следствия, так и во время подготовки и произнесения обвинительной речи. Вопрос о том, «что важнее», порочен в своей основе, ибо как обвинительная речь, так и судебное следствие взаимно дополняют друг друга, являясь составными частями судебной работы прокурора.

Произнося обвинительную речь, государственный обвинитель ставит перед собой следующие задачи:

1. Доказать факт преступления и виновность подсудимых; индивидуализировать эту виновность, определив роль каждого из подсудимых, выяснив мотивы совершения преступления.

2. Правильно политически и юридически оценить преступление.

3. Показать неотвратимость наказания и выдвинуть справедливое требование о наказании виновных.

4. Мобилизовать общественное мнение на борьбу с преступностью, создать вокруг преступника атмосферу морального осуждения, активно способствовать выполнению судом его важнейшей функции — предупредительно неустойчивых.

5. Принять меры к возмещению понесенного государством ущерба.

Эти задачи в значительной мере определяют структуру обвинительной речи, те основные элементы, из которых состоит судебная речь государственного обвинителя.

§ 3. Основные элементы обвинительной речи

Структура обвинительной речи и соотношение ее основных частей определяются особенностями конкретного дела. Невозможно поэтому преподать стандарт, обязательный для всех обвинительных речей.

Однако возможно выделить основные элементы, определенные теми задачами, которые ставит перед собой прокурор, произнося обвинительную речь, и содержащиеся в большинстве обвинительных речей.

Эти элементы уже достаточно усвоены прокурорской практикой. Они состоят из:

1. Оценки политического значения дела.
2. Общей характеристики фактических обстоятельств дела (так называемая «фабула дела»).
3. Анализа доказательств.
4. Вопросов юридической квалификации преступления.
5. Индивидуализации обвинения — приведения доказательств виновности в отношении каждого из подсудимых и характеристик подсудимых.
6. Требований о мере наказания и вопросов, связанных с возмещением ущерба.
7. Заключительных выводов обвинителя (так называемая «концовка» речи).

Повторяем, что соотношение этих частей, их удельный вес, их место в схеме обвинительной речи могут меняться в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Некоторые элементы, например вопросы, связанные с возмещением материального ущерба, могут вообще отсутствовать в речи.

Однако в подавляющем большинстве обвинительных речей указанные выше элементы найдут себе место.

а) Оценка политического значения дела

Боевая политическая направленность, партийная непримиримость к преступлению должны пронизывать не одну какую-нибудь часть судебной речи прокурора, а всю обвинительную речь.

Глубоко ошибочным нужно считать тот взгляд, согласно которому обвинительная речь разделяется на вводную политическую часть и «юридическую» часть, причем, «покончив» с введением к речи, прокурор освобождается от своих политических обязанностей с тем, чтобы вспомнить о политическом существе своей работы в суде только в нескольких заключительных фразах речи.

Политическая направленность обвинительной речи никак не может пониматься лишь как иногда плохо связанное с уликовой частью общее вступление — несколько слов или фраз, посвященных политической оценке дела, после чего прокурор приходит к некоему чисто юридическому анализу доказательственных материалов. Такая точка зрения на политическую направленность обвинительной речи распространена, к сожалению, среди некоторых практических работников и, более того, по существу рекомендована в некоторых методических пособиях.

Подобные установки нельзя не признать порочными.

Боевая политическая направленность должна отмечать не одну какую-либо часть речи государственного обвинителя (независимо от того, будет ли эта речь иметь общее вступление или нет), но всю речь в целом. Самый анализ материалов, даваемый в обвинительной речи, характеристика подсудимых, определение степени опасности преступных деяний должны приводить слушателя к правильным политическим выводам.

Сказанное отнюдь не означает, что предлагается отождествить прокурорскую речь в суде с политическим докладом на соответствующую тему и рекомендуется вместо обвинительной речи по конкретному делу, — например о спекуляции, — прочесть доклад о борьбе со спекуляцией с приведением некоторых иллюстраций из дела, рассмотренного в суде.

Совсем нет! Партийность обвинительной речи, ее боевая политическая направленность обязывает к иным, гораздо более сложным и требующим от государственного обвинителя большого умения приемам.

Например, может случиться так, что, произнося обвинительную речь по делу о спекуляции, государственный обвинитель вообще не прибегнет ни к специальному общему вступлению, ни к «политической концовке», но описание в речи обстоятельств преступных деяний, политически заостренные характеристики подсудимых, суровое

предупреждение по адресу тех неустойчивых элементов, которые захотели бы вступить на путь совершения подобных же преступлений, заставят слушателей самих сделать необходимые политические выводы, создадут в зале суда атмосферу общественного осуждения вокруг преступления и преступников.

По многим делам общую политическую оценку значения данного преступления, особенно по делам, рассматриваемым в широких публичных процессах, имеющим особую актуальность, бывает необходимо дать в начале речи в виде вступления, предпослав ее изложению фактических обстоятельств.

Так наиболее часто и поступают государственные обвинители, но это отнюдь не значит, что они не могут вернуться еще к вопросам политической оценки событий и действий подсудимых в последующих частях речи.

При таком построении речи чрезвычайно важно, чтобы политическое вступление было органически связано с конкретным судебным делом, чтобы суд и присутствующие в зале суда понимали, что прокурор говорит не «вообще», а применительно к событиям, фактам, действиям, исследованным судом.

Политическое вступление должно звучать как изложение общегосударственных политических принципиальных положений, помогающих уяснить то наиболее типичное и важное, что есть в деле, как обобщающее введение к исследованию фактических обстоятельств дела.

Однако совершенно недопустимо превращать это политическое вступление в не связанный с делом абстрактный доклад, в котором прокурор говорит хотя бы и верно, но о вещах и положениях, которые никакого отношения к рассматриваемому судом делу не имеют.

Об этом немало писалось и говорилось, но до сих пор нередки еще случаи, когда, выступая по делу о нарушениях Устава сельскохозяйственной артели или о хищениях в колхозе, прокурор сначала произносит доклад о международном положении, затем переходит к внутренним делам страны и только где-то в конце вскользь упоминает о судебном деле, заканчивая речь решительным требованием о наказании виновных.

Один государственный обвинитель, ряд лет проработавший на ответственной работе в органах прокуратуры,

направил в Прокуратуру СССР для опубликования в сборнике свою обвинительную речь.

Этот обвинитель поддерживал обвинение по делу о хищении нескольких бочек повидла заведующим торговой базой. Из 72 страниц обвинительной речи прокурор посвятил 41 страницу характеристике международного и внутреннего положения Советского Союза, после чего вне всякой связи с предыдущим изложением совершенно неожиданно перешел к гитлеровским эсэсовским врачам Рашеру, Руффу и Ромбергу, производившим злодейские эксперименты в лагере Дахау.

Только после этого в последней трети речи государственный обвинитель вспомнил, наконец, о конкретном деле, но рассказал он об этом деле сухо и неумело, переписав отрывки из обвинительного заключения и даже не включив в речь материалы судебного следствия.

Такое «понимание» прокурором стоящих перед ним политических задач ничего, кроме вреда делу государственного обвинения, принести не может. К счастью, примеры подобных «обвинительных речей» являются крайне редкими, но растянута вступление к речи, несвязанность его с фактическими материалами дела, абстрактность относятся к числу распространенных дефектов обвинительных речей.

Примеры органической связи вступления к речи с фактическими обстоятельствами дела государственные обвинители найдут в «Судебных речах» А. Я. Вышинского.

Так, по делу ленинградских судебных работников государственный обвинитель, указав на чрезвычайное, исключительное значение этого дела, так раскрывает, далее, это свое утверждение:

«Это дело имеет исключительное значение, так как здесь мы судим судей — тех, кто призван быть первыми помощниками в деле государственного строительства, ибо без суда нет государства, ибо без суда нет государственного строительства, ибо только в том случае государство может рассчитывать на свою жизненность, если крепки его устои, если крепки его органы, если судьба этих органов находится в руках надежных людей, если призванные защищать интересы государства — действительно достойные его защитники, какими являются и должны быть раньше всего наши судьи.

Вот почему это дело представляет такую исключительную важность»¹.

Замечательный пример исполненного политического пафоса и в то же время органически связанного с конкретным делом политического вступления дает речь А. Я. Вышинского по делу о гибели парохода «Советский Азербайджан». Вот как начал эту речь государственный обвинитель:

«Товарищи верховные судьи! Не без трепета и волнения приступаю я к исполнению последней части своих обязанностей государственного обвинителя по настоящему делу. Не без волнения приступаю я к этой тяжелой обязанности, потому что еще слишком свежи следы той раны, которая нанесена была нашей общественной совести позорным, предательским поступком командования парохода «Совет» и ряда обвиняемых, привлеченных по этому делу к уголовной ответственности. Я не без тревоги и волнения приступаю к исполнению обязанностей еще и потому, что государственное обвинение призвано помочь вам, товарищи судьи, вынести справедливый приговор по делу, на которое обращено сейчас внимание всех трудящихся нашей страны, внимание работников нашего транспорта,— и водного транспорта в первую голову,— потому, что от вашего приговора ожидают тысячи, десятки, сотни тысяч трудящихся ответа на вопрос о том, кто виноват в гибели наших братьев, их жен, их детей, нашего государственного имущества, нашего корабля.

От вашего приговора, от всего этого судебного процесса наши моряки и все честные советские граждане ждут ответа на вопрос и о том, что привело Каспийский флот к такому положению, когда в его историю оказалась предательской рукой Кривоносова и его сподвижников вписанной позорная страница небывалого среди советских моряков преступления. Ваш приговор должен будет ответить на вопрос о том, какие дальнейшие усилия должны быть предприняты всеми честными строителями нашего советского флота, чтобы никогда больше не повторились подобные позорные явления»².

Приводим вступительную часть речи прокурора по

¹ А. Я. Вышинский, Судебные речи, Госюриздат, 1953, стр. 52

² Там же, стр. 184.

делу группы расхитителей социалистической собственности московских промысловых артелей и связанных с ними взяточников из инспекции промысловой кооперации.

«Товарищи судьи! Тридцать лет тому назад, в известном письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком, В. И. Ленин говорил:

«Малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже дыра, которую немедленно используют враги трудящихся...» (В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 515).

На примере этого дела, на примере преступной деятельности всех этих закалинских, тумашевских, рафаловичей, шапиро и им подобных мы лишний раз убеждаемся в величайшей правильности этих гениальных указаний создателя Советского государства. Преступления расхитителей социалистической собственности могли быть совершены только в результате того, что для совершения хищений преступники использовали или недостатки системы организации работы промысловой кооперации или попустительство преступлениям со стороны некоторых руководящих работников промкооперации.

На судебном следствии мы убедились в том, что достаточно было проникнуть в систему того или иного промыслового союза одному Закалинскому или одному Тумашевскому, как следом за ними в этой же системе оказывалась вся преступная банда проходимцев и воров, как следом за организаторами хищений в артель приходили «специалисты» по подлогам подписей или завышению единичных расценок.

Посаженные ныне на скамью подсудимых преступники — подлинные враги трудящихся, расхищавшие народное добро, использовали для своих целей малейшее нарушение закона, малейшее нарушение установленного порядка.

Рассматриваемое судом дело свидетельствует о серьезных недостатках в работе некоторых звеньев промысловой кооперации, мимо которых мы не можем пройти.

Только в силу этих недостатков преступники могли систематически нарушать устав промысловой артели, могли превратить артели, в которых проходила их преступная деятельность, в частные фирмы Закалинских, Рафаловичей, Тумашевских. Только в силу этих недостатков и в первую очередь в результате засоренности

некоторых звеньев системы промысловой кооперации темными дельцами и преступными элементами, в результате продажности некоторых работников аппарата промысловых союзов и инспекции, призванных осуществлять контроль за работой артелей,— могла быть создана почва для хищений, подобных тем, которые установлены по этому делу.

Промысловая кооперация является одним из участков социалистического народного хозяйства. Особенно велико значение промысловой кооперации в использовании местных сырьевых ресурсов, в сохранении и развитии столетиями складывающихся промыслов, создавших замечательные кадры мастеров своего дела, подлинных художников труда по внедрению в промысел новой передовой техники.

Бесконечно разнообразие объединенных промысловой кооперацией промыслов — от металлистов Павлово-Посада до художников Палеха и Мстеры, от кимрских сапожников до вологодских кружевниц, от зверобоев Крайнего Севера до ковровщиц Туркмении.

В условиях социалистического государства промысловая артель является не только гибким и действенным орудием использования местных ресурсов или отходов крупной промышленности, орудием повышения благосостояния трудящихся. Вместе с тем артель, как сказано в Примерном уставе кооперативной промысловой артели, воспитывает из своих членов «активных и сознательных строителей коммунистического общества».

«Члены артели,— говорится далее в Примерном уставе,— обязуются укреплять свою артель, трудиться честно и добросовестно, охранять общественную собственность артели, всемерно укреплять трудовую дисциплину».

Все эти принципы организации и деятельности промысловой артели попораны преступниками, посаженными на скамью подсудимых.

Тумашевские, рафаловичи, зильберманы и закалинские создавали артели не для того, чтобы охранять общественную собственность артели, не для того, чтобы трудиться добросовестно и честно, а для того, чтобы под прикрытием легальных форм промыслового кооперативного хозяйства совершать преступления.

В известной степени находящиеся на скамье подсудимых преступники являются типичными фигурами, и

тактика их типична для преступной деятельности враждебных элементов, пробирающихся в систему промысловой кооперации с целью совершения там преступлений.

Для них невыносима обстановка строгого учета и контроля. Наоборот, они умышленно создают обстановку безучетности и бесконтрольности для того, чтобы воровать и обманывать государство.

Я говорю о том, что преступники умышленно создают хаос в официальном бухгалтерском учете. Для себя, как в этом мог убедиться суд, они строго учитывают награбленные ценности и заботливо следят за так называемыми «компаньонами» по преступным операциям.

Для своих преступных целей эти опасные и расчетливые преступники и пытаются использовать систему кустарного кооперативного производства. Марка промысловой артели нужна им для прикрытия подлинной частнопредпринимательской преступной деятельности.

Не случайно за последнее время появился ряд директивных указаний, посвященных борьбе с частнопредпринимательскими элементами в промысловой кооперации.

Нет сомнения в том, что преступления, подобные тем, дело о которых рассматривается ныне судом, относятся к числу наиболее опасных.

За три года группа преступников — Закалинский, Тумашевский, Эдельман, Гайдук, Зельман и другие — захитили в пяти организациях 3 миллиона 844 тысячи рублей.

Хищение государственных средств производилось путем перекачивания денег в специально созданные лже-артели, являвшиеся по существу частными предприятиями дельцов. Эти созданные преступниками частнопредпринимательские «конторы» и строительные цеха, ничем не отличающиеся по существу от бендеровской конторы по заготовке рогов и копыт, были специально организованы для облегчения хищения. Преступники маскировались под легальные организационные формы промысловой кооперации.

«Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа», — говорит известная каждому из нас ст. 131 Конституции СССР. Такими врагами народа, врагами Советского государства, преступниками, явно покушающимися на эко-

номическую основу советской власти — священную и неприкосновенную социалистическую собственность, — и являются посаженные на скамью подсудимых расхитители и их пособники.

Такова первая особенность настоящего дела, которую я считал необходимым отметить в начале своей обвинительной речи.

Однако наряду с этой особенностью необходимо отметить и другую.

Товарищи судьи!

Рассматриваемое вами дело по обвинению организованной группы расхитителей социалистической собственности, пробравшихся в систему промысловой кооперации и на протяжении нескольких лет безнаказанно совершавших тяжкие преступления, характерно не ухищренностью методов этих преступлений и не сложностью проникновения в действия преступников.

Наоборот, перед каждым из нас возникал вопрос — как могло случиться, что на протяжении нескольких лет банда жуликов и пролаз, группа наглых воров, использовавших для своих преступных целей примитивные приемы грубых подлогов подписей, могла остаться безнаказанной?

Преступления подсудимых были настолько грубо замаскированы, что их должна была обнаружить любая, даже поверхностная ревизия. Вспомните, что не имевший никакого бухгалтерского образования, спешно превращенный, в порядке угождения начальству в поисках «хлебного места», из шофера легковой машины начальника инспекции в инспектора-ревизора — подсудимый Герчин, без всякого труда, в течение каких-нибудь двух дней проник в существо жульнических комбинаций Шапиро-Слиозберга.

Почему же эти крупные по масштабам и весьма опасные по характеру, но примитивные по методам, преступления столь долго оставались безнаказанными?

Вот вопрос, на который мы должны ответить сейчас, подытоживая материалы судебного следствия.

Ответ на этот вопрос вытекает из особенностей преступных действий подсудимых, широко практиковавших наряду с хищениями государственной и кооперативной собственности подкуп должностных лиц.

Тягчайшие преступления против экономической основы советского строя — хищения социалистической собственности — неизменно совершались преступниками рядом с одним из наиболее опасных должностных преступлений — взяточничеством.

По замыслу преступников широкая система взяток должна была гарантировать безнаказанность для расхитителей социалистической собственности и создать те скрытые источники денежных средств, все те «завышенные объемы» заработной платы, из которых совершались затем хищения.

Преступники создали настоящую систему взяток, паутину, охватывающую многих из соприкасающихся с расхитителями социалистической собственности лиц. В этом деле взятка является одним из основных приемов, при помощи которых осуществлялись хищения государственных ценностей и создавалась безнаказанность для преступников.

Эта шайка частников, проникшая в систему промысловой кооперации для того, чтобы добиться перекачивания государственных средств в свои карманы, использовала в качестве орудия совершения преступлений взятку, — одно из наиболее подлых преступлений, доставшихся нам в наследство от капиталистического мира.

Однако основой этого дела, бесспорно, являются хищения государственной и кооперативной собственности. Взятки давались преступниками ради совершения хищений или ради того, чтобы уклониться от ответственности за хищения. Для совершения этих хищений преступники использовали малейшую неправильность в организации работы промысловой кооперации, малейшую лазейку в системе планирования работы промысловых артелей.

Объектом своих преступных посягательств преступники сделали в первую очередь государственную собственность. Как уже отмечалось мною раньше, лжеартели организовывались для перекачивания государственных средств, для расхищения их. Это делает подобные преступления особо опасными.

В результате тщательного исследования доказательств на судебном следствии, формулируя общую позицию обвинения на этом судебном процессе, я считаю доказанной вину преданных суду лиц, действия которых были квалифицированы по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности

за хищения государственного и общественного имущества», в том, что они организовали преступную группу расхитителей социалистической собственности и, широко используя подкуп, совершили крупные хищения. Я считаю доказанной вину бывших работников инспекции промышленной кооперации в том, что, получая взятки от расхитителей, они фактически явились соучастниками хищений».

При построении вводной части этой обвинительной речи государственный обвинитель стремился к тому, чтобы каждое выдвинутое им общее политическое положение помогало правильно оценить степень опасности для государства преступных действий, подобных тем, которые исследовались на судебном процессе. Государственный обвинитель стремился также к тому, чтобы показать важнейшие особенности этих преступлений и, в частности, связь крупных хищений со взяточничеством, с организованным подкупом должностных лиц, что сделало преступления особо опасными. Организаторы преступлений были охарактеризованы обвинителем, опирающимся на конкретный доказательственный материал дела, как враги народа, и этот вывод был подтвержден обзором преступных методов расхитителей социалистической собственности.

Стремясь к тому, чтобы организовать общественное мнение на борьбу с подобного рода преступлениями, обвинитель считал, что он может достичь этой цели, только связывая в обвинительной речи выдвинутые им общие политические положения с конкретными обстоятельствами дела, раскрывая эти общие положения на конкретных примерах, взятых из материалов судебного следствия.

Этот метод построения вводной части речи мы считаем наиболее правильным.

Постоянно помня о том, что сама конкретность обвинительной речи является сильнейшим орудием политического воздействия на слушателей, государственный обвинитель должен стремиться к тому, чтобы вводная часть его выступления в суде была органически связана с остальными частями речи, а не оказалась для них чужеродным телом; чтобы все находящиеся в зале суда понимали, что прокурор выдвигает в своей речи общие политические положения и оценки в связи с данным конкретным делом, а не говорит «вообще».

Мы указывали, что в ряде случаев общую политическую оценку дела бывает правильно дать в начале речи,

предпослав ее изложению фактических обстоятельств. Однако вполне возможно и другое построение речи, когда общая политическая оценка дела производится после изложения фактических обстоятельств как политический вывод из анализа фактической стороны преступления.

Так и поступают многие государственные обвинители, особенно часто по делам о преступлениях против личности.

В этом случае обвинительная речь может быть начата непосредственно с изложения фактических обстоятельств дела.

Конструкция обвинительной речи, в которой вопросы, связанные с общей политической оценкой подсудимых и обстоятельств дела, освещаются государственным обвинителем не в вводной части речи, а после анализа доказательств или после части речи, посвященной вопросам юридической квалификации,— является столь же приемлемой для судебной практики, как и такое построение речи, в котором эти вопросы освещаются в самом начале речи.

Поэтому следует признать вполне правильным утверждение методического пособия Прокуратуры СССР «Методика подготовки обвинительной речи на суде»: «Очень часто бывает уместно объединить вопрос о характере и степени общественной опасности действий, вменяемых в вину обвиняемым, с вопросом о квалификации преступления»¹

И, наоборот, неправильно укоренившееся среди некоторых прокуроров и даже проникшее в некоторые методические пособия мнение по поводу того, что вопросы, связанные с общей политической оценкой деяний, обязательно должны быть сконцентрированы в «вводной части» обвинительной речи, обязательно должны предшествовать изложению конкретных материалов дела.

Такое неправильное мнение высказывается, например, в методическом пособии — «Обвинительная речь прокурора», изданном прокуратурой Казахской ССР.

Авторы этого пособия категорически утверждают, что часть речи, посвященная общей политической оценке дела, «должна предшествовать остальным частям речи». Далее в методическом пособии подвергается суровой критике один из прокуроров, «который почему-то остановился на общественно-политическом значении дела... в середине

¹ «Социалистическая законность» 1938 г. № 10, стр. 19.

речи после анализа доказательств. Политическая острота дела этим оказалась затушеванной»¹.

Это утверждение должно быть признано совершенно неправильным.

Вопрос о том, где сконцентрировать вопросы, относящиеся к общественно-политической оценке дела, определяется характером дела и условиями, в которых проходит процесс: для кого произносится обвинительная речь, кто присутствует на суде.

Например, по делам о массовом выпуске недоброкачественной продукции общие политические вопросы, относящиеся к делу, необходимо изложить в начале речи. К этому обязывает сама природа преступления, которое закон объявляет «равносильным вредительству».

В подавляющем большинстве случаев правильно изложить в начале речи общие политические вопросы по делам о крупных хищениях или о систематической спекуляции, в особенности совершенной шайкой и в крупных размерах, о преступлениях, составляющих пережитки родового быта, о преступных нарушениях Устава сельскохозяйственной артели, о взяточничестве. Это помогает слушателям с самого начала правильно оценить общественное значение судебного процесса, найти правильные политические критерии для оценки степени опасности преступных действий.

В других случаях вопросы общественно-политической оценки событий прозвучат наиболее сильно и убедительно после изложения фактических обстоятельств дела.

В разделе, посвященном характеристике подсудимых государственным обвинителем, мы говорим о важном политическом значении этой части обвинительной речи.

Важно, чтобы государственный обвинитель вполне уяснил:

во-первых, что политическим «вступлением» или «концовкой» отнюдь не исчерпываются политические задачи, стоящие перед прокурором при произнесении обвинительной речи, и

во-вторых, что все политические выводы прокурора должны быть органически связаны с конкретными материалами дела, с исследованием преступных действий подсудимых и их оценкой.

¹ «Обвинительная речь прокурора», Методическое пособие, изд. Прокуратуры Казахской ССР, Алма-Ата, 1949, стр. 19.

б) Общая характеристика фактических обстоятельств дела

В ряде методических пособий эта часть обвинительной речи не выделяется в особый раздел, а объединена с разделом, посвященным исследованию доказательств (см., например, методическое пособие Прокуратуры СССР — «Методика подготовки обвинительной речи на суде»¹).

Это утверждение правильно в том смысле, что анализ доказательств в обвинительной речи обычно начинается установлением того, что именно прокурор намерен доказать выяснением исходных позиций государственного обвинителя, то есть общей характеристикой фактических обстоятельств дела. Однако делается это далеко не всегда. Зачастую государственный обвинитель считает возможным после политических замечаний, касающихся, положим, значения охраны социалистической собственности, непосредственно перейти к исследованию конкретных доказательств, не дав общей характеристики обстоятельств дела, не выяснив, что же он намерен доказать в целом в итоге всей своей обвинительной речи.

В судебной практике это создает ряд трудностей для слушателей, не давая возможности сразу воспринять общую перспективу судебного дела.

С другой стороны, некоторые судебные ораторы подменяют краткую характеристику фактической стороны дела пространным и расплывчатым повторением описательной части обвинительного заключения, что (особенно по судебным делам, содержащим значительное количество отдельных эпизодов) приводит к ненужным повторениям, утомляя слушателей, утяжеляет обвинительную речь и снижает ее воздействие на слушателей.

Мы считаем методически правильным выделить часть обвинительной речи, посвященную общей характеристике фактических обстоятельств дела, в особый раздел. Этот раздел предшествует исследованию доказательств. Значение его в том, что он дает общую концепцию обвинения по делу в целом, в ее окончательном виде, воссоздаст перед слушателями в общих чертах фактическую сторону обвинения.

¹ «Социалистическая законность» 1938 г. № 10, стр. 19.

Сжато, в наиболее общих чертах описывая фактическую сторону дела, государственный обвинитель вместе с тем формулирует и свои итоговые задачи в области доказывания по данному делу. Слушателям становится ясна точка зрения государственного обвинителя на обстоятельства дела, его понимание событий, исследуемых по делу.

Наиболее часто государственные обвинители допускают ошибки при построении этой части речи по групповым делам, включающим значительное количество отдельных эпизодов. Краткая общая характеристика обстоятельств дела подменяется назойливым повторением пунктов обвинения, дублированием формулы обвинения по обвинительному заключению, внимание слушателей растрачивается во множестве деталей, к которым обвинитель должен будет вернуться еще при индивидуализации вины в части речи, посвященной установлению конкретной виновности каждого подсудимого.

Иногда эта ошибка усугубляется и тем, что государственный обвинитель считает нужным изложить в этой части речи обстоятельства дела не в том виде, в каком они представляются ему после окончания судебного следствия и в каком он будет описывать их в обвинительной речи, а такими, какими они представлялись по обвинительному заключению, хотя судебное следствие уже частично изменило подобное понимание событий. Это еще более утяжеляет обвинительную речь и затрудняет правильное понимание ее слушателями.

В этой части обвинительной речи по делу, включающему значительное количество эпизодов, не следует останавливаться на каждом из них; необходимо дать лишь общую характеристику развития событий, выделить главные отличительные черты фактической стороны преступления.

Внимательное изучение собранных в книге А. Я. Вышинского «Судебные речи» выступлений выдающегося судебного оратора во многом поможет государственному обвинителю правильно строить общую характеристику фактических обстоятельств дела.

Вот как строит, например, этот раздел обвинительной речи А. Я. Вышинский, выступая по делу о гибели танкера «Советский Азербайджан».

«Известна фактическая сторона этого тяжелого дела. 28 мая этого года, всего 3 месяца назад, в 2 ч. 15 м ночи,

вследствие неосторожности, явившейся, в свою очередь, результатом распушенности, разгильдяйства и упадка служебной дисциплины, на пароходе «Советский Азербайджан» произошел пожар и взрыв, погубивший 27 человек и стоивший, кроме того, Советскому государству самого парохода и груза. Несчастье может быть всегда и везде. Но трагизм данного случая заключается не только в самом факте взрыва, катастрофы и гибели парохода «Советский Азербайджан». Трагизм заключается в том, что пароход «Советский Азербайджан» в момент катастрофы был не один, что на расстоянии 200 метров на буксире его вел пароход «Совет», что этот пароход предательски бросил на произвол стихии своего гибнущего собрата и постыдно, с предельной скоростью, ушел прочь от места катастрофы, не оказав погибающим решительно никакой помощи!

Известно, что вместо организации помощи гибнущему пароходу «Советский Азербайджан» пароход «Совет», по приказу капитана этого парохода Кривоносова, действовавшего совместно с помполитом Мигущенко и ст. механиком Чеботаревым, при попустительстве ряда работников команды этого парохода, о чем я буду говорить более конкретно дальше, бросился бежать с места катастрофы, развив полный ход, и в течение 40—45 минут удалился от бедствующего судна на 8 миль, а вернувшись к нему только через три с лишним часа после взрыва, не принял всех должных мер к спасению корабля и вторично постыдно и трусливо бежал с места катастрофы. Факт беспримерный, невероятный, не знающий себе подобного в истории советского флота, давящий нас всей тяжестью и гнусностью этого преступления, запятнавший тягчайшим образом флаг советского флота, который давал и дает ежедневно образцы подлинно героической работы»¹.

Эта короткая характеристика четко воссоздает перед слушателями обстоятельства трагической гибели парохода «Советский Азербайджан» и позорного поведения команды парохода «Совет». В последующем обвинитель остановится еще на целом ряде обстоятельств дела. Он будет говорить о неправильном подборе кадров в системе каспийского пароходства, о нарушении правил техники безопасности при перевозке нефти на нефтеналивных судах, о

¹ А. Я. Вышинский, Судебные речи, Госюриздат, 1953, стр. 185.

невыполнении своих обязанностей службой Регистра и т. д. Но, характеризуя фактические обстоятельства дела, обвинитель выделил основное и главное в преступлении, и именно это придало такую силу и рельефность его предельно лаконичной характеристике.

Вот как характеризует фактические обстоятельства преступления А. Я. Вышинский, выступая в Верховном суде РСФСР по так называемому «Делу Гукон», — сложному многоэпизодному делу, по которому было привлечено к уголовной ответственности семнадцать человек:

«...Подсудимым Топильским и подсудимым Позигуном организуется аппарат..., но что это за «аппарат?» Это не советский аппарат, а слетевшееся на наживу воронье. «Ворон к ворону летит, ворон ворону кричит ворон, где б нам пообедать...» Вот как организовывался аппарат спасения животноводства в республике. Вороны слетелись, и каждый думает о том, где бы пообедать... Один за другим сюда слетаются эти черные вороны, — больше того, хищники, стервятники.

Посмотрите, как составлялся этот аппарат, как подбирался этот аппарат. Вот Теплов, уполномоченный по Симбирской губернии. Кто он такой? В 45 лет он записался в коммунистическую партию, а до того он был арендатором виноградного сада, маленьким виноградным помещиком и управляющим рыбными промыслами. Ничего общего с пролетарской средой он, конечно, не имел и, пролезши в партию, остался таким же хозяйчиком, как был и до того. Я вернусь потом к подробной характеристике Теплова и остальных подсудимых. Сейчас я называю их, чтобы показать, как сколотился и из кого составлялся этот аппарат, которому была поручена величайшая в истории по ответственности задача.

...Они пришли на это дело как стяжатели для барыша, для личных выгод. На голоде, болезнях, смерти и разрушении они «зарабатывали», уводя в свои конюшни из голодного Поволжья по статному жеребцу, а то и по два. Это не общественные деятели, как их торжественно называл Топильский, а организованная шайка, как более метко и правильно охарактеризовал эту компанию Белдер. Итак, аппарат организован, люди подобраны.

...Возвращаюсь к существу дела.

Итак, организационный вопрос решили. Собрали людей, в достаточной степени объяснились, обеспечили себе

возможность получения денежных средств на всякие случайные обстоятельства и деловые расходы — деловые расходы, несомненно, у них в некоторой части были — и приступили к работе. Но куда у них оказалась направленной главная мысль? Мысль работала у них, по-моему глубочайшему убеждению, в сторону удовлетворения личных корыстных интересов. Их отношение к делу можно охарактеризовать только так: стремление к наживе, к удовлетворению личных интересов.

Вместо того чтобы спасти голодающих, спасти гибнущее хозяйство, эти господа все свое внимание сосредоточили на одном — на наживе.

Один мечтает о приобретении для себя лошади и больше ни о чем думать не хочет Другой мечтает о племенной корове и т. д. и т. п. Основная руководящая идея у них — не спасение гибнущих, не локализация этого ужасного бедствия, а удовлетворение личных вкусов и личных желаний — точь в точь как в буржуазном обществе, где танцуют и флиртуют «в пользу бедных», где устраиваются благотворительные вечера и маскарады в пользу «недостаточных» студентов, спасения утопающих, погоревших, пострадавших от землетрясения, от чего угодно, лишь бы под этим предлогом можно было весело и с личной выгодой для себя провести время.

Подсудимые построили всю свою «работу» на стремлении всячески использовать в своих корыстных интересах и государственные средства, отпущенные на борьбу с этим бедствием, и весь созданный в целях этой борьбы аппарат»¹.

В этой характеристике также приведены только некоторые важные факты и выводы обвинителя, относящиеся к фактической стороне дела. Обвинитель излагает здесь общую концепцию обвинения, привлекая детали только в той степени, в какой они нужны для правильного понимания и подтверждения этой общей характеристики.

Таким образом, часть обвинительной речи, посвященная общей характеристике фактических обстоятельств дела, отнюдь не должна повторять обвинительного заключения В этой части речи, в краткой форме дается общая характеристика фактической стороны преступлений, вы-

¹ А. Я. Вышинский, Судебные речи, Госюриздат, 1953, стр. 7—12.

деляются наиболее важные и характерные черты событий, являющихся предметом судебного исследования, излагается фабула дела.

Обвинитель в этом разделе речи отмечает в общих чертах, что именно, какие события и факты он намерен доказывать в своей обвинительной речи. Нередко поэтому обвинитель, давая общую характеристику фактических обстоятельств дела, заканчивает ее вопросами, на которые он хочет ответить в последующих частях обвинительной речи.

Так заканчивает, например, общую характеристику фактических обстоятельств дела в своей речи по делу об убийстве Косиновой государственный обвинитель т. Еркин:

«Событие, происшедшее 17 октября 1947 г., глубоко взволновало общественность села Тайсары

В этот день, рано утром, во дворе своей усадьбы, в сарае, была обнаружена мертвой, висящей в петле, колхозница Валентина Ивановна Косинова. Жугкая картина представилась глазам явившихся на место происшествия. Волосы Косиновой были растрепаны, лицо окровавлено, на обеих руках откушены фаланги двух пальцев.

На плетне, под крышей сарая, висела шаль, а на другой ее стороне валялась гребенка. На крыльце лежал окровавленный нож. В комнате царил беспорядок — стол был сдвинут с места, молоко разлито, а в луже крови валялись разбросанные деньги.

Что же произошло в этом доме? Каким образом роковая петля затянулась на шее Косиновой?

На эти вопросы нам отвечают материалы предварительного и судебного следствия»¹.

Иногда государственные обвинители прямо начинают изложение фактической стороны дела определением задач, которые стоят перед обвинением при исследовании доказательств, перечислении тех обстоятельств дела, которые обвинитель намерен установить.

Обвинитель говорит: «Задачей обвинения является — доказать, что 15 февраля 1950 г. подсудимый Петров из ревности убил связанную с ним интимными отношениями Красильникову. Мы докажем также, что убийство это

¹ Речи государственных обвинителей, Методический Совет Прокуратуры СССР, 1929, вып. 1, стр. 36

было совершено умышленно, по заранее обдуманному плану; что орудия преступления были заранее принесены убийцей на место преступления и что, совершив убийство, Петров предпринял затем ряд мер к сокрытию следов преступления, действуя и здесь расчетливо и обдуманно. Приступая к выполнению этой части, я должен в кратких словах восстановить в памяти суда обстоятельства этого дела».

Такой прием является вполне допустимым. При изложении фактических обстоятельств дела обвинитель в большинстве случаев делает понятной свою концепцию дела.

Поэтому определение в этой части речи конечных целей, которые ставит перед собой обвинитель, исследуя доказательства, является возможным, а иногда, в зависимости от обстоятельств дела, и необходимым.

Возможен, однако, и другой прием. Обвинитель, кратко описывая фактические обстоятельства дела, не говорит прямо о том, кто, по его мнению, виновен в преступлении, но путем строгого отбора материала, выделения характерных черт преступления он заставляет слушателей присоединиться к его пониманию дела, к его концепции.

Так, например, строит краткое изложение фактических обстоятельств дела государственный обвинитель т. Галкин в речи по делу об убийстве Поповой.

«Общая картина преступления: деревня Насоново, в полукаменном доме доживает последние дни престарелая, одинокая Попова. В ночь на 23 октября 1947 г. она оказалась убитой. Труп ее был вытаскен во двор и брошен в зимнем помещении, а вещи разграблены. Преступники вышли через двор. Убийство было совершено до того, как Попова легла спать. Утром 22 октября в деревне понадобились ножницы для стрижки овец, пошли за ними к Поповой и обнаружили ее убитой.

По данным описи вещей, оставшихся в доме Поповой, по данным, составленным на основании показаний Боротовой, Полонова, Кузнецовой и многих других, мы представляем, что преступление совершено с целью ограбления. Другой мотив исключается. Орудия преступления — топор, нож, шкворень.

Из заключения судебной экспертизы видно, что первое ранение головы было произведено ударом топора. Отсутствие взлома двери показывает, что преступники проникли в дом через открытые двери, а мы знаем, что

покойная Попова закрывала двери на деревянный засов рано, так как она ложилась спать рано и в отдельных случаях односельчан не принимала, если они приходили к ней вечером. Значит взламывать двери оказалось ненужным для преступников, потому что орудия, находившиеся при них, применены не были. Значит Попова открыла двери сама, а так как она пускала в дом только людей, которым доверяла, значит Попова хорошо знала убийц и доверяла им.

Об этом красноречиво свидетельствует такая житейская подробность: вправо за дверью внизу, около кровавой лужи оказалась стоящая лампа. Эту лампу взяла и принесла своими старческими руками Попова, ибо это было вечером.

Это было раньше того времени, когда Попова ложилась спать. Но это было настолько поздно, что она держала дверь запертой, и чтобы открыть ее, потребовалась лампа.

Человек, стучавший в дверь, был хорошо знаком Поповой, иначе в вечерний час Попова не пошла бы открывать дверь, впускать посторонних. Преступники забыли у двери лампу. Не удивительно, ведь они многое позабыли убрать. Они, желая скорее захватить ценности, бросились, шагая через труп Поповой, грабить имущество.

Попова была не только старым человеком, она была человеком крайне слабым. Чтобы свалить такую старую, болезненную женщину, нанесено три удара топором, да еще потребовалось три удара ножом. Как пишет в своем заключении судебно-медицинский эксперт, восстанавливая картину преступления, такие удары были нанесены потому, что Попова, упав с разрубленной головой, вдруг стала подавать признаки жизни. Что это значит? Это означает, что первое нападение совершено неумело. Первый удар был нанесен руками слабыми, неспособными насмерть свалить жертву»¹.

В данном случае, описывая фактические обстоятельства дела, обвинитель не говорит прямо о том, что он считает подсудимых Морозову и Климову виновными в убийстве их односельчанки Поповой, а намерен доказать это. Однако, кратко описывая фактические обстоя-

¹ Речи государственных обвинителей, Методический Совет Прокуратуры СССР, вып. 2, стр. 56—57.

ства дела, выделяя характерные обстоятельства дела, обвинитель заставляет слушателей самих прийти к выводу, во-первых, о том, что убийцы принадлежали к числу близких знакомых Поповой, которым она вполне доверяла, во-вторых, что убийцы не обладали большой физической силой, в-третьих, что убийство было совершено с целью ограбления.

Такой прием изложения фактических обстоятельств дела в ряде случаев оказывается вполне уместным и весьма убедительным не только при построении этой части речи, но и при исследовании доказательств. Не договаривая до конца, не давая конечной формулировки своих выводов, обвинитель тем не менее вплотную подводит к ней слушателей, заставляет слушателей самих сделать логический вывод из умело отобранных им и изложенных в речи фактических обстоятельств.

Этот прием довольно широко использовался лучшими судебными ораторами прошлого. П. Сергеев в упомянутом нами ранее практическом пособии «Искусство речи на суде» указывал:

« .Опытный оратор всегда может прикрыть от слушателей свою главную мысль и навести их на нее, не высказываясь до конца В речи Александрова по делу Веры Засулич нет резких выражений; защитник говорит: распоряжение, происшествие, наказание, действие, но, просмотрев эту речь, Вы чувствуете, что присяжные, слушая эти бесцветные слова, мысленно повторяли: произвол, надругательство, истязание, безнаказанное преступление... Если Вы вдумаетесь в обстановку судебной речи, то скажете, что умнее не договаривать есть залог цельного впечатления слушателей от слов обвинителя и защитника.

Не договаривайте, когда факты говорят за себя»¹.

Суммируя замечания, относящиеся к разделу речи, посвященному краткой характеристике фактической стороны дела, необходимо отметить

Во-первых, в этом разделе речи обвинитель выделяет наиболее главные и характерные черты фактической стороны преступления, дает свою концепцию дела, а не повторяет описательную часть обвинительного заключения.

Во-вторых, уместно, а иногда и необходимо в этой части речи изложить задачи, которые ставит перед собой

¹ П. Сергеев, Искусство речи на суде, СПб, 1910, стр 276—277.

государственный обвинитель, в следующем разделе, посвященном исследованию доказательств

В-третьих, раскрывая перед слушателями правильную перспективу дела, вводя их в курс фактических событий, в их развитие, эта часть речи, как правило, должна предшествовать исследованию доказательств; она органически связана с этим разделом и является обязательным элементом обвинительной речи.

в) Исследование доказательств

В методическом пособии Прокуратуры СССР «Методика подготовки обвинительной речи на суде» совершенно правильно указано, что часть обвинительной речи прокурора, посвященная исследованию доказательств, всегда является «основной, если не по объему, то по ее значению»¹.

На всяком судебном процессе исследуется конкретное судебное дело, решается вопрос о виновности или невиновности подсудимых. В доказательстве факта преступления и установлении вины подсудимых состоит основная задача прокурора. Только разрешив эту задачу, прокурор может выполнить все остальные, стоящие перед ним в обвинительной речи задачи.

Исследование доказательств, оценка их, окончательное установление фактических обстоятельств дела являются той конструктивной основой обвинительной речи, на которой строятся все остальные части выступления прокурора в суде.

Для каждого государственного обвинителя совершенно необходимо тщательное и глубокое изучение учения о доказательствах, в особенности работы академика А. Я. Вышинского «Теория судебных доказательств в советском праве».

Мы не останавливаемся на общих вопросах советского доказательственного права, которым посвящена первая глава этой книги.

В настоящей главе, посвященной обвинительной речи, необходимо установить основные практические вопросы, связанные с исследованием доказательств в заключительной фазе работы прокурора в судебном процессе.

¹ «Социалистическая законность» 1938 г. № 10, стр. 20.

В этом разделе своей речи государственный обвинитель должен

Во-первых, оценить доказательства, собранные по делу как в отдельности, так и в совокупности их, определив, «какие доказательства и почему заслуживают доверия, а какие не заслуживают»¹.

Во-вторых, прийти к определенному выводу о том, что именно установлено по делу, указав, какими доказательствами подтверждены установленные по делу обстоятельства и что должно быть исключено из обвинения как недоказанное

Эти две задачи, стоящие перед обвинителем при исследовании доказательств в обвинительной речи, «далеко не всегда влекут разделение этой части обвинительной речи на два самостоятельных раздела»².

Наоборот, значительно чаще, исследуя одно доказательство или группу доказательств, относящихся к установлению определенного обстоятельства дела, государственный обвинитель непосредственно после этого делает вывод о том, что именно он считает установленным.

Однако в той или иной форме — раздельно или слитно — государственный обвинитель, исследуя доказательства, должен ответить на оба указанные выше вопроса.

Может ли государственный обвинитель, исследуя доказательства в обвинительной речи, быть односторонним, то есть может ли он говорить лишь о доказательствах, подтверждающих обвинение, умалчивая о доказательствах, противоречащих версии, принятой обвинителем?

Это один из наиболее существенных вопросов, связанных с исследованием доказательств в обвинительной речи. На него может быть дан только один ответ — обвинитель не может умолчать о доказательствах, противоречащих принятой версии, он должен или опровергнуть или принять их. Замалчивание доказательств, опровергающих версию обвинителя, в случае достоверности и обоснованности этих доказательств противоречит целям советского государственного обвинения, наиболее важной задачей которого является отыскание объективной (материальной) истины по делу.

Но и в том случае, если доказательства, привлеченные

¹ «Социалистическая законность» 1938 г. № 10, стр. 20.

² Там же.

сторонами для опровержения версии обвинителя, не соответствуют действительному ходу событий и должны быть отброшены судом, попытка уйти от них в обвинительной речи, умолчать о них принесла бы только вред обвинению.

Замалчивание в обвинительной речи противоулик на том основании, что они являются якобы «ничтожными» и не нуждаются в опровержении, почти всегда порождает попытки защиты объяснить подобное поведение прокурора невозможностью опровергнуть эти противоулики и создает неясности, требующие для объяснения их повторного исследования доказательств в реплике.

Поэтому, не соглашаясь с доказательствами, привлеченными другой стороной, обвинитель должен мотивировать это свое несогласие — опровергнуть противоулики, дать им свое объяснение.

По большинству дел и особенно по групповым делам, когда в отдельных эпизодах участвует значительное количество лиц, наиболее правильно исследовать доказательства, группируя их по определенным эпизодам. Такой прием позволяет сразу определить степень участия в этом эпизоде отдельных подсудимых; кроме того, таким путем обычно удается наиболее наглядно показать внутреннюю связь отдельных доказательств.

Так строит, например, исследование доказательств в речи по делу ленинградских судебных работников А. Я. Вышинский. Основное внимание в этой части государственного обвинителя уделено двум эпизодам: получению взятки по так называемому «делу лаборантов» и «эпизоду Матвеева».

Проанализируем часть речи, относящуюся к последнему эпизоду.

Первоначально дается общая характеристика эпизода. Обвинитель говорит:

«Фабула этого эпизода весьма несложная, и, чтобы изобразить ее, красок никаких не нужно. Но эта фабула так же проста, как и грязна, и заключается она в том, что преступник, настигаемый правосудием, умел находить себе из числа служителей правосудия помощника и защитника: он покупал этого «служителя правосудия» и оставался безнаказанным.

Таков «эпизод Матвеева». Эпизод этот заключается в том, что 17 апреля 1923 г. в губернский суд для произ-

водства расследования поступило дело № 25, как это значилось на обложке. Сейчас же нашлись приятели, товарищи, посредники, ходатаи, и дело начало затираться. В данном случае в деле двумя крайними точками являются Матвеев, купец, имеющий уже за собой судимость по аналогичному делу, квалифицированному той же самой ст. 114-а УК, и старший следователь губернского Ленинградского суда Шаховнин. Между этими двумя точками размещается вся эта небольшая, но теплая компания: Пахомов, Иванов и Михайлов. Через них, в частности через Михайлова, Матвеев прокладывает себе дорожку к Шаховнину. Завязываются непосредственно деловые сношения, которые и кончаются к обоюдному удовольствию всех заинтересованных лиц. Сделка сделана, «правосудие» куплено, правосудие загажено, оскорблено!..»¹.

Государственный обвинитель переходит затем к определению роли каждого участвовавшего в нем подсудимого и с этой целью подвергает детальному анализу доказательства. Вот как начинает государственный обвинитель исследование доказательств, устанавливающих виновность самого Матвеева:

«Посмотрим, в чем заключалась роль каждого из участников этой сделки. Здесь, на суде, Матвеев признал себя виновным, и, казалось бы, нам незачем на нем и останавливаться. Он признал себя виновным на суде, и это указывает на якобы проснувшееся в нем раскаяние, на пробуждение в нем сожаления по поводу совершенного. Но это требует проверки, ибо, может быть, это раскаяние только внешнее, ибо по существу, может быть, этот преступник ничего не сделал для того, чтобы вскрыть преступление, когда в этом мы нуждались больше всего, и, может быть, свое сознание принес к судебному столу только тогда, когда был уже пойман и притащен сюда страшной петлей, уже затянувшейся у него на шее. К сожалению, с Матвеевым дело обстоит именно так. Посмотрите все его показания на предварительном следствии»².

Прокурор далее устанавливает объем преступлений каждого из подсудимых и показывает, как развивался этот эпизод дела. Он говорит:

¹ А. Я. Вышинский, Судебные речи, Госюриздат, 1953, стр. 53—54.

² Там же, стр. 54.

«Можно считать установленными цифры, зафиксированные на судебном следствии. Мы видели из признаний Матвеева, Иванова и Пахомова, что они, Иванов и Пахомов, деньги получали, в частности те суммы, которые установлены в обвинительном заключении. Как это подтверждено расследованием, произведенным здесь, на судебном следствии, Иванов получил 2200 руб., Пахомов получил 1400 руб. и 1200 руб., но для них это мелочи. Вот благодаря этим деньгам Матвеев получает возможность, оплачивая услуги Пахомова и Иванова, сблизиться с Шаховниным и остаться благодаря Шаховнину безнаказанным. Дальше мы встречаем Матвеева уже в другой фазе этого процесса,— как известно, всякий такой процесс проходит несколько фаз и стадий.

Одна из стадий заключалась в том, что эти господа сначала занимались угощениями за счет своих доверителей, если позволите так выразиться, садились с ними за стол и клали ноги на стол. Вот эта стадия была и в деле Матвеева, когда следователь Шаховнин влез к Матвееву и положил ему на стол свои судейские ноги. Я говорю о знаменитой попойке у Пахомова, когда Пахомов приглашает Матвеева и Шаховнина, и здесь, так сказать, венчается дело.

Напоминаю происшедший на этой пьянке характерный разговор. Шаховнин вел разговор с Матвеевым относительно своих худых подметок и отсутствия у него летнего пальто. Вычислили, что нужно 2500 руб, и тут же дается 2000 рублей. Взятка дана, Шаховнин в руках у Матвеева, а теперь они оба в руках у нас»¹.

Исследование доказательств дает государственному обвинителю материал для характеристик подсудимых. Вот, например, одна из таких характеристик (подсудимого Шаховнина):

«Я признаю,— говорил Шаховнин на предварительном следствии,— что Матвеев после угощения просил меня не арестовывать его до решения суда и не привлекать его в качестве обвиняемого, за что Матвеев обещал меня отблагодарить. Его слова о благодарности я не отверг. Но я даю слово и клянусь своей честью, что взятки от Матвеева я не получал». Прочтя это показание обви-

¹ А. Я. Вышинский, Судебные речи, Госюриздат, 1953, стр. 55.

няемого Шаховнина, я готов был ему поверить. Но я перевернул страницу и — увы! — здесь увидел чистосердечное признание того же Шаховнина в том, что он получил две тысячи рублей в качестве взятки. Я вспомнил о его честном слове, о его совести, которой он клялся, невольно поставил вопрос: как же так? Но ответа я не получил и, вероятно, ответа и не получу. Шаховнин пропил совесть, пропил честь, продал за «угощение» все, что было доброго в душе этого человека...»

Завершается исследование доказательств по «эпизоду Матвеева» выводом о составе участников:

«Вот весь этот эпизод. Тут пять лиц: Матвеев, Пахомов, Михайлов, Шаховнин и Иванов. Все виновны, вина их, конечно, не одинакова, хотя и одного рода. Я позволю себе просить вашего разрешения вопросу о наказании для обвиняемых отвести особое место по окончании всего изложения»¹.

Прием исследования доказательств по эпизодам дела является одним из наиболее распространенных и в большинстве случаев вполне оправдывает себя. Он позволяет составить ясное представление об эпизоде в целом, четко определить роль каждого из подсудимых, сопоставить одни доказательства с другими.

Не только по групповым делам, включающим значительное количество эпизодов, но и по многим делам, содержанием которых является один эпизод (например убийство), особенно при отрицании своей вины подсудимым, также бывает наиболее правильно разбить доказательства на группы, относящиеся к определенным вопросам, подлежащим доказыванию. Свой вывод о том, что именно он считает доказанным, государственный обвинитель делает после исследования каждой из таких групп доказательств.

В качестве примера такого порядка исследования доказательств мы сошлемся на речь государственного обвинителя по рассмотренному Верховным судом РСФСР уголовному делу об убийстве жителем г. Тулы Кузиным всей его семьи, состоявшей из жены, сына, невестки, и нанесении им тяжелого ранения полуторагодовой внучке.

¹ А. Я. Вышинский, Судебные речи, Госюриздат, 1953, стр. 58—59.

Как было установлено на суде, убийство это было совершено Кузиным во время ссоры из боязни разоблачений со стороны жены. Кузин отрицал свою виновность. Выдвинутая им версия сводилась к тому, что убийство было совершено группой неизвестных преступников в то время, когда Кузин отсутствовал дома (он отсутствовал 35 мин.— с 7 час. 15 мин. до 7 час. 50 мин. утра). Поэтому вопрос о времени совершения убийства имел для этого дела исключительное значение.

Вывод о виновности Кузина государственный обвинитель обосновал рядом косвенных улик. К ним относились:

1) установление того факта, что в момент убийства Кузин находился дома; опровержение выдвинутой Кузиным версии о его алиби;

2) исследование обстоятельств убийства, следов на месте преступления и орудий преступления: сюда относилось отсутствие следов борьбы; использование в качестве орудий преступления профессиональных инструментов Кузина, хранившихся в его мастерской (обычно запиравшейся Кузиным на замок),— рашпилей, ломика; исследование следов крови; поведения Кузина до убийства и после этого;

3) исследование прошлого Кузина и его взаимоотношений с семьей (преступное прошлое Кузина, опасение разоблачений, угрозы убийством жене);

4) исследование обстоятельств, характеризующих Кузина (систематическое пьянство, крайний деспотизм, необузданные вспышки гнева и др.).

Соответственно с этими узловыми вопросами все доказательства были разбиты на группы, относящиеся к определенному вопросу.

Приводим выдержку из плана речи, относящуюся к вопросу об установлении времени совершения убийства и опровержении алиби Кузина:

«1. Время совершения убийства —

1) Кузин вернулся с работы и вошел во двор дома ровно в 7 часов 50 минут утра:

а) показания соседки Кузина — свидетеля Т, удивившейся неожиданно раннему возвращению Кузина с работы и взглянувшей на часы — «было ровно 7 часов 50 минут утра» (лист дела 94, судебное следствие);

б) показания В. и Г. «около 8 часов», но К. звонил в «Скорую помощь» в 8 часов утра (судебное следствие).

2. Нарочитость поведения Кузина:

а) не стал открывать дверь, хотя имел ключ,— показания Т. (лист дела 95, судебное следствие), Б. (лист дела 104, судебное следствие);

б) дождался, пока сосед К. выглянет на стук,— показания К. (лист дела 61, судебное следствие), только после этого потянул дверь.

3. Кузин выбежал из квартиры с криком и позвал соседей около 8 часов утра:

а) копия выписки из журнала вызовов «Скорой помощи» (лист дела 196) — прибытие отмечено в 8 часов 05 минут утра;

б) показания свидетеля К.: «Я позвонил в «Скорую помощь» в 8 часов утра» (судебное следствие).

4. Кузин отсутствовал дома 35 минут:

а) работа в артели начиналась в 7 часов 30 минут (справка артели);

б) показания секретаря артели Д.: «Кузин отпросился домой еще до начала работы» (лист дела 82); пришел в артель Кузин около половины восьмого» (лист дела 82).

5. Убийство было совершено в промежутке между 6 и 7 часами:

а) показания врача «Скорой помощи» Б.: «Трупы были уже холодные» (лист дела 40, 201, судебное следствие); «раны подсохли» (там же); вывод врача: «убийство произошло между 6 и 7 часами» (там же);

б) показания К. (сам работал в «Скорой помощи», выезжал на происшествия (лист дела 11): «Кровь на простыне, лежавшей на полу, была бледной, сохлой» (лист дела 12, судебное следствие);

в) показания соседки Т. (вошла вместе с К.): «Кровь на лице Кузиной сгустилась и представляла собой как бы печенку» (лист дела 16, судебное следствие);

г) внучка Кузина Аллочка просыпалась ровно в 6 часов 30 минут утра, поэтому ее в шутку называли «часики», между тем Т. и К. обнаружили ее еще в кроватке (показания матери Кузина — лист дела 26, показания Т.— лист дела 18, показания К.— лист дела 11);

д) Валентин Кузин вставал ровно в 6 часов 30 минут утра — его обнаружили на полу в нижнем белье (протокол осмотра — лист дела 3, показания Т.— лист дела 18, показания матери Кузина — лист дела 25).

Выводы: утверждение Кузина об алиби опровергается

всеми уликами. Кузин был на месте преступления в момент убийства.

В соответствии с этим планом государственный обвинитель в своей речи так анализировал доказательства, относящиеся к опровержению алиби Кузина и установлению времени убийства:

«В 7 часов 50 минут утра во двор домовладения № 46 по улице Демонстраций в гор. Туле вошел, неожиданно рано вернувшийся с работы, мастер-пилозубщик Петр Кузин.

Это время совершенно точно установлено показаниями соседки Кузина — свидетеля Т. Удивившись, что Кузин в это утро неожиданно рано возвращается домой, свидетель взглянула на стенные часы: «Было ровно без десяти минут восемь» — так показала Т. на предварительном следствии и здесь, на суде. Два других свидетеля, видевшие возвращение Кузина, — В. и Г. — показывают: «Было около восьми часов утра», но Т. поясняет, что в «Скорую помощь» он позвонил в 8 часов утра, а значит, Кузин вернулся раньше этого времени.

Как установлено показаниями трех свидетелей — В., Т. и К., Кузин быстро шел по улице. Он явно торопился, но подходя к дому, замедлил шаги, вошел во двор с достоинством и неторопливо, у крыльца зачем-то поиграл с собачонкой и только затем подошел к двери своей квартиры.

Кузин имел ключ от входной двери и обычно сам отпирал дверь, но здесь он начал громко стучать. Он стучал до тех пор, пока из соседней квартиры не выглянул один из жильцов — К. Только после этого Кузин потянул к себе ручку двери и убедился в том, что дверь была открыта. Он вошел в квартиру и, как мы слышали из его показаний на суде, «был потрясен» открывшимся ему страшным зрелищем: в комнате, где жили его сын и невестка, на кресле, около кровати маленькой внучки, он застал неподвижно сидящую женщину. Кузин взял невестку за плечо и та безмолвно упала. На полу в этой же комнате он нашел труп сына, зверски убитого, с головой, разможенной ударом тяжелого рашпиля. Кинувшись в соседнюю комнату, Кузин застал свою жену еще живой. Лежа поперек кровати, как говорит Кузин, она еще хрипела, и когда Кузин нагнулся к ней, на лицо ему попали мелкие капли крови. Тогда, как утверждает Кузин, обезумев

от горя, он кинулся на улицу и криком призвал на помощь посторонних.

Так говорит Кузин. Он говорит и о том, что не знает, кто совершил убийство; что когда он уходил из дома, то все домашние еще спали; что убийство могло быть совершено только во время отсутствия Кузина из дома, а мы знаем, что Кузин отсутствовал не более 35—45 минут.

Так ли все это было? Я буду еще подробно говорить о Кузине, о его общественной и психической характеристике, о достоверности его показаний, но сейчас мне хотелось бы лишь остановиться на доказательствах, устанавливающих время совершения убийства, ибо прежде, чем приводить иные доказательства виновности Кузина, нужно опровергнуть его алиби; нужно доказать, что в момент совершения преступления Кузин находился на месте происшествия.

Из показаний самого Кузина, подтвержденных другими доказательствами, показаний соседей и сослуживцев, справки о времени начала работы в артели, мы знаем, что Кузин отсутствовал дома с 7 часов 15 минут до 7 часов 50 минут утра.

Между тем в результате ряда других доказательств, прошедших перед нами на судебном следствии, можно считать вполне подтвержденным, что убийство семейства Кузиных произошло не в период между 7 часами 15 минутами и 7 часами 50 минутами, а ранее.

Что это за доказательства?

Врач «Скорой помощи» Б., прибывшая на квартиру Кузиных, как это видно из записи на карте вызова, в 8 час. 05 мин. утра, обнаружила все трупы уже холодными. Из показаний Б. мы знаем, что в это время раны на трупах Валентина Кузина и Клавдии Родионовой уже подсохли. На основании этого Б. пришла к выводу, что смерть всех потерпевших наступила, примерно, между 6 и 7 часами утра.

Свидетель К., ранее также работавший на городской станции «Скорой помощи», имеющий медицинское образование и большой профессиональный опыт, сказал, что кровь на скомканной простыне, лежавшей на полу, была «бледной, сохлой». По цвету крови К. сделал вывод, что убийство произошло не менее чем час тому назад.

В комнату Кузиных свидетель К. вошел не позже чем в 8 часов утра, до прибытия «Скорой помощи». Таким об-

разом, если бы убийство непосредственно предшествовало этому моменту, то следы крови на простыне не могли бы иметь такого вида, в каком застал их свидетель.

Свидетель Т., внимательно приглядываясь к лицу Ольги Кузиной, обратила внимание на то, что кровь на лице у нее сгустилась, застыла и, как показывала здесь свидетель, «представляла собой как будто печенку».

Наконец, установлены другие детали, подтверждающие, что убийство было совершено ранее 7 часов утра.

Ряд свидетелей — мать Ольги Кузиной, подруга убитой Клавдии Кузиной — гр-ка С. и другие показали, что маленькая Аллочка просыпалась всегда ровно в 6 часов 30 минут утра, в связи с чем домашние называли ее «часиками». Когда девочка просыпалась, мать или бабушка брали ее к себе в кровать. В это же время вставал и Валентин Кузин, так как ровно в 8 часов утра он должен был быть на работе, а завод, где работал Валентин Кузин, находился от его квартиры на расстоянии примерно 30 минут ходьбы.

Между тем Аллочка в момент убийства находилась в своей кровати. Валентин Кузин был обнаружен в нижнем белье. Ольга Кузина была полуодета; это указывает на то, что она только что проснулась и не начинала еще готовить завтрак.

Все эти детали свидетельствуют о том, что убийство совершено было не ранее 6 часов, но и не позднее 7 часов утра.

Так исследование доказательств, относящихся ко времени совершения преступления, приводит нас к выводу, что Петр Кузин, по его собственным словам, вышедший из дома в 7 часов 15 минут, возвратившийся в 7 часов 50 минут, в момент совершения убийства находился дома.

Теперь, опровергнув алиби Кузина, мы должны ответить на вопрос — кем же было совершено убийство, являлся ли Кузин пассивным очевидцем преступления или же это убийство было совершено им самим...»

В этом примере вывод обвинителя о времени совершения убийства и опровержение алиби Кузина основываются на показаниях нескольких свидетелей, документах (записи в журнале «Скорой помощи», справка артели о времени начала работы) и сопоставлении с ними показаний самого Кузина.

Такое соединение в одну группу отдельных доказательств, объединенных единой темой, единым предметом доказывания, является обычным и оправдывающим себя приемом в делах, основанных на косвенных уликах. Каждая из этих групп доказательств является как бы звеном в той цепи косвенных улик, которая должна сомкнуться вокруг подсудимого.

Очевидно, что в том случае, если отдельное косвенное доказательство имеет самостоятельное доказательственное значение, если эта улика сама по себе является звеном в цепи доказательств, государственный обвинитель, разумеется, подвергнет особому исследованию это доказательство в отдельности, устанавливая связь этого доказательства с другими, показывая его как звено в цепи других доказательств.

По делам, включающим небольшое количество эпизодов, устанавливаемых немногочисленными прямыми доказательствами, бывает целесообразно давать оценку каждому такому доказательству, а установив, можно ли верить ему или нет, затем сразу же сделать вывод, какой факт устанавливается этим доказательством.

Нужно заметить, однако, что иногда оценка прямых доказательств, относящихся к так называемому главному факту, то есть к событию преступления, представляет значительные трудности и должна быть в свою очередь подкреплена прямыми или косвенными доказательствами.

г) О показаниях подсудимых

В ряде случаев анализ доказательств бывает целесообразно производить, следуя отдельным утверждениям подсудимого и опровергая их или, наоборот, подтверждая. В этих случаях обвинитель группирует доказательства в соответствии с отдельными утверждениями подсудимого.

Наиболее часто задачей государственного обвинителя бывает опровергнуть показания подсудимого, для чего, подразделяя объяснения подсудимого на отдельные утверждения, прокурор затем группирует доказательства, опровергающие каждое из них. Например, заведующий магазином утверждает, что не имел отношения к получению из швейной артели готовых изделий для нелегальной реализации их через магазин. Опровергая это, обвинитель устанавливает:

1. Из показаний счетовода К.— что накладная на отпуск изделий из артели была передана счетоводу лично заведующим магазином, в этой накладной было указано 200 единиц изделий вместо 1200, обнаруженных на складе при переучете.

2. Из показаний заведующего отделом П.— что заведующий магазином лично отпускал со склада в отдел полученную продукцию для реализации. Сколько всего было получено изделий магазином, заведующий отделом не знал.

3. Из показаний кассира магазина С.— что заведующий магазином изъясил из кассы крупную сумму денег; между тем никакой недостачи по кассе не установлено.

4. Из материалов ревизии — наличие пересортицы, недостача товаров и излишки неучтенной продукции, полученной из артели.

5. Из показаний шофера В.— что заведующий производством артели Д. лично сопровождал груженную товаром машину и по прибытии к магазину был встречен неизвестным лицом; что в предъявленном ему заведующем магазином В. опознает это неизвестное лицо, в присутствии которого изделия переносились на склад магазина, и т. д.

Такой метод исследования доказательств иногда будет совпадать с конкретными эпизодами дела, а иногда не будет совпадать в том случае, например, когда бывает необходимо опровергнуть утверждения подсудимого о его образе жизни, о характере отношений с потерпевшим, свидетелем или другими подсудимыми и т. д.

Часто государственные обвинители исследуют доказательства, группируя их по утверждениям подсудимого, также и в тех случаях, когда подсудимый отказывается от показаний, данных им на предварительном следствии, и представляется необходимым показать несостоятельность этого отказа: доказать суду, что в показаниях на предварительном следствии подсудимый частично или полностью говорил правду.

Вообще никогда не следует возлагать излишних надежд на неизменность показаний подсудимых во время предварительного и судебного следствия. Даже в том случае, если у государственного обвинителя нет сомнений в правдивости этих показаний, никогда не исключена воз-

возможность таких влияний на подсудимых, которые приведут к отказу от ранее данных показаний.

Готовясь к выступлению по делу, обвинителю следует считаться с этой возможностью. Вот почему еще до начала судебного процесса и до опроса подсудимых о виновности государственный обвинитель должен определить круг доказательств, объективно подтверждающих признание подсудимым своей вины. Даже в тех случаях, если подсудимый на судебном следствии полностью подтвердил свои показания на предварительном следствии, не следует умалчивать в обвинительной речи об этих объективных доказательствах виновности; может быть, в самой краткой форме, но их обязательно нужно изложить суду.

Однако далеко не всегда государственный обвинитель анализирует показания подсудимых для того, чтобы опровергнуть их. В других случаях он должен подвергнуть анализу показания подсудимых, подтвердить их другими доказательствами для того, чтобы установить в обвинительной речи достоверность этих показаний, их правдивость.

В судебной практике по групповым делам весьма часто один из подсудимых изобличается показаниями другого подсудимого.

Показания одного из подсудимых, обличающие другого, как правило, возбуждают наиболее активные возражения защиты, и это понятно, ибо нельзя не согласиться с утверждением академика А. Я. Вышинского: «Оговор — это опаснейшее средство в руках обвиняемого, опаснейшее орудие против правосудия»¹.

По отдельным категориям дел, встречающимся в практике государственных обвинителей, — и в первую очередь по делам о взяточничестве — одном из самых опасных должностных преступлений, показания подсудимых являются в подавляющем большинстве основным видом доказательств. К этим делам полностью применимо замечание А. Я. Вышинского, сделанное по поводу значения показаний обвиняемых по делам о контрреволюционных заговорах: «При всей осторожности постановки этого вопроса нельзя не признать в такого рода делах самостоятельного значения этого вида доказательств»².

¹ А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, Госюриздат, 1950, стр. 265.

² Там же.

Выступая на суде по делам этих категорий, государственный обвинитель обязан с особой тщательностью обосновать, почему он считает показания одного из подсудимых против другого заслуживающими доверия, какими объективными данными подтверждены эти показания, какие установленные по делу обстоятельства (отсутствие желания кому-нибудь отомстить, отсутствие личных счетов и т. д.) дают основания верить этим показаниям

Пример глубокого и убедительного анализа таких показаний подсудимых государственный обвинитель найдет в судебной речи А. Я. Вышинского по делу антисоветского троцкистского центра.

Выступая по этому делу, А. Я. Вышинский говорил:

«В процессе, когда одним из доказательств являлись показания самих обвиняемых, мы не ограничивались тем, что суд выслушивал только объяснения обвиняемых: всеми возможными и доступными средствами мы проверяли эти объяснения. Я должен сказать, что это мы здесь делали со всей объективной добросовестностью и со всей возможной тщательностью.

Для того чтобы отличить правду от лжи на суде, достаточно, конечно, судейского опыта, и каждый судья, каждый прокурор и защитник, которые провели не один десяток процессов, знают, когда обвиняемый говорит правду и когда он уходит от этой правды в каких бы то ни было целях. Но допустим, что показания обвиняемых не могут служить убедительными доказательствами. Тогда надо ответить на несколько вопросов, как требует от нас наука уголовного процесса. Если эти объяснения не соответствуют действительности, тогда это есть то, что называется в науке оговором. А если это оговор, то надо объяснить причины этого оговора. Эти причины могут быть различны. Надо показать, имеются ли налицо эти причины. Это может быть личная выгода, личный расчет, это желание кому-нибудь отомстить и т. д. Вот если с этой точки зрения подойти к делу, которое разрешается здесь, то вы в своей совещательной комнате должны будете также проанализировать эти показания, дать себе отчет в том, насколько убедительны личные признания обвиняемых, вы обязаны будете перед собою поставить вопрос и о мотивах тех или иных показаний подсудимых или свидетелей. Обстоятельства данного дела, проверенные здесь со всей возможной тщательностью, убедительно подтверждают то, что гово-

рили здесь обвиняемые... Все то, что говорили они об их деятельности, проверено экспертизой, предварительным допросом, признаниями и показаниями, и все это не может подлежать какому бы то ни было сомнению. Я считаю, что все эти обстоятельства позволяют утверждать, что в нашем настоящем судебном процессе, если и есть недостаток, то недостаток не в том, что обвиняемые сказали здесь все, что они сделали, а что обвиняемые все-таки до конца не рассказали всего того, что они сделали, что они совершили против советского государства»¹.

В этом отрывке речи А. Я. Вышинского государственный обвинитель находит не только пример оценки показаний подсудимых, изобличающих других лиц, но и общие принципы, помогающие отделить необоснованный оговор, то есть ложные показания подсудимых, от показаний, соответствующих действительности. Если налицо ложный оговор, то нужно объяснить причины этого оговора. Это важнейшее правило всегда должен иметь в виду государственный обвинитель: оно дает ему в руки сильное оружие для опровержения доводов защиты.

Между тем зачастую государственный обвинитель, поверив показаниям одних подсудимых в отношении других, не считает нужным обосновать эту свою позицию и тем самым делает ее уязвимой.

Обычно защитники, желая опорочить показания одного из подсудимых в отношении другого, используют имеющиеся в этих показаниях противоречия (зачастую мнимые противоречия, созданные искусственно в ходе перекрестного допроса) и подчеркивают обстоятельства, отрицательно характеризующие личность подсудимого или свидетельствующие о возможности оговора с его стороны (ссора, желание уменьшить свою вину и т. д.).

К сожалению, весьма часто государственные обвинители, уже предугадывающие в ходе судебного следствия подобные доводы адвокатов, не считают нужным в обвинительной речи опровергнуть эти доводы, ограничиваясь своеобразным выражением доверия показаниям подсудимых в форме таких утверждений, как «я не вижу никаких оснований не верить показаниям Н.» или «правдивость показаний подсудимого в этой их части не возбуждает

¹ А. Я. Вышинский, Судебные речи, Госюриздат, 1953, стр. 480—481.

никаких сомнений», или даже «я убежден, что вы поверите этим показаниям подсудимого». Такие весьма решительные, но бездоказательные утверждения государственных обвинителей не усиливают, а ослабляют позиции обвинения. Придя к убеждению в правдивости показаний одного из подсудимых, избобличающего другого, государственный обвинитель не имеет права отмахиваться от попыток другой стороны опорочить эти показания. Наоборот, в обвинительной речи государственный обвинитель должен использовать все объективные данные, все соображения, вытекающие из логики обстоятельств дела, подтверждающие эти показания, установить отсутствие у подсудимого мотивов для оговора и опровергнуть доводы защиты.

Поэтому часто государственный обвинитель должен подробно остановиться на доказательствах, подтверждающих показания подсудимого даже при признании подсудимым своей вины. Это бывает необходимо сделать для подтверждения правильности показаний подсудимого против других лиц.

д) О прямых и косвенных доказательствах в обвинительной речи

В методическом пособии Прокуратуры СССР, посвященном методике подготовки и произнесения обвинительной речи, утверждается, что наличие прямых доказательств, устанавливающих виновность подсудимого, всегда упрощает работу государственного обвинителя в той части обвинительной речи, которая посвящена анализу доказательств.

«Если обвиняемые не оспаривают предъявленного им обвинения, если обвинение построено на прямых доказательствах (сознание обвиняемого, показания свидетелей — очевидцев преступления и т. п.), то часть речи, посвященная анализу и оценке этих доказательств, значительно упрощается.

Прямые доказательства допускают только одно толкование. Можно либо верить, либо не верить такому доказательству, но нельзя строить на нем несколько различных выводов»¹. Вряд ли можно, однако, согласиться с тем, что

¹ «Социалистическая законность» 1938 г. № 10, стр. 20.

наличие прямых доказательств во всех случаях упрощает работу государственного обвинителя по подготовке раздела речи, посвященного исследованию доказательств.

Произнося обвинительную речь, прокурор должен обосновать свое убеждение в том, что прямые доказательства подтверждают обвинение.

Иногда такое обоснование (особенно при наличии утверждений подсудимого о враждебных отношениях между ним и свидетелем-очевидцем, при заявлениях со стороны подсудимого о ложном оговоре его другим подсудимым и т. д.) бывает весьма сложным.

Для того чтобы подкрепить прямые доказательства, государственный обвинитель должен уметь дополнить их косвенными доказательствами.

Зачастую государственные обвинители, имея прямые доказательства, склонны преувеличивать их значение и не считают нужным подтверждать их косвенными уликами. Так, имея прямые показания свидетеля-очевидца, государственный обвинитель не считает нужным ссылаться на косвенные доказательства, подтверждающие эти показания.

Это распространенная ошибка. Косвенные улики, подтверждающие прямые доказательства, являются в руках опытного обвинителя важным средством для укрепления позиции обвинения и для опровержения попыток представителей другой стороны подорвать доверие к этим прямым доказательствам.

«К несомненным достоинствам этого вида доказательств,— говорит А. Я. Вышинский о косвенных доказательствах,— относится их безусловная объективность: вещь есть вещь, факт есть факт, а факты, как известно, упрямы...

.. Факты, или, вернее, вещи, конечно, могут быть фальсифицированы, подделаны, могут, следовательно, лгать. Но заставить лгать факты несравненно труднее и опаснее, чем людей...»¹.

Поэтому во всех случаях, когда есть возможность подтвердить прямые доказательства косвенными, государственный обвинитель должен использовать эту возможность.

В книге П. Сергеевича «Искусство речи на суде» содержится по этому поводу такое утверждение:

¹ А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, Госюриздат, 1950, стр. 290—291.

«Старайтесь как можно чаще подкреплять одно доказательство другим. Если в деле есть прямое доказательство, оставьте его в стороне и докажите спорный факт косвенными уликами; сопоставление логического вывода с прямым удостоверением факта есть сильнейший прием».

Далее Сергеич ссылается на следующий пример. Некий Иван Малик был предан суду по обвинению в убийстве отца «Самой сильной уликой против него было показание одной крестьянки Анны Ткаченковой, проходившей через рощу в расстоянии нескольких шагов от места, где как раз в это время было совершено убийство; она утверждала, что слышала громкий спор и узнала голос отца и сына.

Малик отрицал свою виновность, но все местные крестьяне считали его убийцею отца. Показание Анны Ткаченковой, переданное ею чрезвычайно живо, казалось основным устоем обвинения; но защитник легко мог бы вызвать недоверие к показаниям опасной для него свидетельницы, указав, что в нем отражается общее настроение окружающих. Обвинитель сумел предупредить его. Он внимательно, без торопливости, с деловитым бесстрашием разобрал другие данные дела и потом сказал: все известные нам обстоятельства указывают, что убийство было совершено никем иным, как Иваном Маликом, во время ссоры его с отцом в роще; наряду с этим мы знаем достоверно, что в это же время, около того же места проходила Анна Ткаченкова, поэтому, если бы она сказала, что не слышала голосов ссорившихся, мы не могли бы поверить ей, мы должны были бы заключить, что она лжет»¹.

В цитированном отрывке П. Сергеич не прав, утверждая, что при наличии косвенных доказательств, подтверждающих прямые доказательства, обвинителю следует «отбросить» последние, упомянув о них вскользь, в конце изложения косвенных улик. Прямые и косвенные доказательства взаимно дополняют и усиливают друг друга, поэтому в обвинительной речи должны быть отражены как те, так и другие.

Например, обвинитель говорит «Потерпевшая опознает в подсудимом Петрове того человека, который нанес ей удар, после чего, считая ее мертвой, приступил к ограблению квартиры. Мы знаем, что Петров был предъявлен

¹ П. Сергеич, Искусство речи на суде, СПб., 1910, стр. 252—253.

потерпевшей в числе трех других мужчин, и она сразу опознала грабителя. Мы знаем также, что перед этим опознанием потерпевшая была допрошена о приметах преступника и назвала характерные приметы Петрова, правильно описав его одежду и столь характерную примету, как шрам на щеке. Но даже если бы не было прямого опознания Петрова со стороны потерпевшей (а не верить этому опознанию у меня никакого основания нет), он изобличился бы рядом косвенных улик. К числу таких доказательств относятся установленный по делу факт продажи Петровым гр-ке Н. платья, похищенного из квартиры потерпевшей. К числу таких доказательств относится также тот факт, что через два дня после совершения преступления у Петрова появилась крупная сумма денег, объяснить происхождение которых подсудимый на суде не смог. Наконец, при обыске у Петрова были обнаружены некоторые вещи, принадлежащие потерпевшей».

Наиболее сложным положение государственного обвинителя бывает по делам, основанным только на одних косвенных уликах. Сама природа косвенных доказательств такова, что отдельный доказательственный факт является нейтральным и приобретает доказательственное значение только в связи с другими доказательствами. Задача прокурора, выступающего по делу, основанному на косвенных уликах, заключается в том, чтобы создать цепь этих улик.

Однако этим не ограничиваются задачи государственного обвинителя, выступающего в суде по подобным делам. Следует помнить важное указание, сделанное по этому поводу академиком А. Я. Вышинским:

«Следователь, обвинитель, защитник, подсудимый, пользуясь косвенными доказательствами, обязаны противопоставить своей версии все возможные по обстоятельствам дела версии и доказать реальность и обоснованность только той, на которой он считает необходимым настаивать»¹.

Образцом обвинительной речи по делу, основанному на косвенных уликах, является речь А. Я. Вышинского по делу о преступлении начальника зимовки Семенчука и каюра Старцева. К этой речи мы и отсылаем читателя, но изучение речи рекомендуем сочетать с изучением раздела,

¹ А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, 1950, стр. 293—294.

посвященного косвенным доказательствам в книге А. Я. Вышинского «Теория судебных доказательств в советском праве».

е) Вопросы квалификации

Важным и обязательным элементом любой обвинительной речи является ее раздел, посвященный вопросам юридической оценки преступного деяния, то есть вопросам квалификации обвинения.

В зависимости от конкретных особенностей судебного дела эта часть обвинительной речи может быть большей или меньшей по объему, но каждый раз при поддержании обвинения прокурор в результате исследования доказательств должен определенно ответить на вопрос, образуют ли исследованные факты состав преступления и какого именно.

Выступая в суде прокурор не может забывать, что он является глашатаем советского права. Поэтому раздел речи, посвященный вопросам квалификации, следует строить так, чтобы он был понятен не только составу суда, но и всем присутствующим в зале суда, чтобы каждый присутствующий на суде убедился в строгом соответствии утверждений государственного обвинителя закону и понял смысл советского закона.

Нельзя не согласиться с выдвинутым в методическом письме Прокуратуры СССР «Методика подготовки обвинительной речи на суде» положением о том, что «прокурор не должен при этом ограничиваться узко догматическим толкованием текста статьи закона, он должен вскрыть политическое значение этого закона и на этой основе осветить и политическое значение данного дела.

Если в начале своей речи прокурор давал оценку политического значения данного процесса, он должен вспомнить об этой оценке и в данной связи показать, каким образом политическое значение дела выражается в юридической форме путем квалификации обвинения по той или иной статье Уголовного кодекса. Если такой вступительной части в речи не было и прокурор начал свою речь прямо с анализа фактических обстоятельств дела, то именно в этот момент нужно дать развернутое освещение политического значения процесса. Например, обсуждая вопрос, следует ли квалифицировать обвинение по ст 58⁸

или по ст. 136 УК РСФСР, прокурор должен отчетливо показать, в чем заключается разница между террористическим актом и бытовым убийством и к какому из этих двух видов преступлений относится данный случай.

Квалификация, отстаиваемая прокурором, должна быть основана на точном соответствии фактических обстоятельств дела букве и смыслу закона. Никакие вольности ни с законом, ни с установленными на суде фактами — абсолютно недопустимы»¹.

Величина раздела, посвященного вопросам квалификации, в значительной мере зависит от того, является ли эта квалификация очевидной или она является спорной.

Так, например, обвиняя преступника, пойманного с личным в момент совершения им карманной кражи, и установив, что подобные кражи совершались обвиняемым неоднократно, прокурор может ограничиться лишь немногими замечаниями о необходимости квалификации преступного деяния по ч. 2 ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

В данном случае простое перечисление доказанных на суде фактов уже будет свидетельствовать о правильности избранной государственным обвинителем квалификации преступного деяния.

Установив правильность этой квалификации, прокурор должен будет далее упомянуть об обстоятельствах, смягчающих или отягчающих вину преступника, исходя из обстоятельств преступления и личности преступника.

Значительно более сложным будет положение государственного обвинителя в тех случаях, когда квалификация преступления является спорной и особенно когда возникает спор об умысле или неосторожности, о покушении на совершение преступления, о соучастии, то есть необходимо исследовать вопросы, связанные с применением норм общей части уголовного кодекса.

В этих случаях прокурор должен детально исследовать эти вопросы, причем в ряде случаев не только изложив свою точку зрения, но и опровергнув утверждения подсудимого и его защитника.

Образцом глубокого и тщательного исследования вопросов юридической квалификации преступления является

¹ «Социалистическая законность» 1938 г. № 10, стр. 24.

уже упоминавшаяся нами речь А. Я. Вышинского по делу Семенчука и Старцева¹.

Требование прокурора о квалификации преступления должно быть вполне определенным. Недопустимо излагать эту часть речи, прибегая к так называемой условной квалификации, то есть предложить на выбор суда две квалификации по той или иной статье Уголовного кодекса в зависимости от усмотрения суда.

Как в случае реальной, так и в случае идеальной совокупности деяний государственный обвинитель должен обосновать квалификацию каждого из этих деяний.

Изменяя в речи квалификацию преступления, прокурор не может забывать о том, что его точка зрения не является обязательной для суда. Поэтому в таких случаях государственный обвинитель должен достаточно подробно изложить суду, почему он отказывается от ранее избранной квалификации преступления и предлагает новую квалификацию.

Понятно, что обвинитель, изменяя в своей речи квалификацию, не может ухудшить и отяготить положение обвиняемого по сравнению с обвинением, предъявленным ранее в порядке ст. 128 УПК. В случаях необходимости изменения квалификации на статью Уголовного кодекса, предусматривающую более суровую меру уголовного наказания или преступление иного рода, должно быть заявлено требование о возвращении дела на исследование.

Исследование вопросов квалификации преступления бывает обычно особенно сложным по групповым делам, где в обвинительной речи приходится разрешать вопросы, связанные с соучастием в преступлении.

Прокурор в этих случаях должен определить организаторов и исполнителей преступления и выявить роль каждого из остальных соучастников.

ж) Характеристика подсудимых, вопрос о мере наказания

Индивидуализируя вину подсудимых, государственный обвинитель должен дать в обвинительной речи характеристики каждого из них.

¹ А. Я. Вышинский, Судебные речи, Госюриздат, 1953, стр. 253—304.

Важное значение этих характеристик заключается и в том, что обычно они подготавливают суд и присутствующих на суде к требованию прокурора о мере наказания и объясняют, почему государственный обвинитель предлагает применить к одним из подсудимых меры наказания более строгие, чем к другим.

Характеризуя подсудимых, прокурор во всяком случае должен остановиться на следующих вопросах:

1. Показать степень опасности преступных действий подсудимого для государства.
2. Определить роль подсудимого в преступлении.
3. Выяснить мотивы преступной деятельности подсудимого.
4. Показать общественно-политическое лицо преступника.

Характеристики подсудимых в речи государственного обвинителя являются одним из действенных средств организации общественного мнения против преступников, носителей пережитков капитализма.

Зрелость государственного обвинителя — его умение поддерживать обвинение в суде — часто наиболее наглядно проявляются в том, насколько правильно, убедительно и доходчиво прокурор в своей речи дает характеристики подсудимым.

Эта характеристика всегда должна быть построена на конкретных материалах дела, являться выводом из этих материалов, а не представлять собою голословные утверждения обвинителя о том, каким представляется ему подсудимый.

Сказанное отнюдь не означает, что характеристика, даваемая государственным обвинителем подсудимому, должна быть обязательно развернутым изложением всего известного прокурору о биографии обвиняемого, обстоятельствах дела, относящихся к нему, и т. д.

Для того чтобы воссоздать перед судом общественно-политический облик подсудимого и показать его роль в преступлении, государственный обвинитель может использовать лишь немногие штрихи, лишь основные, вменяемые в вину подсудимому факты.

Вот, например, образец такой характеристики, ярко воссоздающий облик морально растленного взяточника Шаховнина из речи А. Я. Вышинского по делу ленинградских судебных работников.

«В этом же эпизоде появляется и Шаховнин; это первая ласточка, хотя и не первая скрипка. Это щебечущая о взятке судейская птица. Шаховнин — это своего рода пионер взяточнической эпопеи. Даже когда он спит, скажи ему: «Сеня, взятка», — он ответит: «Готов, всегда готов». Шаховнин берет вином, продуктами, деньгами, берет подметками и пальто, берет «Метрополем», берет «Таней» и «Катей». Человек широкого размаха. С ним операция производится по делу Матвеева очень оригинально и с соблюдением установившихся в этой среде правил взяточнического кодекса. Первое правило — по возможности избежать вызова к следователю на допрос. Согласно этому правилу, вызванный на допрос Матвеев в действительности на допрос не является: его приятели, Пахомов и Иванов, по соглашению с Шаховниным, устраивают ему отсрочку, освобождая его от допроса. Второе правило — так как бесконечно нельзя не являться на допрос, в особенности, когда грозит арест, то нужно застраховать себя от ареста. Эта «страховка» осуществляется также весьма искусно»¹.

Вот другой пример характеристики подсудимого нэпмана Маркитанта, взятый из той же речи А. Я. Вышинского: «Вы помните характерный разговор Маркитанта с Бродяньским? Бродяньский сказал: «С вас, буржуев, надо драть».. Маркитант отвечает: «Дери, голубчик». Милый разговорчик адвоката со своим клиентом! Как возможен такой разговор? Он возможен лишь потому, что Бродяньский приглашается для того, чтобы помочь потушить дело. Бродяньский знает свою силу, и потому идет на откровенности. «Я буду драть», — говорит он, и дерет, и Маркитант платит сразу, потому что в тюрьму никому не хочется, а раз заплатят, чтобы Шаховнин дело прекратил, то оно и будет прекращено. И вот этот небольшой штришок, как будто бы случайный, маленький разговорчик, ясно говорит о том, что и это был разговор нечестный, что это был разговор двух преступников, из которых один был сильнее и потому брал за горло и говорил: «Кошелек или свобода».

Маркитант согласен на все: лучше дери три шкуры, чем тюрьма... Он идет на подкуп. Соглашение заключено.

¹ А. Я. Вышинский, Судебные речи, Госюриздат, 1953, стр. 58.

Преступление совершено Маркитант пробует уверить нас, что он заплатил 3500 руб. за «совет», что Бродянский реально ничего не сделал по этому делу. Маркитант здесь разыгрывает рыцаря: он ничего не получил, хотя и заплатил, потому что обещал заплатить. Этому поверить нельзя. Рыцари давным-давно ушли в историю. Теперь есть тоже, правда, рыцари, но это рыцари большой дороги. Это рыцари наживы, кармана, спекуляции, нэпа, рыцари, конечно, своего кармана больше, чем своего слова. От слова они откажутся десять раз, перевернут его, переделают, заложат, выкупят и еще раз заложат, если это им даст лишнюю копейку.

Объяснение нэпмана Маркитанта неправдоподобно, ибо честь, товарищи судьи, не сделана из кусочков, как мозаика: светлое пятнышко, темное пятнышко. Честь человеческая есть нечто целостное, монолитное, и если у тебя есть честь, то честь до конца»¹.

Обе эти характеристики опираются на фактические материалы дела. Те сравнения и эпитеты, к которым прибегает А. Я. Вышинский для разоблачения преступников, полностью оправданы конкретными материалами дела, — степенью вины подсудимых, их прошлым, их ролью в преступлении. Для того чтобы показать эту роль государственного обвинителя выбирает лишь немногие, но чрезвычайно характерные и типичные черты.

Советские прокуроры должны учиться у А. Я. Вышинского тому большому искусству характеристик, которое отличает все его судебные речи.

Все характеристики, даваемые подсудимым в речах А. Я. Вышинского, строго индивидуализированы. Обвинитель решительно избегает стандартных эпитетов, нередко применяемых прокурорами по так называемым «сходным делам», то есть делам с одинаковыми ситуациями. При этом самый стиль характеристик, их язык, их резкость и острота находятся в зависимости от того, кого обвиняет А. Я. Вышинский, — обвиняет ли он расчетливого опасного преступника — классового врага, сознательно нарушающего установленный социалистическим государством правопорядок, или он обвиняет «случайного преступника».

¹ А. Я. Вышинский, Судебные речи, Госюриздат, 1953, стр. 74.

Выше были приведены те острые и беспощадные характеристики, к которым прибег А. Я. Вышинский, разоблачая взяточников — судебных работников и взяточдателей — нэпманов.

Можно сопоставить с этими характеристиками другие, данные государственным обвинителем группе моряков, служивших на пароходе «Совет». Эта часть речи характерна той индивидуализацией характеристик в зависимости от облика преступника, его личности, о которой мы говорили выше.

«Соколов О нем можно сказать два слова: это рулевой, бросивший в минуту взрыва руль и поставивший свой собственный пароход под угрозу. Его ответственность определяется этими пределами.

Сложнее дело с первым помощником капитана Михелем и председателем судового комитета Будилиным. И Михель и Будилин, конечно, виноваты, причем Будилин виноват больше Михеля. В Михеле проснулась совесть: он, хотя и с опозданием, стал требовать от капитана вернуться назад, чтобы оказать «Советскому Азербайджану» помощь. Это ему отчасти удалось при поддержке Бузулукова, Берковского и др. Это смягчает вину Михеля, особенно если принять во внимание его молодость: ему всего 23 года, он неопытен в морском деле. Нужно, в сущности говоря, удивляться тому, как могли этого молодого комсомольца назначить на такую ответственную должность, как должность первого помощника капитана!..

Если я в отношении Михеля поддерживаю обвинение, то главным образом учитывая именно это его должностное положение первого помощника капитана парохода. Ведь те 40 минут, в продолжении которых пароход «Совет» при попустительстве Михеля удалялся с места катастрофы, были решающими для жизни людей, находившихся на борту охваченного пламенем «Советского Азербайджана», и в этом попустительстве Михель виноват. Но он один из первых понял преступность действий Кривоносова и своего первоначального бездействия. Он энергично стал требовать возврата к месту катастрофы. Стараясь исправить свою первоначальную ошибку, он с опасностью для собственной жизни бросился по прибытии на место катастрофы спасать утопавших, и это нельзя не учесть при разрешении вопроса о его виновности.

Я не могу поэтому поддерживать обвинение против Михеля в полном объеме. Я вынужден просить о снисхождении к нему

Будилин — председатель судового комитета, руководитель профессиональной организации на судне, председатель профсоюза, организатор профессиональной ответственности.

Какую позицию занял он в этом деле? Проявил ли он инициативу в деле организации помощи, пыгался ли он воздействовать на капитана, организовать вокруг себя здоровые элементы парохода? К сожалению, на все эти вопросы мы должны ответить отрицательно.

Он сам оказался в стороне от охватившего группу молодых моряков стремления сломить упорство Кривоносова и заставить своего преступного командира вернуться к горевшему судну. Его вина усугубляется именно тем, что он — председатель судового комитета. Его вина усугубляется и тем, что он член партии. Будилин — не просто рядовой член команды, — это представитель нашей партийной и советской общественности, это накладывает на него серьезную ответственность. Будилину доверило государство, партия, профессиональная организация воспитание и руководство людьми. Он должен был быть образцом поведения советского моряка. Этот долг он грубо нарушил. Вот почему он должен серьезно отвечать за нарушение этой своей высокой обязанности.

...Особо нужно сказать о группе молодых матросов — Бузулукове, Рыбине, Берковском, Елжине, Мхитаряне, Фишмане, Харафиос. Они виноваты перед своими товарищами, перед нашей страной, перед советской властью в том, что, поддавшись общему паническому настроению на судне, поддавшись преступному влиянию командования парохода «Совет», слишком поздно опомнились, а опомнившись, недостаточно твердо и решительно потребовали от капитана выполнения своего морского долга.

Но это все — молодежь, не получившая, к сожалению, должного воспитания.

Посмотрите на Бузулукова. Это не плохой матрос. Это он предложил капитану взять с него расписку в том, что в случае гибели он не будет иметь никаких претензий, лишь бы ему было позволено броситься в воду спасти гибнущих товарищей. Но и этот Бузулуков был сбит с

правильного пути, был уже в значительной мере испорчен старыми, унаследованными частью моряков от капиталистического флота дурными традициями; я подчеркиваю: испорчен дурными традициями дурной части старых моряков, привыкших рассуждать так, что моя хата с краю, отвечай за себя, а до другого тебе нет никакого дела, думай в первую очередь о собственной шкуре, а остальное как-нибудь обойдется. Даже в старом флоте подобные взгляды и настроения всегда вызывали жестокое осуждение и презрение со стороны матросской массы. В советском флоте эти рассуждения и настроения еще более непереносимы, еще более позорны.

Носителем таких настроений является, например, боцман Купцов или вот эти Тренин, Афонин и Шабалин.

Не таковы Рыбин, Бузулуков, Берковский, Елкин и несколько других уже перечисленных мною обвиняемых. Хотя и с опозданием, но они поняли свою ошибку. Они потребовали от Кривоносова возвратиться к месту катастрофы, они явились, в сущности говоря, единственными, которые пытались загладить совершенное в самом начале преступления, положить предел преступному поведению командования «Совета».

Эти обстоятельства обязывают меня как государственного обвинителя отделить эту группу от других обвиняемых. Эти обстоятельства обязывают меня, строго осуждая их растерянность и нерешительность в первую минуту катастрофы, правильно оценить их последующее поведение, позволяющее просить о снисхождении к ним, даже об их оправдании.

Таковы итоги этого процесса. Государственное обвинение в моем лице и в лице главного водного прокурора на протяжении всех этих пяти дней судебного процесса прилагало все усилия к тому, чтобы наиболее объективно и исчерпывающим образом определить роль каждого из привлеченных к ответственности по этому делу и наметить те пути, которыми суд должен будет в своем приговоре прийти к окончательному решению судьбы людей, сидящих на скамье подсудимых»¹.

Абсолютно недопустимо вносить в характеристики подсудимых элементы личного озлобления. Советский обви-

¹ А. Я. Вышинский, Судебные речи, Госюриздат, 1953, стр. 230—232.

нитель должен быть беспощаден к врагам государства, к жуликам и расхитителям социалистического добра, он должен уметь разоблачать преступников, используя для этой цели острое оружие характеристик, но одновременно государственный обвинитель должен уметь делать это с достоинством, стоя на твердой основе фактов. Совершенно недопустимо прибегать в характеристиках к тем бранным эпитетам, которые иногда приходится еще слышать в суде и которые всегда не усиливают, а ослабляют обвинение.

Так, в одной из присланных в Прокуратуру СССР для опубликования речей мы прочли по адресу заведующего магазином, обвиняющегося в должностных злоупотреблениях, что последний представляет собою «тип несомненного и законченного подлеца», а несколькими строками ниже обвинитель, очевидно, считая, что эти примененные им эпитеты являются «недостаточно крепкими», добавил к ним еще и то, что обвиняемый представляет собою «моральное чудовище».

Конечно, такие бранные и бездоказательственные «характеристики» не имеют ничего общего с задачами советского обвинения в суде.

Овладение искусством характеристик — одна из самых трудных задач, стоящих перед государственным обвинителем. Овладеть этим искусством можно только в процессе работы по конкретным судебным делам и тщательно изучая характеристики, даваемые подсудимым в речах выдающихся судебных ораторов (но ни в коем случае не копируя их механически).

Характеристики подсудимых готовят суд и присутствующих в зале суда к требованию прокурора о мере наказания.

В некоторых статьях и методических пособиях, посвященных обвинительной речи и опубликованных за последнее время, в категорической форме высказывается требование во всех случаях обязательно точно обозначать в речи меру наказания, которую государственный обвинитель просит суд применить к преступнику.

Вряд ли можно признать это требование, высказанное в столь категорической форме правильным.

Разумеется, обвинитель должен указать размер наказания в том случае, если санкция статьи имеет широкие пределы (например, ст. 109 УК, предусматривающая наказание от 6 месяцев до 10 лет лишения свободы).

В этом случае, считая, положим, что наказание в виде трех лет лишения свободы является достаточным, обвинитель должен обосновать это конкретное требование.

Однако в других случаях, например, считая, что по данному делу не следует применять лишение свободы, обвинитель может ограничиться лишь этим указанием, не уточняя, к какому именно другому наказанию (ИТР, общественное порицание и т. д.) следует приговорить подсудимого.

Так поступает, в частности А. Я. Вышинский, поддерживая обвинение по делу о некомплектной отгрузке комбайнов.

Приводим эту часть речи. Обвинитель говорит: «суд в своем приговоре должен дать не только характеристику того или иного преступления и опасности этого преступления с точки зрения интересов советского государства и интересов трудящихся, но также определить те или другие меры социальной защиты для каждого из обвиняемых. Я считаю лишним, не вызывающимся необходимостью, как это иногда делается на процессах, излагать сейчас рецепты наказаний для каждого из подсудимых. Я тем более считаю это нецелесообразным осуществлять сейчас, потому что весь смысл этого процесса, как я его понимаю, заключается не только в наказании, а в том, в чем заключается смысл и величайшее культурное значение советского суда.

...Советский суд и, в частности, в данном процессе должен выполнить главным образом именно это свое предназначение — разоблачить, показать перед широкими трудящимися массами опасность для интересов государства, для хозяйственных интересов, для дела социалистического строительства тех или других преступлений трудящихся, и уже этим самым оказать на них моральное воздействие и вокруг этого дела создать ту моральную атмосферу, которая сама по себе является лучшим залогом невозможности иметь в будущем повторение этих преступлений.

Я прошу суд, определяя меру социальной защиты в отношении каждого из обвиняемых, учесть это обстоятельство, которое мне кажется для настоящего дела особенно важным и имеющим особенное значение»¹.

¹ А. Я. Вышинский, Судебные речи, Госюриздат, 1953, стр. 180.

Общее правило, относящееся к этой части речи государственного обвинителя, может быть сформулировано следующим образом. Государственный обвинитель обязан точно определить в своей речи меру уголовного наказания, когда предлагаемая им санкция является исключительной (по ее суровости или, наоборот, мягкости) или когда санкция статьи Уголовного кодекса имеет настолько широкие пределы, что точное определение меры наказания является необходимым уже в силу этого. В других случаях обвинитель может отказаться от определения точных размеров наказания, ограничившись ссылкой на то, что он считает необходимым «применить к подсудимому лишение свободы» или «применить наказание в пределах санкции соответствующей статьи УК». Вместе с тем обвинитель должен придерживаться того правила, что если он считает возможным применить к подсудимому меру наказания ниже низшего предела, предусмотренного законом (ст. 51 УК) или же применить условное осуждение (ст. 53 УК), то он в своей речи обязательно должен мотивировать, обосновать применение таких исключительных по своей мягкости мер наказания.

Это положение целиком относится и к тем случаям, когда прокурор в результате судебного исследования приходит к выводу о недоказанности обвинения или об отсутствии в действиях обвиняемого состава уголовно-наказуемого деяния.

Свой отказ от поддержания обвинения прокурору надлежит исчерпывающим образом обосновать, помня, что отказ государственного обвинителя от обвинения не связывает суд, и последний выносит приговор по своему убеждению, основанному на материалах дела.

з) Обоснование гражданского иска

Поддерживая обвинение, прокурор не может обойти молчанием вопросы возмещения ущерба, понесенного государством или потерпевшим. Даже в случае, если заинтересованная сторона не предъявила иск, прокурор в соответствии со ст. 2 ГК вправе предъявить в суде исковые требования к преступнику.

Только в исключительных случаях прокурор может сослаться на ст. 329 УПК, представляющую возможность

разрешать вопрос о размере материального ущерба в порядке гражданского судопроизводства.

Вопросы возмещения материального ущерба должны быть учтены прокурором еще во время предварительного следствия по делу. Такова же позиция прокурора, как представителя интересов государства и во время судебного заседания. Обоснование гражданского иска будет более или менее подробным в зависимости от того, участвует или нет в судебном заседании представитель гражданского истца (и, конечно, в зависимости от обстоятельств дела). Однако участие представителя гражданского истца не освобождает прокурора от обязанности высказать свое мнение по вопросу о размерах и обосновании гражданского иска.

и) **З а к л ю ч и т е л ь н а я ч а с т ь о б в и н и т е л ь н о й р е ч и**

Иногда обвинительная речь прокурора может закончиться заявлением требования о наказании. По большинству дел, рассматриваемых судами, именно такой и бывает так называемая «концовка» обвинительной речи. Однако по делам, имеющим особое общественно-политическое значение, бывает необходимо в конце речи остановиться на итогах судебного рассмотрения дела и на предупредительном значении приговора суда.

Так о предупредительном значении судебного приговора говорит в заключительной части речи по делу бывших работников Консервтреста А. Я. Вышинский:

«Оценивая общую хозяйственную деятельность подсудимых и те преступления, которые они совершили, нужно, однако, сказать, что эти преступления — к счастью для нас — ничего исключительного в уголовном смысле, ничего феерического собой не представляют. Здесь, в этом зале, перед Верховным судом, конечно, проходили гораздо более тяжелые преступления, гораздо более гнусные преступления. Но и то, что прошло здесь перед нами в течение всего судебного следствия, представляет собой такой «букет», так отдает тлетворным запахом разложения, что суд не может со всей тщательностью и строгостью не реагировать на создавшееся положение. Верховный суд должен со всей силой советского закона произнести свое слово осуждения виновных, чтобы все другие

крепко запомнили, как в Советском государстве нужно беречь народное добро, заботиться о хозяйственном благе государства трудящихся. О таком приговоре я и ходатайствую, товарищи судьи»¹.

Часто в заключительной части обвинительной речи бывает важно указать на воспитательное значение приговора суда, на значение не только наказания, но и принципиального осуждения преступного деяния, на необходимость создания такой моральной атмосферы, которая исключала бы возможность совершения преступления.

Так строится значительная часть речи А. Я. Вышинского по делу о некомплектной отгрузке комбайнов (см. выше).

Замечательным примером заключительной части обвинительной речи являются последние абзацы судебного выступления А. Я. Вышинского по делу о вредительстве на электростанциях. Обвинитель говорит здесь о могуществе пролетарского государства, которое неизбежно развеет в прах любые попытки его врагов остановить наступательное движение пролетарской революции.

Каждый прокурорский работник знаком с дающими высокие образцы революционного пафоса заключительными разделами речей А. Я. Вышинского по делам «антисоветского троцкистского центра» и «антисоветского «право-троцкистского блока».

Заключительная часть речи должна звучать уверенно и убедительно. Следует предостеречь, однако, государственных обвинителей от ложного пафоса, от стремления «перекрыть» предшествующее сухое изложение напыщенными рассуждениями «о могучем и сокрушающем ударе, который должен уничтожить преступников» и другими, подобными этой, стандартными «концовками». Такие примеры еще сравнительно часто встречаются в судебной практике. Следует также всячески предостеречь от механического копирования «концовок» речей выдающихся судебных ораторов.

Заключительная часть речи должна быть подготовлена всем предшествующим изложением. Она должна не противопоставляться другим частям обвинительной речи, а органически вытекать из них.

¹ А. Я. Вышинский, Судебные речи, Госюриздат, 1953, стр. 149.

§ 4. О форме обвинительной речи

Вопрос о форме обвинительной речи имеет большое практическое значение.

Во многом успешность выступления прокурора в суде зависит не только от того, что он скажет, но и от того, как, в какой форме он сделает это.

Однако далеко не всякая внешняя «доходчивость» обвинительной речи является приемлемой для советского государственного обвинителя.

Выступлению прокурора в советском суде органически чужды погоня за ложной красотой и «звонкой фразой», стремление «поразить» слушателей учеными цитатами и непонятными юридическими терминами, всякое позерство и рисовка перед аудиторией.

Всякое злоупотребление внешними эффектами, засорение речи ненужной словесной мишурой лишает обвинительную речь естественности, рождает у слушателей недоверие и недоброжелательное отношение к такому судебному оратору.

Выше уже говорилось о том, что основное требование, предъявляемое к форме обвинительной речи, заключается в том, чтобы эта речь была полностью понятна, как составу суда, так и всем присутствующим на судебном процессе.

Недопустимо поэтому засорять обвинительную речь иностранными словами, особенно в том случае, если они имеют русские синонимы.

Между тем до сих пор есть такие прокуроры, которые считают, что употребление к месту и не к месту иностранных слов и непонятных терминов свидетельствует якобы об «эрудированности» судебного оратора.

Желая добиться дешевого внешнего эффекта, такие обвинители без всякой нужды оснащают речь иностранной терминологией, не понимая, что таким путем они не только не завоевывают симпатий аудитории, но, наоборот, отталкивают ее от себя.

Нам приходилось слышать в суде, как государственный обвинитель, вместо того чтобы сказать «между Ивановым и Петровым произошла ссора», говорил о «коллизии, образовавшейся между Ивановым и Петровым». Этот же обвинитель, вместо того чтобы сказать «я счи-

таю необходимым подчеркнуть это», говорил «я считаю необходимым это о с о б о а ж ц е н т и р о в а т ь». В другом случае обвинитель, выступая в суде по делу о недоливе водки буфетчиком, в течение двадцати минут произносил речь о «презумпциях» и «фикциях».

В одной из присланных в Прокуратуру СССР для опубликования речей государственный обвинитель, желая подчеркнуть особую опасность такого должностного преступления, как взяточничество, заявил, что «выраженная в форме взяточничества к о р р у п ц и я государственного аппарата есть к о р р о з и я, разъедающая этот аппарат».

Можно было бы значительно продолжить этот перечень примеров засорения обвинительных речей ненужными иностранными словами.

Государственному обвинителю следует хорошо запомнить, что чем меньше будет встречаться в обвинительной речи засоряющих ее ненужных и непонятных иностранных слов, тем более высока будет убедительность и действенность этой речи.

Важное значение имеет работа государственного обвинителя над обогащением своего словарного запаса. Государственный обвинитель должен непрерывно обогащать свой словарный запас, помня, что даже являющиеся синонимами слова по-разному передают оттенки одного и того же понятия.

Так, например, слова «кара» и «наказание» всеми толковыми словарями русского языка объявляются синонимами. Однако, употребляя слово «кара», мы подчеркиваем значение наказания как возмездия за совершенное преступление, а применяя слово «наказание», придаем этому понятию более широкий смысл, включая в него и исправительное значение наказания. Поэтому, поддерживая обвинение по делу об опасном преступлении, за которое по закону должно быть назначено суровое наказание, государственный обвинитель вправе просить суд «сурово покарать» подсудимого. Однако, выступая с просьбой о назначении подсудимому общественного порицания или исправительных работ, обвинитель уже не сможет применить слово «кара», а будет говорить в своей речи о наказании.

Некоторые слова, особенно пришедшие в речь из книжного языка, могут употребляться лишь в торжественном

значении. Так, например, можно сказать «недреманное око», но «недреманный глаз» прозвучало бы комично.

Желая повысить культуру своей речи, государственный обвинитель должен уметь различать эти оттенки различных слов, выражающих одинаковые понятия.

Следует тщательно следить за своей речью, изгоняя из нее так называемые «слова-сорняки», то есть слова, без нужды повторяемые оратором: «вот», «так значит», «это самое», «таким образом» и многие другие, подобные этим, «слова-сорняки», к которым оратор обычно механически прибегает для того, чтобы заполнить паузы.

Судебные ораторы прошлого, в том числе и лучшие старые судебные ораторы, глухой стеной отделяли красноречие политическое от красноречия судебного. Наиболее резко это положение сформулировал А. Ф. Кони в своей статье «Приемы и задачи обвинения».

Это положение, конечно, является абсолютно неверным и неприемлемым для советского судебного оратора.

Форма речи советского государственного обвинителя должна быть неразрывно связана с ее содержанием, вытекать из него, быть обусловлена содержанием обвинительной речи.

В свое время гениальный русский критик и революционный демократ В. Г. Белинский, определяя требования, предъявляемые к художественному произведению, писал: «...Когда форма есть выражение содержания, она связана с ним так точно, что отделить ее от содержания — значит уничтожить самое содержание; и наоборот: отделить содержание от формы — значит уничтожить форму».

В речах В. И. Ленина и И. В. Сталина это единство содержания и формы находит свое полное воплощение. Нет ничего лишнего в этих речах до конца овладевающих вниманием слушателей или читателей, обладающих величайшей силой убеждения. Так называемые «крылатые слова», литературные сопоставления и образы, ссылки на художественные произведения и прочее привлекаются великими ораторами рабочего класса там, где они действительно необходимы, для того, чтобы еще более усилить убедительность речи, или для того, чтобы с новой стороны показать слушателям определенное явление.

Государственные обвинители должны изучать речи вождей революционного рабочего класса для того, чтобы овладеть умением на конкретных примерах делать ясными

сложные теоретические вопросы, поднимать негодование широких масс против пережитков капитализма, против носителей этих пережитков.

В ясности мысли, в совершенном владении материалами дела должен черпать государственный обвинитель ту уверенность в себе, без которой невозможно успешное выступление в суде. Эта уверенность в себе должна быть рождена уверенностью в правильности позиции, которую государственный обвинитель защищает.

Много писалось на тему о том, какими путями судебные ораторы должны учиться преодолевать волнение перед публичным выступлением, которое различные авторы называют по-разному: «страхом перед аудиторией», «ораторской лихорадкой» и т. п. В книге М. Л. Шифмана «Прокурор в судебном процессе» имеется даже нечто подобное сводке таких рецептов со ссылками на Ажана, Де-Бетса, Гарриса, проф Гильти и других авторов различных пособий по ораторскому искусству.

Мы считаем, что советскому прокурору не могут быть полезны подобные ссылки на иностранные «авторитеты», исходившие при построении своей «рецептуры» из психологии западного судебного оратора — буржуазного адвоката или делающего карьеру прокурора. то есть в конечном итоге из соображений личного «успеха» или «неуспеха» перед аудиторией.

Если при выступлении с судебной трибуны оратором будут руководить не соображения личного «успеха» или «неуспеха», а интересы дела, — если он будет целиком поглощен этим делом, убежден в правильности своей позиции и готов защищать свою точку зрения до конца, то тогда сами собой придут уверенность в себе и свободное владение словом.

Прокурор, выступающий в суде, должен воспитать в себе способность во время речи полностью сосредоточиться на предмете судебного выступления, на существе дела.

«...Изучайте внимательно материал, запоминайте его, вдумывайтесь в него и затем следуйте совету Фауста: «Говори с убеждением, слова и влияние на слушателей придут сами собой»¹ — это указание А. Ф. Кони, являющееся результатом опыта многих десятков лет судебных

¹ А. Ф. Кони, На жизненном пути, т. I, стр. 103.

выступлений, полностью справедливо и для наших государственных обвинителей.

Не следует опасаться вполне естественного перед каждым публичным выступлением волнения. Не только ораторы, но даже многие выдающиеся актеры в своих воспоминаниях и творческих заметках писали о том, что, выступая на сцене в течение многих лет в знакомых ролях, они неизменно волновались перед каждым выступлением¹. Такое волнение помогает оратору, оно делает его речь более эмоциональной, более доходчивой, конечно, если только волнение не будет мешать оратору владеть собой.

Каждая судебная речь должна быть соответствующим образом произнесена, именно произнесена, а не скучно прочитана. Ничто так не расхолаживает аудиторию, не лишает речь ее живой души, как монотонное «зачтение», во время которого часть слушателей отвлекается от существа выступления и по объему оставшейся пачки страниц начинает подсчитывать, много ли осталось еще дочитать. «Можно сказать, что из десяти ораторов девять великолепно усыпляют аудиторию и только один может более или менее поддержать ее настроение, чтобы она не засыпала», — писал М. И. Калинин, речи которого, всегда исполненные глубокой житейской мудрости, дающие яркие примеры конкретного и образного раскрытия самых сложных понятий, должны тщательно изучаться государственными обвинителями.

Несомненно, что дар «великолепно усыплять аудиторию», свойственный, к сожалению, также и многим прокурорам, проистекает в числе других причин от укоренившейся привычки к монотонному чтению обвинительных речей. Целесообразно записывать лишь некоторые наиболее ответственные части своего выступления — вступительную часть, главные выводы, вытекающие из исследования доказательств, отдельные характеристики, так называемую «концовку» речи. Однако, даже читая написанный текст, государственный обвинитель должен уметь делать это так, чтобы аудитория не чувствовала чтения, а воспринимала его как произнесение речи. Нужно научиться отрываться от текста, находку дополнять текст, следить за

¹ См., например, К. С. Станиславский, *Моя жизнь в искусстве и его же, Моя система.*

аудиторией, заменять в процессе чтения конструкцию фраз, соблюдать паузы.

Судебный оратор не должен бояться пауз, они помогают подчеркивать смысл произносимого, помогают установить контакт между оратором и аудиторией.

Произнося речь, прокурор должен следить за дыханием. Дышать нужно ровно, не допуская срывов голоса из-за «потери воздуха». Нужно беречь голос к концу речи.

*
* * *

Особо необходимо остановиться на вопросе о жестах. Обвинительная речь не терпит никакого актерствования, никаких заранее заученных и отрепетированных жестов. Прокурор, произносящий обвинительную речь, должен быть прост и естественен. В нужных случаях жест, подчеркивающий мысль, придет сам собой. Произносить речь лучше всего, стоя в поворота к зрительному залу и, конечно, обращаясь не к находящейся в зале публике, а к суду.

*
* * *

В заключение нам хотелось бы остановиться на имеющихся, к сожалению, еще до сих пор в судебной практике серьезных ошибках государственных обвинителей: раздражительности обвинительных речей, злоупотреблению цитатами, примерами из художественной литературы и т. д.

Умело и во-время примененное литературное сравнение, образ, ссылка на литературный тип и т. д. оживляют речь, придают ей большую меткость и убедительность.

Однако, как указывалось уже выше, литературные сравнения, цитаты из литературных произведений должны использоваться со строгим чувством меры, с сознанием того, что прокурором произносится обвинительная речь, а не отвлеченный доклад на литературную тему.

Потеря этого чувства меры приводит к самым вредным последствиям — аудитория перестает серьезно относиться к судебному оратору, теряется целевая направленность судебной речи.

Вот пример безвкусного злоупотребления литературными примерами, взятый из речи одного из государственных обвинителей, выступавшего по сложному судебному делу о ловком авантюристе, выдававшем себя за кандидата исторических наук.

Решив «блеснуть» перед аудиторией своим знанием литературы, этот государственный обвинитель, характеризуя в речи подсудимого, заявил:

«Все средства хороши для достижения цели», — таков был девиз подсудимого Иванова.

Известно, что это был девиз и такого классического мошенника, как Остап Бендер...

В Иванове удачно сочетаются и черты Хлестакова. Безудержное вранье, похвальба, ссылка на «высокие» связи — все это входило в арсенал средств, применявшихся Ивановым для достижения своих грязных целей.

Физиономия Иванова — это физиономия двуликого Януса»¹.

Не ограничившись таким наслоением литературных образов, обвинитель, продолжая характеристику Иванова, далее заявил:

«В этом отношении к Иванову применимы слова А. Писемского из его рассказа «Леший»: «...лжет нагло и хотя бы в одном слове заикнулся — как по писанному качает».

Но факты уличают каждый раз подсудимого во лжи. И получается у него, как у писателя И. Горбунова в его «Сценах и рассказах»: «Ведь поди же! Кажинный раз на эфтом месте...» Как соврет Иванов, так и попадаетея»².

Однако и этих ссылок на старую русскую и современную художественную литературу оказалось, по мнению обвинителя, мало для полного «уничтожения» преступника. Тогда появилось новое, уже «политическое» сравнение:

«Иванов решил, что чем чудовищнее ложь, тем ее труднее опровергнуть. Как известно, таким методом пользовался Геббельс, таким методом пользуется в настоящее время американская реакционная печать.

Но то, что одно время сходило с рук Геббельсу и пока сходит с рук Херсту и иже с ним, то не выйдет у Иванова,

¹ «Обвинительная речь прокурора», Методическое пособие, изд. Прокуратуры Казахской ССР, Алма-Ата, 1949, стр. 238—239.

² Там же, стр. 243

ибо он находится в Советской стране и дает ответ советскому суду»¹.

Мы остановились на примере этой речи государственного обвинителя в связи с тем, что она не только не была подвергнута критике со стороны руководства прокуратуры союзной республики, где работал государственный обвинитель, но, наоборот, рекомендована в качестве образца и размножена типографским способом.

Более того, комментируя эту безвкусную, совершенно лишнюю в обвинительной речи псевдолитературную «характеристику» авантюриста Иванова, составители сборника отметили: «Обвинитель дал колоритную характеристику личности подсудимого, используя ряд произведений русских и советских писателей». В действительности никакой «колоритной характеристики» все это нагромождение цитат и фамилий не создает, и если оно и характеризует кого-нибудь с неблагоприятной стороны, то лишь выступающего по делу прокурора.

Стилю советского государственного обвинителя органически чужды характерные для буржуазных прокуроров погоня за красивой фразой ради фразы, желание «блестнуть» псевдоученостью, стремление нагромоздить в обвинительной речи заимствованные из плохо понятых источников афоризмы и цитаты. Все это отошло в прошлое вместе с буржуазным судом и прокуратурой, и никто не имеет права воскрешать в нашей судебной практике подобные традиции буржуазных юристов.

Л. Н. Толстой оставил в «Воскресении» описание выступления некоего товарища прокурора, который «был от природы очень глуп, но сверх того имел несчастье окончить курс в гимназии с золотой медалью и в университете получить награду за свое сочинение о сервитутах по римскому праву, и потому был в высшей степени самоуверен, доволен собой... и вследствие этого был глуп чрезвычайно».

Вот как описывал Л. Н. Толстой выступление этого товарища прокурора, характерное для классовой буржуазной прокуратуры царской России:

«Товарищ прокурора говорил очень долго, с одной стороны, стараясь вспомнить все те умные вещи, которые он придумал, с другой стороны, главное, ни на минуту не

¹ «Обвинительная речь прокурора», Методическое пособие, изд. Прокуратуры Казахской ССР, Алма-Ата, 1949, стр. 255.

остановиться, а сделать так, чтобы речь его лилась, не умолкая, в продолжение часа с четвертью. Только один раз он остановился и довольно долго глотал слюни, но тут же справился и наверстал это замедление усиленным красноречием. Он говорил то нежным, вкрадчивым голосом, переступая с ноги на ногу, глядя на присяжных, то тихим деловым тоном, взглядывая в свою тетрадку, то громким обличительным голосом, обращаясь то к зрителям, то к присяжным. Только на подсудимых, которые все трое впились в него глазами, он ни разу не взглядывал. В его речи было все самое последнее, что было тогда в ходу в его круге и что принималось тогда и принимается еще и теперь за последнее слово научной мудрости. Тут была и наследственность, и прирожденная преступность, и Ломброзо и Тард, и эволюция и борьба за существование, и гипнотизм, и внушение, и Шарко, и декадентство»¹.

Мы далеки от мысли сравнивать прокурора, выступавшего в суде по делу авантюриста Иванова, с типичным представителем царской прокуратуры, описанным с такой беспощадной правдой Л. Н. Толстым.

Однако нам хотелось бы подчеркнуть, что злоупотребление цитатами ради желанной «образованность свою показать», засорение речи словесной мишурой ради ложной красоты идет от глубоко чуждых нам традиций стиля буржуазного судейского красноречия, со случайными рецидивами которых в нашей практике мы должны бороться.

Прибегая в нужных случаях к литературным сравнениям, эпитетам, цитатам, государственные обвинители должны делать это, строго соблюдая чувство меры, помня, что они произносят обвинительную речь в суде, а не ведут разговор на околотрадиционную тему.

В этом отношении государственным обвинителям должно существенно помочь изучение обвинительных речей А. Я. Вышинского.

В методическом пособии Прокуратуры СССР справедливо указывается, что:

«Нет никаких оснований, почему бы советский прокурор должен был излагать свою речь стилем бухгалтерского отчета и не мог облечь правильную и обоснованную мысль в яркую художественную форму.

¹ Л. Н. Толстой, Воскресение, изд. «Академия», 1935, стр. 72.

Такие примеры, как сравнения, приведение литературных и исторических примеров и даже художественные метафоры, только усиливают впечатление от обвинительной речи при непременном условии, что они дополняют, разъясняют доводы, основанные на фактических обстоятельствах дела, а не заменяют их.

Примеры из Тацита, ссылки на процессы д-ра Панченко, Прочар, д-ра Пальмера, приведенные в обвинительной речи по делу антисоветского «право-троцкистского блока», несомненно, представили в более ярком свете обвинение врачей Левина, Плетнева и Казакова, вполне доказанное рядом бесспорных фактов.

Но если бы те же примеры были приведены для того, чтобы возместить недостаток доказательств, они произвели бы совершенно обратное впечатление: каждый слушатель обвинительной речи в этом случае увидел бы не сходство, а различие между приводимыми примерами и тем обвинением, для пояснения которого они приводятся, и неизбежно подумал бы: «В тех случаях преступление было доказано, а в этом нет»¹.

Речи выдающихся судебных ораторов нужно изучать не для механического копирования их, а для творческого освоения приемов обвинителя.

К сожалению, до сих пор в практике нередки случаи простого механического копирования речей выдающихся судебных ораторов и особенно часто — речей А. Я. Вышинского. Многочисленные примеры этого можно найти даже в речах прокуроров, направляемых ими для опубликования в Прокуратуру СССР. Так, прокурор одного из крупных городов, старший советник юстиции, имеющий большой стаж работы в органах прокуратуры, выступая по делу об убийстве, закончил свою речь так:

«Я обвиняю не один. Рядом со мной обвиняет Журавлев — жертва кровавого злодеяния этих преступников, я чувствую, что рядом со мной стоят Лищинский, Шумякина, Шестакова и Шмеркин.

Я обвиняю от имени государства, от имени народа и со всем народом.

Поэтому я надеюсь, что Ваш приговор будет суровым и справедливым. Пусть он прогремит как раскат грома и отдастся во всех уголках нашего бассейна, чтобы горняки

¹ «Социалистическая законность» 1938 г. № 10, стр. 28

и строители знали, как сурово карает наш закон лиц, посягающих на народное добро, имущественные права и личности граждан.

Пусть Ваш приговор прозвучит как набатный колокол, зовущий молодежь и всех трудящихся к новым подвигам».

Мы умышленно остановились на этом примере, так как речь произносилась не новичком, а опытным прокурором, обнаружившим тем не менее полное отсутствие элементарного такта и окарикатурившего широко известные «концовки» речей А. Я. Вышинского по делам антисоветского «троцкистского центра» и антисоветского «правотроцкистского блока».

Нужно всячески предостеречь государственных обвинителей от такого механического подражания. Оно всегда делает речь неестественной, делает подобные «зачимствования» чужого текста чужеродным телом для остальной речи, делает трудным и положение самого оратора, ибо убедительно и доходчиво в обвинительной речи звучит лишь то, что выношено, прочувствовано и создано самим оратором.

§ 5. Реплика государственного обвинителя

Репликой государственного обвинителя называется ответное выступление прокурора на выступления представителей защиты. Реплика может содержать ответ на выступления всех защитников, но может являться ответом лишь на часть из них (в практике судебных выступлений по так называемым «групповым делам» последнее встречается наиболее часто). В этом случае государственный обвинитель должен прямо указать, на какие именно выступления адвокатов он намерен ответить в реплике.

Реплика — важный, но не обязательный элемент выступления прокурора в судебном процессе. Ошибочна точка зрения, согласно которой прокурор во всех случаях, при любых возражениях защиты, уже в силу того факта, что защита возражает обвинителю, обязан выступить с репликой. На практике подобные злоупотребления ответными выступлениями приводят зачастую к ненужным повторениям, а иногда снижают действенность основной обвинительной речи.

Репликой следует пользоваться лишь в тех случаях, когда в выступлениях адвокатов прокурор усматривает

явное искажение фактов, заведомо неверное толкование закона и подобные им серьезные отступления от добросовестной защиты или когда сам прокурор считает, что в обвинительной речи он упустил существенные обстоятельства или недостаточно их подчеркнул.

В некоторых случаях прокурор, произнося обвинительную речь, заранее предусматривает необходимость реплики. Это бывает наиболее часто, когда позицию защиты по определенным вопросам оказывается невозможным определить в ходе судебного следствия, а потому обвинитель ограничивается формулировкой в общем виде своих утверждений, откладывая до реплики разбор доводов другой стороны и связанный с этим разбор анализ деталей. В этом случае реплика становится необходимым элементом обвинительной речи, как бы продолжением ее.

Однако, как правило, основную обвинительную речь необходимо строить так, чтобы уже в ней содержался ответ на возможные доводы защиты. Реплика прокурора, таким образом, не является обязательным элементом судебного выступления, и прибегать к ней следует лишь в случаях действительной необходимости, когда молчание прокурора может нанести урон делу обвинения, когда обвинитель имеет веские основания полагать, что выступления защиты, оставленные без ответа, могут повлечь неправильное истолкование обстоятельств дела или неверное применение закона.

Построение реплики определяется тем, что она всегда является **о т в е т н ы м** выступлением, то есть выступлением по поводу определенных, выдвинутых защитой положений.

Обвинитель, произнося реплику, переходит от одного такого положения к другому, в большинстве случаев группируя материал не по тематическому признаку, а по лицам или по разделам, посвященным разбору отдельных защитительных речей, анализируя неверные утверждения отдельных представителей защиты.

Прокурор не должен повторять в реплике основную обвинительную речь. Лишь в исключительных случаях, когда в основном выступлении были упущены существенные вопросы, оказывается необходимым вернуться в реплике к общему исследованию обстоятельств дела (что всегда свидетельствует о слабости основной обвинительной речи).

Во вступительной части реплики обычно определяются ее пределы, обвинитель указывает, на какие именно выступления адвокатов он намерен ответить и какие вопросы считает необходимым осветить.

Возможно, например, такое начало реплики: «Внимательно выслушав доводы, приведенные в выступлениях адвокатов, я не считаю необходимым останавливаться в реплике на большинстве этих выступлений. Касаясь обстоятельств, установленных на судебном следствии, большинство адвокатов выдвигало лишь иное, чем у государственного обвинения, объяснение мотивов совершения преступлений или вело спор по вопросам квалификации. Доводы, обосновывающие обвинение по этим вопросам, уже были приведены мною в обвинительной речи и не нуждаются в повторении. Однако я считаю необходимым воспользоваться предоставленным мне законом правом реплики для того, чтобы остановиться в ней на выступлении защитника подсудимого Иванова. В его речи мы услышали о таких обстоятельствах, которые не нашли подтверждения на судебном следствии, но о которых тем не менее говорилось в защитительной речи как о чем-то твердо установленном. Голословные утверждения подсудимого, притом опровергнутые уже на судебном следствии, выдавались адвокатом за нечто действительно существовавшее. К разбору подобного рода «доводов» защитника я сейчас и перейду».

Иногда (особенно часто — в случаях выступлений по групповым делам) возникает необходимость систематизировать вопросы, на которые дается ответ в реплике прокурора, разбить их на определенные тематические группы.

В этом случае реплика строится по тематическому признаку (например, вопросы квалификации, вопрос о достоверности определенных доказательств и т. д.). Прокурор может начать реплику перечислением таких групп вопросов. Например:

«Анализируя выступления защиты, видишь, что наибольшее количество возражений встретило предложение обвинителя о квалификации преступления. Защита считает, что преступления основной группы подсудимых должны быть квалифицированы не по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», а по ст. 109 УК.

Кроме того, защитники подсудимых в своих речах старались умалить значение доказательств, устанавливающих хищения. Поэтому моя реплика будет разделяться на две части. Я должен буду остановиться в ней как на вопросах, связанных с доказательственной стороной дела, так и на вопросах, связанных с юридической квалификацией действий подсудимых».

Так же как и основная обвинительная речь, реплика должна быть конкретна и доказательна. Недопустимо ограничиваться приведением хотя бы и «самых решительных», но не подкрепленных конкретными доказательствами утверждений по поводу выступлений адвокатов.

Один из государственных обвинителей, поддерживая обвинение по делу о хищении, в реплике заявил:

«Когда я слушал выступление адвоката К., то удивлялся. Как можно говорить о том, что в действиях его подзащитного нет Указа, когда в действительности он воровал. Непонятно, как мог адвокат вообще выступить с такой речью».

По существу обвинитель был прав, так как подсудимый, которого защищал адвокат К., действительно совершил ряд хищений. Однако в реплике или совсем не следовало останавливаться на выступлении этого адвоката (если прокурор считал вопрос о виновности подсудимого вполне ясным для суда), или остановиться на этом выступлении, исследовав и разбив неверные доводы адвоката, а не выражая наивное и бездоказательное «недоумение» по поводу защитительной речи. В таком виде, как это сделал государственный обвинитель, его реплика могла оказаться лишь вредной для дела обвинения, так как создавала для адвоката возможность в свою очередь воспользоваться репликой и заявить в ней, что кроме выражения своего «удивления» обвинитель не смог привести ни одного довода, по существу опровергающего версию защиты.

Выше уже указывалось, что реплика обвинителя практически наиболее часто оказывается состоящей из ряда ответов прокурора на отдельные затронутые в речах защиты вопросы.

Лишь сравнительно редко оказывается возможным, выступая с репликой, располагать материал по тематическому признаку. В большинстве случаев реплика будет состоять из ряда отдельных возражений защитникам.

Следует наиболее сильные, то есть наиболее аргументированные и очевидные для слушателей возражения, излагать в конце реплики. Такие возражения как бы подводят итог всему судебному выступлению прокурора, еще раз показывая крепость позиций обвинения и несостоятельность попыток защиты поколебать их

Заканчивая разбор определенного выдвинутого защитой положения, следует делать четкий вывод, показывая слушателям, что именно считает в данном случае установленным государственный обвинитель.

Реплика государственного обвинителя всегда является полемическим выступлением (за исключением редких случаев, когда обвинитель в результате прений сторон считает необходимым в чем-либо отойти от ранее сформулированных в обвинительной речи положений и присоединиться к защите).

Однако полемичность обвинительной речи является прежде всего спором по существу дела, спором на твердой основе доказательств и правовых положений. Недопустимо превращать реплику в перебранку сторон, при которой анализ доказательств подменяется «сильными выражениями», подчас оскорбительными для другой стороны.

Произнося реплику, государственный обвинитель должен особенно хорошо помнить, что само положение советского прокурора, выступающего в суде, обязывает его полемизировать с достоинством, опровергая доводы защиты по существу, показывая их несостоятельность и несоответствие материалам дела, но не опускаясь до перебранки.

Понятно, что (особенно в случаях недобросовестности адвоката, сознательного искажения им обстоятельств дела) судебная полемика может быть очень острой. В этих случаях особенно необходимым качеством для обвинителя будет умение владеть собой, выдержка, которая позволит, всячески избегая нервозности и злоупотребления «сильными выражениями» по адресу адвокатов, показать несостоятельность попыток защиты.

Следует помнить, что наибольшее влияние на суд и аудиторию имеют выступления спокойные и уверенные, максимально аргументированные, в которых резкий эпитет или характеристика появляются как вывод из предшествующего анализа, но не как бездоказательное

утверждение, зачастую не оправдываемое фактическими материалами дела.

Запальчивость и раздражительность, не говоря уже о грубости, всегда вредны для государственного обвинителя, они не усиливают впечатления от выступления прокурора, а, наоборот, ослабляют его.

Однако спокойствие и сдержанность обвинителя отнюдь не означают его терпимости к нарушениям закона или искажению фактических обстоятельств дела. Такая «терпимость» за счет кровных интересов обвинения является совершенно недопустимой.

В случае, если прокурор, выступающий в суде, придет к убеждению, что адвокат сознательно искажает правильную перспективу дела, извращает закон и т. д., он должен реагировать на это остро и незамедлительно, со всей непримиримостью, к которой обязывает его государственный и партийный долг. Важно лишь, чтобы любое из подобных утверждений прокурора было **д о к а з а н о**, основывалось на твердых правовых и фактических положениях.

Суд и аудитория всегда высоко оценивают сдержанность и такт судебного оратора, который даже в том случае, если его противник позволил личные выпады, не опускается до подобных приемов полемики, а опровергает доводы защиты по существу, показывает их внутреннюю порочность и несостоятельность.

Иногда для усиления воздействия на слушателей бывает полезным прямо подчеркнуть, что обвинитель не считает возможным для себя прибегать к приемам, использованным во время судебной полемики представителем другой стороны. Зачастую материал для подобных заявлений дают сами защитники, злоупотребляющие в выступлениях отрицательными оценками обвинительной речи, но не подтверждающие этих утверждений достаточными доказательствами. Во многих защитительных речах упоминается, например, о «карточном домике» обвинения, который должен рассыпаться от «дуновения» адвоката. В подавляющем большинстве случаев это решительное утверждение остается невыполненным, и тогда ироническое упоминание в реплике о «карточном домике», который обещал разрушить адвокат, обращает сравнение против его автора.

Ирония и даже сарказм возможны в реплике, но, как правило, ироническое замечание должно появляться как

завершение убедительного и обоснованного разбора ошибок противника или неправильных положений, выдвинутых им, а не как не подтвержденное последующим изложением громкое, но бездоказательное заявление.

Готовясь к реплике, обвинитель прежде всего обязан уделить внимание возражениям по существу, а не «крылатым словам» или язвительным придирам к обмолвкам противника.

Мы считали бы необходимым предостеречь обвинителя от поучающего доктринерского тона в реплике. Так же, как прямая грубость, такой тон ослабляет выступление прокурора.

Такие возражения, как: «ввиду того, что адвокат ломится в открытую дверь, я вынужден разъяснить ему некоторые элементарные вещи» или «придется мне прочесть защите элементарную лекцию», или иные, подобные им, к сожалению, еще встречаются в судебной полемике.

В Прокуратуру СССР поступила стенограмма судебных прений, во время которых прокурор заявил в реплике, что «адвокат в своих логических построениях повторил типичные ошибки эмпириомонистов» (?!). «Доказательству» этого и была в основном посвящена реплика прокурора. В свою очередь оскорбленный адвокат ответ на реплику посвятил «доказательству» того, что если к кому-нибудь и имеют отношение махисты и эмпириомонисты, то только к представителю обвинения, а не защиты. За этим никчемным, лженаучным спором совсем потерялся подсудимый, растративший около 4000 руб.

Этот анекдотичный пример, конечно, не типичен, но случаи, когда несогласный с утверждениями защиты прокурор начинает раздраженно «поучать» своего противника, еще довольно распространены. Аудитория справедливо оценивает такой прием полемики как проявление своеобразного высокомерия и реагирует на него отрицательно.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Предисловие	3
<i>Глава первая. ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ</i>	11
§ 1. Основные положения	11
§ 2. Предмет доказывания	14
§ 3. Источники доказательств	27
§ 4. Первоначальные и производные доказательства	51
§ 5. Обвинительные и оправдательные доказательства	53
§ 6. Прямые и косвенные доказательства	56
§ 7. Доказывание в стадии предварительного расследования и в судебном разбирательстве	64
<i>Глава вторая. ПОДГОТОВКА ОБВИНИТЕЛЯ К ВЫСТУПЛЕНИЮ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ</i>	75
§ 1. Подготовка к участию в судебном разбирательстве	75
§ 2. Подготовка к обвинительной речи	107
<i>Глава третья. УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ</i>	114
§ 1. Значение судебного рассмотрения	114
§ 2. Участие обвинителя в подготовительной части судебного заседания	118
§ 3. Участие обвинителя в судебном следствии	141
§ 4. Разрешение некоторых специальных вопросов, возникающих на судебном следствии	195

<i>Глава четвертая. РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ</i>	211
§ 1. Общая характеристика	211
§ 2. Особенности обвинительной речи как публичного выступления	213
§ 3. Основные элементы обвинительной речи	233
§ 4. О форме обвинительной речи	289
§ 5. Реплика государственного обвинителя	299

Редактор А. М. Яковлев
Технический редактор Е. В. Мулин

Сдано в набор 8/IV 1954 г. Подписано к печати
23 IV 1954 г. Формат бумаги 84×108 $\frac{1}{8}$. Объем физ.
печ. л. 9,63; условн печ л. 15,79. учетно изд. л. 16,57.
Тираж 20 000. А01832 Цена 9 р. 30 к.

Госюриздат — Москва, Ж—4, Товарищеский пер., 19.

Заказ № 1230.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома
Главиздата Министерства культуры СССР.
Москва, Валовая, 28.